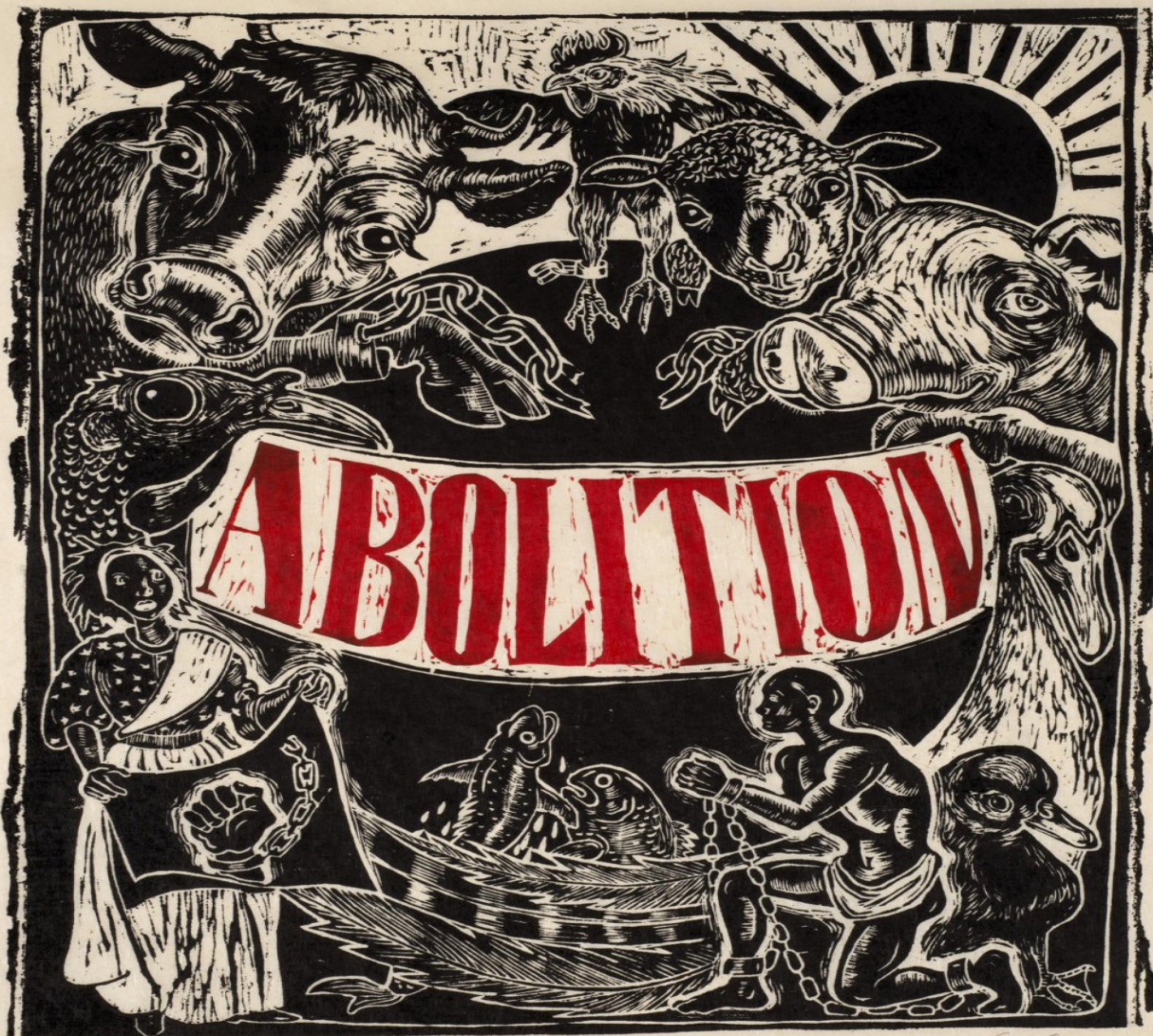

ПРАВА ЖИВОТНЫХ: АБОЛИЦИОНИСТСКИЙ ПОДХОД

Гэри Фрэнсион и Анна Чарльтон

ПРАВА ЖИВОТНЫХ: АБОЛИЦИОНИСТСКИЙ ПОДХОД

Гэри Фрэнсион и Анна Чарльтон

Автор перевода: Денис Шаманов

Веганкам-аболиционисткам всего мира, которые посвятили себя созданию народного движения для изменения парадигмы «животные — собственность» на «животные — личности».

Оглавление

[Благодарности](#)

[Революция сердца](#)

[Манифест Аболиционистского Подхода к Правам Животных](#)

[Первый Принцип](#)

[Люди, другие животные и собственность](#)

[Что такое право?](#)

[Право каждого человека не быть использованным в качестве собственности](#)

[Право не быть использованным в качестве собственности: отличные от людей животные](#)

[Аналогичное обращение в аналогичных ситуациях: принцип равного уважения](#)

[Аболиционизм и равенство](#)

[Право не быть собственностью и одомашнивание](#)

[Заключение](#)

[Рекомендации для дальнейшего чтения](#)

[Второй Принцип](#)

[Отказ от велферизма](#)

[Происхождение велферизма](#)

[Питер Сингер и «Освобождение Животных»](#)

[Разновидности велферизма и регуляции эксплуатации животных](#)

[Почему аболиционистки и аболиционисты отказываются от реформ эксплуатации и УНК](#)

[А что говорит «наука»?](#)

[Примечание о целях и стратегиях](#)

[Заключение](#)

[Рекомендации для дальнейшего чтения](#)

[Третий Принцип](#)

[Веганство как моральный императив](#)

[Вегетарианство как «ступень»?](#)

[Больше, чем веганство: творческое и ненасильственное веганское образование](#)

[Десять простых рекомендаций для аболиционистского веганского](#)

[активизма](#)

[Современное «зоозащитное движение»: отказ от веганства](#)

[Новейшая стратегия новых велферистов: «редуктарианство» \(и «счастливая эксплуатация»\) более «эффективно», чем веганство](#)

[Заключение](#)

[Рекомендации для дальнейшего чтения](#)

[Четвертый Принцип](#)

[Отказ от основ велферизма](#)

[Подход «схожих разумов»](#)

[Элитарность подхода «схожих разумов»](#)

[Способность чувствовать и другие правовые подходы](#)

[Заключение](#)

[Рекомендации для дальнейшего чтения](#)

[Пятый Принцип](#)

[Все виды дискриминации схожи](#)

[Использование дискриминации людей для предположительной защиты прав животных](#)

[Но что насчет проблем людей? Разве они не прежде всего?](#)

[Заключение](#)

[Рекомендации для дальнейшего чтения](#)

[Шестой Принцип](#)

[Три проблемы насилия](#)

[Велферизм и насилие](#)

[Аболиционистский Подход — пассивный?](#)

[Полное избежание причинения вреда невозможно](#)

[Заключение](#)

[Рекомендации для дальнейшего чтения](#)

[Заметка об Аболиционистском Подходе, этике, религии и духовности](#)

[Этическая обеспокоенность, моральный импульс и логические аргументы в агитации за права животных](#)

[Рекомендации для дальнейшего чтения](#)

[Сноски](#)

Благодарности

Спасибо Элизабет Коллинс, Марианне Гонзалез, Фрэнсис МакКормак и Линде МакКинзи за помощь в редактировании. Марианне Гонзалез, Винсенту Гиану и Фопп де Хаан за помощь в производстве. Марианна Гонзалез выступила руководительницей этого проекта.

Мы выражаем нашу глубокую признательность подруге и соратнице, Сью Коу, которая написала картину специально для обложки этой книги.

Революция сердца

Эта книга о революции — революции сердца.

Во всем мире правящий балом корпоративный патриархат обращается с женщинами, людьми цвета, людьми с психическими расстройствами, детьми, пожилыми, бедными и многими другими людьми так, словно они являются второсортными гражданками и гражданами. И все же, животные во многом наиболее уязвимы. Их эксплуатация является всеобъемлющей, укоренившейся и невыразимо ужасающей. Мы не только можем пытаться и убивать их совершенно безнаказанно; от нас ожидают этого. Об этических проблемах насилия в отношении людей мы по крайней мере говорим, но насилие в отношении других животных в основном считается нормой, в особенности когда это насилие называют «гуманным». Даже крупные благотворительные зоозащитные организации считают отказ от участия в этой резне ненормальным и антисоциальным. Эти организации заявляют, что мы можем удовлетворить свои моральные обязательства перед животными, если будем эксплуатировать их якобы более «гуманным» образом.

Будет неправильным называть производителей продуктов животного происхождения нашими «врагами», чтобы избежать личной ответственности. Институциональные эксплуататоры удовлетворяют спрос — *наш спрос*. Они просто делают то, что *мы* хотим, чтобы они делали. Удовлетворяя наш спрос, они поступают неправильно. Но это *наш* спрос, на который они реагируют.

Мы должны отменить эксплуатацию животных, а не регулировать ее. Отмена их эксплуатации требует смены парадигмы. Она требует признания, что насилие в отношении уязвимых аморально по своей сути. Она призывает к революции сердца.

Эта революция должна произойти в каждой и каждом из нас. И она произойдет, если мы этого захотим. Она начинается с нашего перехода на веганство — нашего отказа от употребления животных в пищу, ношения их в качестве одежды и другого использования — не в качестве какого-то «гибкого образа жизни», а в качестве основной, фундаментальной и необратимой приверженности справедливости по отношению к животным и отказу от насилия над ними. Веганство, как

моральный императив, олицетворяет собой наше признание в том, что мы не имеем морального оправдания для использования животных в своих целях, каким бы «гуманным» оно ни было. Революция продолжается в нашей ежедневной работе, подразумевающей творческое, позитивное и ненасильственное распространение идеи веганства среди других людей — этим может заниматься каждая и каждый из нас, если действительно этого захочет. Каждый день предоставляет нам возможности для образования членов наших семей, друзей, коллег по работе и людей, которых мы встречаем в магазинах или в автобусах. Легче выписать чек, чтобы другие люди сделали работу за нас, не так ли? Конечно легче. Но это не работает.

Нам не нужны крупные зоозащитные организации, чтобы добиться справедливости. На самом деле, чем больше мы будем на них полагаться, тем дальше мы будем отходить от своей цели. Крупные зоозащитные организации — это *бизнес*. Они продают реформы эксплуатации животных. Они продают «счастливую эксплуатацию» в виде более широких клеток для куриц, большего пространства для свиней и телят, более «гуманного» процесса забоя и тому подобного. Многие люди испытывают навязчивое чувство вины из-за потребления животных, а эти организации помогают им чувствовать себя лучше и продолжать потреблять их. Многие любят своих животных-компаньонов и относятся к ним как к членам семьи, но втыкают вилки в других животных и на некотором уровне осознают эту этическую непоследовательность. Тем не менее, крупные зоозащитные организации просят нас ни о чем не беспокоиться и сделать пожертвование, чтобы они «минимизировали» страдания животных и якобы устранили «наихудшие случаи дурного обращения» с ними. Жертвователи, как утверждают эти организации, могут продолжать участвовать в эксплуатации животных и чувствовать себя комфортно, зная, что они заплатили, чтобы сделать эксплуатацию «гуманной».

В результате термин «права животных» стал запутанным и размытым в угоду оппортунизму. Теперь мы все стали «защитниками прав животных», но для животных, которых мы эксплуатируем, ничего не изменилось.

Нам необходимо изменить образ мышления людей о других животных и насилии.

Нам необходимо народное движение, которое потребует

справедливости для животных и призовет не к регуляции, а к отмене их эксплуатации. Наши средства должны соответствовать нашей цели. Мы не сможем отменить эксплуатацию, призывая к «гуманной» эксплуатации. Это бессмысленно как с точки зрения этики, так и с точки зрения практики. Нам необходимо народное движение, призывающее к веганству как к моральному императиву.

Если мы надеемся изменить для животных хоть что-либо, мы должны сменить парадигму в общественном сознании. Аболиционистский Подход к Правам Животных предоставляет такой образ мышления об этике в отношении животных, который может способствовать смене этой парадигмы. Аболиционистский Подход состоит из шести принципов. Мы предоставляем план действий для народного движения, которое может помочь нам создать веганский мир.

В основе Аболиционистского Подхода лежит идея о том, что первичной этической проблемой является не *обращение* с животными, а их *использование*. Меньше страданий, разумеется, лучше, чем больше страданий. Будет лучше избивать рабов девять раз в неделю, а не десять. Но небольшое уменьшение вреда не поднимает вопрос о фундаментальной несправедливости института рабства. Аналогично, содержание куриц в «расширенных» клетках вместо обычных не только не делает заметного вклада в благополучие куриц, но и не поднимает вопрос о несправедливости обращения с животными как с собственностью — как с вещами, которые существуют исключительно в качестве наших ресурсов. На самом деле людей убеждают в этичности потребления яиц от куриц, которых держат в «расширенных» клетках. Кроме того, мы должны недвусмысленно объяснять, что нет никакой моральной разницы между мясом и другой «едой» животного происхождения, или между мехом и шерстью, или между собаками, кошками, дельфинами, китами и отличными от людей приматами с одной стороны и курицами, свиньями, коровами, рыбами и грызунами с другой.

Те, кто называют себя «аболиционистами», но в то же время поддерживают реформы эксплуатации и узконаправленные кампании, не являются «аболиционистами» в том смысле, какой мы вкладываем в этот термин. На самом деле их позиция, согласно которой «аболиционисты» могут поддерживать эти кампании, — это та самая позиция, которую мы отвергаем в пользу аболиционистской позиции,

сфокусированной на веганстве как моральном императиве: все, кого волнуют вопросы этики в отношении животных, обязаны перейти на веганство *сегодня*. Так что люди, которые поддерживают реформы эксплуатации и узконаправленные кампании, могут называть себя «аболиционистами», если им так хочется, но они не являются аболиционистами в том смысле, в котором мы используем этот термин. Аболиционистки и аболиционисты — это те, кто *сегодня* заявляет, что использование животных аморально, несправедливо и должно прекратиться, и что каждая и каждый из нас может *сегодня* сделать что-то, что приблизит конец этого ужасного насилия, которым является эксплуатация животных. Аболиционистки и аболиционисты участвуют в творческом ненасильственном веганском образовании и они всегда ясно дают понять, что если животные имеют моральную ценность, тогда веганство является единственным этичным решением, и что люди, которые еще не перешли на веганство, напрямую участвуют в эксплуатации животных.

* * * * *

Аболиционистский Подход представляет собой итог трех десятилетий опыта и работы. Мы участвовали в зоозащитном движении в начале 1980-х. Мы были волонтерами в разных зоозащитных группах и внесли значительный вклад в общественную юридическую работу для этих групп и отдельных зоозащитниц и зоозащитников. С 1990 по 2000 гг. мы руководили Юридическим Центром по Правам Животных Юридической Школы Университета Ратгерс, который был первым в своем роде во всем мире. Студентки и студенты получали зачеты за изучение теории прав животных во время работы над реальными юридическими делами, связанными с животными. Мы писали об этих вопросах на протяжении десятилетий. С этой перспективы мы призываем к радикальным переменам.

Эта книга является введением в Аболиционистский Подход. Несмотря на то, что она касается всех основных идей этого подхода к правам животных, она не может раскрыть их всецело. Поэтому, пожалуйста, рассматривайте обсуждение каждого принципа в качестве обзора относящихся к нему идей. Там, где это необходимо, мы снабдили цитаты ссылками и призываем вас ознакомиться с цитируемыми

источниками, чтобы вы могли узнать больше об обсуждаемых вопросах и точках зрения. Кроме того, за каждым обсуждением следует раздел с рекомендациями для дальнейшего чтения, чтобы вы могли глубже изучить эти идеи.

Манифест Аболиционистского Подхода к Правам Животных

Первый принцип

Аболиционистки и аболиционисты утверждают, что все чувствующие существа, как люди, так и другие животные, имеют одно фундаментальное право — право не быть использованными в качестве чужой собственности.

Краткое изложение

Животные классифицируются как собственность и используются исключительно в качестве человеческих ресурсов. Несмотря на наши утверждения о том, что мы считаем, что животные имеют моральную ценность и не являются просто вещами, их статус в качестве собственности означает, что у них есть только экономическая ценность и нет моральной. Все мы соглашались, что обращение с людьми как с собственностью противоречит их признанию в качестве членов морального сообщества. Мы разделяем фундаментальный этический принцип, согласно которому все люди, независимо от их особенностей, имеют базовое моральное право не быть собственностью. На этом принципе основано всеобщее осуждение человеческого рабства. Что бы мы ни говорили, но статус животных в качестве собственности означает, что животные считаются вещами. Не существует способа отделить людей от других животных, который мог бы оправдать отказ всем чувствующим существам в признании того же права, которое мы признаем за всеми людьми. Мы должны признать, что все чувствующие существа равны в праве не быть использованными исключительно в качестве человеческих ресурсов. Аболиционистский Подход утверждает, что никакое использование животных не имеет морального оправдания, каким бы предположительно «гуманным» оно ни было.

Второй принцип

Аболиционистки и аболиционисты утверждают, что наше признание

этого единственного базового права означает, что мы должны отменить институциональную эксплуатацию животных, а не просто регулировать ее, и что мы не должны поддерживать реформы эксплуатации животных и узконаправленные кампании.

Краткое изложение

Признание за животными права не быть использованными в качестве собственности требует от нас отмены их институциональной эксплуатации, а не просто ее регуляции в сторону «гуманности». Аболиционистки и аболиционисты отказываются от кампаний за реформы эксплуатации животных. Они также отказываются от узконаправленных кампаний — особого вида регуляционных кампаний, которые выделяют определенные формы эксплуатации животных как отличающиеся от других форм в худшую сторону и таким образом предполагают, что другие формы эксплуатации приемлемы. Кампании за реформы эксплуатации и узконаправленные кампании на самом деле *поддерживают* эксплуатацию животных и приводят к сотрудничеству между так называемыми зоозащитниками и институциональными эксплуататорами.

Третий принцип

Аболиционистки и аболиционисты утверждают, что веганство является моральным минимумом и что творческое ненасильственное веганское образование должно быть краеугольным камнем рациональной защиты прав животных.

Краткое изложение

Аболиционистки и аболиционисты отстаивают идею о том, что есть веганство, а есть эксплуатация животных: третьего не дано. Отказываться от перехода на веганство значит напрямую участвовать в эксплуатации животных. Аболиционистки и аболиционисты продвигают веганство как этический минимум или моральный императив и как *единственный* рациональный ответ на признание моральной ценности животных. Если животные имеют моральную ценность, тогда мы не можем обращаться с ними как с вещами: есть,

носить или еще как-либо использовать их. В точности как противницы и противники рабства не могли иметь рабов, аболиционистки и аболиционисты, выступающие против рабства животных, не могут потреблять продукты животного происхождения. Веганство для нас является фундаментальным вопросом справедливости. Так как Аболиционистский Подход является народным движением, продвижение веганства как фундаментального принципа справедливости не требует богатых меценатов и «лидеров». Мы все можем сделать это и мы должны сделать это, объединившись в народное движение. Мы все должны быть лидерами.

Четвертый принцип

Аболиционистский Подход связывает моральный статус животных исключительно со способностью чувствовать и ни с одной другой когнитивной характеристикой. Все чувствующие существа равны в праве не быть использованными исключительно в качестве ресурсов.

Краткое изложение

Способность чувствовать подразумевает наличие субъективного сознания. Есть *кто-то*, кто воспринимает и познает мир. Чувствующее существо имеет интересы, то есть предпочтения, желания и стремления. Способность чувствовать является необходимым и достаточным условием для обладания правом не быть использованным в качестве средства достижения человеческих целей. Признание за существом этого права налагает на людей моральное обязательство не использовать это существо в качестве ресурса. Для обладания правом не быть использованным в качестве собственности, чувствующему существу нет никакой необходимости в обладании человеческими когнитивными способностями.

Пятый принцип

Равно как аболиционистки и аболиционисты выступают против спесишизма, они выступают против всех форм дискриминации людей, включая расизм, сексизм, гетеросексизм, эйджизм, эйблизм и классизм.

Краткое изложение

Аболиционистский Подход к Правам Животных выступает против спесишизма, потому что он, как и расизм, сексизм, гетеросексизм и другие формы дискриминации людей, обесценивает или не учитывает интересы чувствующих существ на основании морально нерелевантного критерия (биологического вида). Но любое противостояние спесишизму имеет смысл *только* как часть общего противостояния всем формам дискриминации. Мы *не можем* выступать против спесишизма, но при этом утверждать, что, как защитницы и защитники прав животных, не имеем ничего против других форм дискриминации. Мы не можем выступать против использования биологического вида как морально приемлемого критерия для обесценивания и игнорирования интересов животных, но не возражать при этом против использования расы, пола, сексуальной ориентации/сексуальных предпочтений в качестве морально приемлемых критериев для обесценивания и игнорирования интересов людей. Наше противостояние спесишизму *требует* от нас противостояния всем формам дискриминации.

Шестой принцип

Аболиционистки и аболиционисты считают принцип ненасилия основным принципом движения в защиту прав животных.

Краткое изложение

Аболиционистский Подход выступает против любого насилия, потому что рассматривает движение за права животных в качестве развития движения за мир во всем мире, которое включает в себя заботу о всех животных. Кроме того, учитывая, что большинство людей участвует в эксплуатации животных, не существует принципиального способа выделить эксплуататоров с целью оправдания насилия. Наконец, из-за всеобъемлющей эксплуатации насилие может быть воспринято только как патологическая реакция на что-то, считающееся нормой. Единственный реальный выход — перейти на веганство в качестве этического минимума на индивидуальном уровне и участвовать в творческом ненасильственном веганском образовании с аболиционистской перспективой на социальном уровне.

Первый Принцип

Аболиционистки и аболиционисты утверждают, что все чувствующие существа, как люди, так и другие животные, имеют одно фундаментальное право — право не быть использованными в качестве чужой собственности.

Краткое изложение

Животные классифицируются как собственность и используются исключительно в качестве человеческих ресурсов. Несмотря на наши утверждения о том, что мы считаем, что животные имеют моральную ценность и не являются просто вещами, их статус в качестве собственности означает, что у них есть только экономическая ценность и нет моральной. Все мы соглашаемся, что обращение с людьми как с собственностью противоречит их признанию в качестве членов морального сообщества. Мы разделяем фундаментальный этический принцип, согласно которому все люди, независимо от их особенностей, имеют базовое моральное право не быть собственностью. На этом принципе основано всеобщее осуждение человеческого рабства. Что бы мы ни говорили, но статус животных в качестве собственности означает, что животные считаются вещами. Не существует способа отделить людей от других животных, который мог бы оправдать отказ всем чувствующим существам в признании того же права, которое мы признаем за всеми людьми. Мы должны признать, что все чувствующие существа равны в праве не быть использованными исключительно в качестве человеческих ресурсов. Аболиционистский Подход утверждает, что никакое использование животных не имеет морального оправдания, каким бы предположительно «гуманным» оно ни было.

Люди, другие животные и собственность

Животные либо являются *вещами*, что подразумевает отсутствие у них моральной ценности и каких-либо моральных обязательств перед ними с нашей стороны, либо у них все же есть моральная ценность, а у нас перед ними моральные обязательства.

Мы убеждены, что большинство людей не разделяет идею о том, что животные являются вещами, напротив, они считают, что животные обладают моральной ценностью. На самом деле мы зайдем дальше и заявим, что многие люди испытывают некоторое чувство родства с другими животными.

Основополагающий принцип Аболиционистского Подхода заключается в том, что животные имеют моральную ценность и это означает, что мы *должны* признать за ними одно фундаментальное моральное право — право не быть использованными в качестве собственности. То есть если животные имеют моральную ценность — если они не просто вещи — тогда они *не могут* быть собственностью.

Почему?

Потому что быть собственностью *значит* быть вещью, которая существует исключительно в качестве чужого ресурса. Статус собственности несовместим с обладанием моральной ценностью. Быть собственностью значит быть *чем-то*, а не *кем-то*.

Мы соглашались с этим в контексте людей независимо от их особенностей и в результате признаем за ними моральное право не быть собственностью — право, которое мы также снабжаем и юридической защитой. Иными словами, мы считаем отвратительным использование любых людей в качестве вещей, существующих исключительно в статусе чужих ресурсов. Если мы поймем, почему статус собственности и обладание моральной ценностью несовместимы в контексте людей и почему требуется право не быть собственностью, мы сможем понять, как это применяется в контексте других животных.

Но сперва нам нужно разобраться, что такое право.

Что такое право?

Многие люди говорят о правах животных, не задумываясь о том, что

означает этот термин. На протяжении истории о правах было написано немало. Здесь много сложностей, но, к счастью, нам нет нужды разбираться с большинством из них, чтобы понять то, что нам необходимо для текущей дискуссии.

Право — это просто способ защиты интереса. Интерес — это что-то, что мы предпочитаем, хотим или желаем.

У нас у всех есть интересы. Мы предпочитаем, хотим или желаем самые разные вещи. Некоторые интересы совершенно индивидуальны. Например, одни люди интересуются игрой в гольф, но другим гольф совсем не интересен. Одни любят слушать рок, а другие классику. Но некоторые интересы разделяет большинство из нас и они считаются очень важными социальными, культурными и, возможно, даже духовными вопросами. К примеру, для большинства из нас важны базовые интересы в свободе и независимости, свободе слова и мысли, образовании, здравоохранении, базовом питании и тому подобном. Вопрос защиты этих интересов формирует наше представление о том, каким должно быть общество.

Есть два основных способа защиты таких важных интересов.

Сторонницы и сторонники *консеквенциальной* этической теории (которой существуют разновидности) поддерживают защиту интересов в зависимости от того, будут ли последствия защиты этих интересов лучше последствий отказа от их защиты. Согласно основной разновидности консеквенциальной теории — *утилитаризму* — мы должны защищать интересы только в том случае, если их защита приведет к наибольшему всеобщему счастью, удовольствию или удовлетворению предпочтений всех вовлеченных. Если отказ от защиты определенных интересов приведет к достижению наибольшего всеобщего счастья, удовольствия или удовлетворения предпочтений, тогда мы не должны их защищать.

Сторонницы и сторонники *правовой* теории считают, что некоторые интересы так важны, что мы должны защищать их *независимо* от последствий.

Давайте рассмотрим пример: все заинтересованы в физической безопасности. Сторонница правовой теории сказала бы, что такой фундаментальный интерес должен быть защищен правом, и что никто не должен быть использован в качестве безвольного подопытного в болезненном и смертельном биомедицинском эксперименте, даже если

бы это могло привести к открытию лекарства от рака. Утилитаристка не согласилась бы с этим и сказала бы, что, при прочих равных, мы должны использовать человека в эксперименте, потому что последствия открытия лекарства от рака перевесят его интерес в физической безопасности: всеобщее счастье, удовольствие или удовлетворение предпочтений будет наибольшим. Утилитаристы не признают за используемым в эксперименте человеком никаких моральных прав.

Сказать, что интерес защищен правом, не значит сказать, что мы будем защищать этот интерес абсолютно, в любой ситуации. Например, даже самые пылкие правозащитники не будут утверждать, что право человека на свободу должно быть защищено, если было справедливо доказано, что человек виновен в совершении преступления, подходящим наказанием за которое служит тюремное заключение. Но они не согласятся с тем, что счастье или благополучие других людей может служить оправданием для игнорирования чьего-либо интереса в свободе. Например, некоторые люди утверждают, что наше счастье или благополучие оправдывает заключение людей в местах вроде тюрьмы в Гуантанамо, даже если их вина не была доказана. То есть они утверждают, что последствия отказа от защиты фундаментальных интересов заключенных оправдывают отказ защищать их интересы. Правозащитницы и правозащитники с этим не соглашаются и утверждают, что никакие положительные последствия тюремного заключения людей, чья вина не была доказана, не могут оправдывать игнорирование их фундаментальных интересов.

Право каждого человека не быть использованным в качестве собственности

Хотя относительно некоторых прав большинство людей и приходит к согласию, существует множество споров и разногласий о том, какие человеческие интересы должны быть защищены в качестве фундаментальных моральных прав.

Можно с уверенностью заявить, что, за одним исключением, не существует ни одного интереса, насчет которого мы все были бы согласны в том, что он, как вопрос фундаментальной этики, требует правовой защиты. Этим единственным исключением является всеобщее осуждение человеческого рабства. Когда речь заходит о человеческом

интересе не быть чужой собственностью — об интересе не быть заменяемым ресурсом, который можно использовать и убить ради выгоды — мы соглашаемся, что такой интерес должен быть защищен правом. Мы можем сказать, что интерес не быть заменяемым ресурсом является *фундаментальным* интересом. Когда с человеком обращаются как с заменяемым ресурсом, он перестает быть *личностью*. Человек становится *вещью*. Термин «личность» используется в этике для обозначения тех, на кого распространяется мораль; тех, чьи интересы должны иметь соответствующий моральный вес. Личность — это противоположность вещи, сущности без моральной ценности. Если человек является собственностью, тогда он является вещью. Этот человек оказывается *за рамками* морального сообщества.

Во времена расового рабства в Соединенных Штатах с африканцами обращались как с движимым имуществом. Они не имели никакой внутренней ценности, только внешнюю. Они были вещами, которые покупались и продавались в точности как дома, земля, повозки и коровы. Некоторые рабовладельцы обращались со своими рабами лучше других. Но это объяснялось тем, что рабы были их собственностью и рабовладельцы были вольны обращаться с ними хорошо, так же как они были вольны обращаться с ними плохо.

Если человек является рабом или с ним еще в каком-либо виде обращаются как с заменяемым ресурсом, это значит, что решающее слово о том, чего стоят его интересы, принадлежит *кому-то другому* — владельцу, который может быть как отдельным человеком, так и корпорацией или государством. Кто-то другой, обладающий правом собственности на раба, определяет, чего стоит его раб. Кто-то другой определяет ценность фундаментальных интересов раба, включая интересы в избежании страданий и смерти, и может оценить их в *ноль*. Закон может наложить определенные ограничения на обращение с собственностью, например, требуя, чтобы рабы получали достаточное количество пищи и воды, но это неотлично от государственного требования техобслуживания автомобиля для уверенности в его безопасности. Раб не только не имеет права не быть собственностью, но еще и рабовладелец имеет право собственности, которое позволяет ему оценивать интересы раба. Бессмысленно говорить о возможности баланса между интересами рабов и рабовладельцев, поскольку это означает баланс между интересами собственности и собственника,

обладающего правом собственности для оценки рабов по своему усмотрению.

Мы защищаем интерес не быть движимым имуществом или ресурсом при помощи права. Другими словами, мы безоговорочно защищаем этот интерес независимо от последствий. Мы считаем аморальным обращение с людьми как с движимым имуществом или заменяемыми ресурсами, *даже если* это приведет к восхитительным последствиям для всех остальных. Мы, очевидно, могли бы убивать здоровых людей и использовать их в качестве доноров органов, спасая таким образом по крайней мере десять человек на каждого убитого. Но никто из нас не думает, что такая сделка этична, хотя она и весьма выгодна.

Мы просто считаем, что человеческий интерес не быть вещью не относится к такому роду интересов, которые могут быть отданы на растерзание консеквенциалистам. Мы признаем, что защита этого интереса при помощи права является необходимостью, а иначе любой человек будет находиться под угрозой риска, что его фундаментальные интересы будут оценены в ноль, включая интерес в избежании страданий и интерес в собственной жизни. Такие люди по определению не будут больше являться членами морального сообщества. Они буквально окажутся вещами, существующими исключительно в качестве чужих ресурсов.

Право не быть движимым имуществом является *минимальным* стандартом для членства в моральном сообществе. То есть если человек не имеет такого права и все его интересы, включая интерес в собственной жизни, могут быть оценены в ноль, тогда любые другие права, которыми он может обладать, по большей части бессмысленны. Какой толк от права на свободу слова или права голоса, если человек может быть принудительно использован в качестве донора органов или безвольного подопытного в биомедицинском эксперименте?

Право не быть рабом отличается от права не быть жертвой дискриминации. Мы можем дискриминировать людей самыми разными способами и это аморально, но, к несчастью, существует множество споров о том, что такое дискриминация. В то же время нет *никаких* споров об использовании людей в качестве заменяемых ресурсов. Мы осуждаем определенные поступки, если находим в них дискриминацию. Но порабощение людей качественно хуже, чем все остальное, что мы

можем с ними сделать. Потому что когда мы говорим о дискриминации, мы говорим о дискриминации личностей или членов морального сообщества, которые не должны быть ее жертвами. Дискриминация означает разное обращение со схожими интересами личностей. Разумеется, дискриминация — это плохо. Но когда мы говорим о порабощении людей или ином использовании их в качестве заменяемых ресурсов, мы *полностью* исключаем их из класса личностей. Мы помещаем их в категорию вещей.

Мы придаем такую важность праву не быть рабом, что незаконность рабства была признана всеми странами мира. Право не быть рабом является одним из немногих прав, признанных международным сообществом. Это не значит, что человеческого рабства больше нет. Оно есть. Но никто не защищает его так, как защищают другие формы дискриминации и эксплуатации. Право не быть собственностью не зависит от интеллекта, спортивных достижений, красоты или других личных характеристик. Мы не порабощаем ни гениальных хирургов, ни людей с психическими отклонениями. Мы можем платить физику большее жалование, чем дворнику, но мы не используем их исключительно в качестве ресурсов.

Подводя итог, хотя и существует множество разногласий о том, какие человеческие интересы должны быть защищены правом, мы соглашались в том, что интерес не быть использованным в качестве собственности должен быть защищен безусловно — при помощи права — независимо от особенностей отдельного человека. Если люди являются движимым имуществом, тогда они перестают быть личностями, существами с моральной ценностью. Они становятся лишь вещами без внутренней ценности. Они имеют только ту внешнюю ценность, которую мы решим им придать.

Мы можем спорить и в самом деле спорим о том, должны ли другие интересы быть защищены правами. Но мы не спорим о человеческом рабстве. Интерес не быть рабом — это самый минимум, который должен быть защищен, чтобы человек вообще был членом морального сообщества.

**Право не быть использованным в качестве собственности:
отличные от людей животные**

Как и у людей, у других животных тоже есть интересы. Эти интересы могут отличаться от вида к виду и от животного к животному («животное» — это очень широкое понятие). Мы можем сомневаться в обладании некоторыми животными способности чувствовать.

Например, хоть и очевидно, что насекомые реагируют на стимулы, не ясно, обладают ли они субъективным сознанием и способны ли они испытывать боль и страдание. Мы не знаем точно, способны ли чувствовать некоторые моллюски, вроде устриц. Мы думаем, что в подобных случаях благоразумно было бы предположить, что такие животные являются чувствующими. Тем не менее, нет совершенно никаких сомнений в способности чувствовать тех животных, которых мы рутинно эксплуатируем: коров, свиней, овец, куриц, индеек, рыб, лобстеров и так далее. Все чувствующие существа имеют по крайней мере два интереса: интерес в избежании страданий и интерес в избежании смерти. То есть все чувствующие существа хотят жить, хоть и не все из них могут одинаково думать о своих жизнях. Использование животных в качестве собственности для производства еды, одежды и других целей касается как минимум двух связанных, но различных интересов, которыми они обладают. То есть наше использование животных подразумевает, что мы делаем с ними такие вещи, которые они хотели, желали или предпочли бы, чтобы мы *не* делали: мы причиняем им страдания и убиваем их.

Как и в случае с человеческим рабством, если животные являются собственностью, тогда *все* их интересы, от самых незначительных до самых фундаментальных, могут быть оценены кем-то другим — владельцем, обладающим правом собственности на животных и способным оценить их интересы по своему усмотрению или вовсе игнорировать их. Если животные являются собственностью, тогда им остается только надеяться на «доброе» хозяина, а иначе их жизнь в основном будет определяться экономикой: их интересы будут защищены только тогда, когда владельцы сочтут это выгодным.

Если животные являются собственностью, тогда они постоянно находятся под угрозой риска игнорирования их интересов, которые по большей части будут защищены только тогда, когда у людей будет экономический стимул защищать их. Говорить о возможности баланса между интересами людей и других животных так же бессмысленно, как говорить о возможности баланса между интересами рабов и

рабовладельцев. Животные являются собственностью, у людей есть право собственности на животных, баланс их интересов невозможен.

Разумеется, некоторые хозяева могут очень хорошо обращаться со своими животными. Возможно, многие из вас прямо сейчас сидят в комнате с животным-компаньоном, которое счастливо спит, пока вы читаете. Вы любите эту кошку или собаку (или животное другого вида) и считаете ее членом вашей семьи. Но это животное является *вашей собственностью*. Как и в случае с человеческим рабством, вы, как владелица, обладаете правом собственности на это животное, которое позволяет вам оценить его.

По большому счету, пока мы обеспечиваем своих животных жильем и минимальным количеством пищи и воды, мы можем обращаться с ними как нам заблагорассудится. Мы можем считать их членами своей семьи и хорошо заботиться о них. Или мы можем использовать их в качестве сторожевых собак и никогда не пускать их в дом и не проявлять заботы. Они наша собственность. Они вещи, которыми мы владеем. *Мы* можем оценить каждый их интерес. *Мы* определяем каждый аспект их жизни. *Мы* решаем, будут они жить или умрут. *Мы* имеем юридическое право бросить их в «приюте», где их могут убить. *Мы* имеем право отнести их к ветеринару, чтобы он их убил. В большинстве стран мы можем убивать своих животных собственноручно, если делаем это «гуманно».

Одна из особенностей владения собственностью заключается в том, что владелец может решать, во что оценить свою собственность. Например, у Мэри есть автомобиль. Она может очень хорошо заботиться о нем и часто проходить техобслуживание. Или она может делать самый минимум, позволяющий ей проходить проверки. Это *ее* автомобиль и она может делать с ним все, что ей угодно.

Точно такой же анализ применим к Споту, собаке Мэри.

Мэри может обращаться со Спотом как с членом семьи, регулярно водить его на обследование к ветеринару, часто мыть его, кормить высококачественным кормом и очень хорошо заботиться о нем. Или Мэри может использовать Спота в качестве сторожевой собаки, никогда не пускать его в дом и ни на минуту не проявлять заботы. Пока она предоставляет Споту жилье и достаточно пищи и воды, чтобы он оставался жив, и следит, чтобы у него была прививка от бешенства, Мэри может полностью игнорировать его и не ценить ни один из его

интересов, включая его потребность в общении и заботе. Спот является ее собакой и она может делать с ним все, что ей угодно.

Так что если животное является собственностью, тогда это животное целиком зависит от милосердия тех, кто будет оценивать его интересы. Закон может наложить некоторые ограничения на обращение с животными в собственности, точно так же закон может требовать от вас достаточного обслуживания своей машины, чтобы она проходила проверки. Но в конечном счете, если что-либо является собственностью, тогда это вещь, чья ценность определяется владельцем.

Аналогичное обращение в аналогичных ситуациях: принцип равного уважения

Животные заинтересованы в том, чтобы мы не использовали их, но мы делаем это самыми разнообразными способами так, как не стали бы использовать ни одного человека. Они заинтересованы в избегании страданий и смерти. Мы признаем, что если не рассматривать людей в качестве вещей, тогда мы должны признать за ними по крайней мере одно право: право не быть движимой собственностью, не быть заменяемым ресурсом. И хотя спорам о правах человека нет конца, мы все соглашаемся в том, что люди не должны быть использованы исключительно в качестве заменяемых ресурсов. Но мы не распространяем это единственное право на других животных. Если животные имеют моральную ценность, тогда мы должны следовать основному правилу этики — принципу равного уважения, который олицетворяет одну простую идею: поступай одинаково в одинаковых ситуациях. Мы должны признать за животными то же самое право, которое признаем за всеми людьми, если нет весомых причин не делать этого.

Есть ли у нас весомые причины не делать этого? Короткий ответ: «нет».

Большинство людей думает, что весомая причина для отказа в признании за другими животными этого самого права, которое мы признаем за всеми людьми, состоит в том, что мы хоть и схожи с другими животными в способности страдать, они отличаются от нас меньшим интеллектом. Мы можем писать симфонии и поэмы, можем строить небоскребы. Другие животные не могут. Следовательно, мы

«высшая» форма жизни.

Оставляя в стороне тот факт, что многие из нас не могут писать симфонии или поэмы и не имеют инженерных познаний, а также тот факт, что многие используют свои способности для написания источающих ненависть речей и создания оружия, почему мы думаем, что наши когнитивные способности имеют большую моральную ценность, чем особенности животных? Почему мы думаем, что в вопросе о том, кого можно использовать в качестве ресурса и с кем можно обращаться как с вещью, обладатель математических способностей имеет большую моральную ценность, чем кто-то способный летать или чувствовать недоступные для людей вещи?

Это легкий вопрос. Мы проводим оценку и мы высоко оцениваем себя. Мы можем пользоваться символами для общения (языком) и можем заниматься математикой, но мы не можем летать, дышать под водой, как не можем и многих других вещей, на которые способны животные. Потому мы заявляем, что наши способности в использовании языка и математики делают нас особенными.

Но идея о том, что предположительно более высокие интеллектуальные способности означают большую моральную ценность во всех вопросах, может быть *очень* проблематичной — в особенности в вопросе определения, кого мы можем использовать исключительно в качестве вещи для чужой выгоды.

Давайте рассмотрим пример с людьми: Мэри гениальная математик. А Джон не только не разбирается в математике, но и страдает от серьезного ментального расстройства, будучи неспособным сложить $2+2$. Имеет ли умственное превосходство Мэри отношение к вопросу о том, как мы обращаемся с Джоном?

Возможно. Это зависит от конкретного вопроса. Если вопрос заключается в том, кого из них нам следует нанять на работу в качестве преподавательницы математики, тогда ответ ясен: недостаток умственных способностей у Джона является релевантным критерием. Нам следует нанять Мэри.

В самом деле, учитывая тяжесть состояния Джона, мы также, скорее всего, не позволим ему водить автомобиль, заключать сделки, выписывать чеки или владеть кредитной картой. И мы можем потребовать, чтобы суд назначил опекуна, чтобы тот управлял делами Джона.

Так что меньшие способности Джона *могут* быть релевантны и мы *можем* ограничить его во многих возможностях, которые предоставляем здоровым людям. Разумеется, в определенных вопросах меньшие способности Джона могут служить тому, чтобы мы отдавали ему предпочтение. Например, в силу того, что Джон не способен позаботиться о себе, мы можем предоставить ему общественную помощь, которую не предоставим Мэри.

Но что насчет других вопросов? Имеют ли ограниченные способности Джона отношение к вопросу о том, можем ли мы использовать его в качестве заменяемого ресурса, чья жизнь может быть «принесена в жертву» в интересах других людей? Что, если вопрос заключается в том, кого мы можем использовать в качестве заменяемых ресурсов или *рабов* ради чужих интересов?

Когда вопрос о получении водительских прав меняется на вопрос о рабстве или ином использовании исключительно в качестве ресурса, мы мгновенно меняем ответ. Когнитивные способности могут иметь отношение к вопросам о том, кто получит определенную работу или водительские права, кому позволено выписывать чеки, иметь кредитную карту или заключать сделки. Мы можем предоставить Мэри больше социальных ресурсов (в виде возможностей трудоустройства и заработной платы), но это не означает, что мы можем обращаться с Джоном как с вещью. Когнитивные способности не имеют отношения к вопросу о том, кого мы можем поработить, принудительно использовать в качестве донора органов или еще как-либо использовать исключительно в качестве ресурса. Мы не должны использовать таким образом ни Джона, ни Мэри. Если люди вообще имеют моральную ценность, если они имеют какую-либо ценность сверх их внешней ценности в качестве собственности, оцениваемой другими людьми, тогда мы *должны* признать за всеми людьми базовое право не быть чужой собственностью или ресурсами *независимо* от того, какими еще правами мы можем их наделить.

Аналогично, тот факт, что когнитивные способности животных могут отличаться от способностей людей, может быть релевантен в некоторых вопросах. Но эта разница не может в большей мере оправдывать использование чувствующих животных исключительно в качестве человеческих ресурсов, чем разница между здоровыми людьми и людьми с ментальными расстройствами может оправдывать

использование вторых исключительно в качестве ресурсов первых. При некоторых условиях психическое расстройство может оправдывать разное обращение, но не в вопросе об этичности использования человека с ограниченными возможностями в качестве чужого ресурса.

На самом деле не имеет значения, каковы предположительные различия в когнитивных способностях между людьми и другими животными: рациональное мышление, использование абстрактных концептов, общение символами или способность вести себя этично по отношению друг к другу. Анализ остается неизменным. Тот факт, что животные не способны осознать моральные обязательства или действовать в соответствии с ними, не имеет отношения к вопросу о том, обладают ли они правом не быть использованными в качестве вещей. Нам легко увидеть это, когда речь идет о людях. Мы можем не позволять заключать сделки людям, которые не способны понять обязательства или действовать в соответствии с ними, мы можем полагать, что они вряд ли сдержат какое-либо обещание, но мы понимаем, что такие их особенности не имеют совершенно никакого отношения к вопросу об этичности принудительного использования этих людей в качестве доноров органов или рабов.

Разумеется, между разумом людей и разумами других животных есть отличия. Но факт возможного отсутствия у животных определенных когнитивных способностей не имеет отношения к вопросу о том, можем ли мы обращаться с ними как с вещами, в точности как и ограниченные способности некоторых людей не имеют отношения к вопросу о том, можем ли мы обратить этих людей в рабство. Если животные имеют моральную ценность, тогда мы не можем использовать их в качестве вещей. Поступать иначе значит отрицать их моральный статус, который, как мы сами утверждаем, мы признаем. Заявлять, что мы не можем использовать чувствующих людей (независимо от других характеристик) исключительно в качестве ресурсов, но полагать, что мы можем использовать подобным образом других чувствующих животных, — это не более чем *спесишизм*, форма дискриминации, позволяющая нам обесценить интересы других животных на основании одного только биологического вида. Спесишизм подобен расизму (который позволяет обесценивать интересы людей на основе расы), сексизму (обесценивание интересов на основе пола), гетеросексизму (обесценивание интересов на основе

сексуальной ориентации или предпочтений) или классицизму (ограничение участия в моральном сообществе или исключение из него на основе принадлежности человека к определенному экономическому классу). В случае с животными мы, руководствуясь их биологическим видом, не только предоставляем меньшую защиту их интересам, но даже не признаем их интерес в продолжении жизни. И мы отстаиваем свое право использовать и убивать животных в ситуациях, в которых мы никогда не подумали бы о допустимости использования и убийства людей.

Аболиционизм и равенство

Согласно Аболиционистскому Подходу, равно как признание моральной ценности людей требует отмены человеческого рабства, так и признание моральной ценности других животных требует отмены их институциональной эксплуатации. Мы морально обязаны прекратить обращаться с животными как с имуществом. Мы морально обязаны признать, что все чувствующие существа равны в праве не быть использованными исключительно в качестве ресурсов. Это не означает, что мы должны одинаково обращаться с людьми и другими животными, равно как мы не должны одинаково обращаться со всеми людьми. Мы можем платить хирургу больше, чем платим дворнику. Мы можем отказать в выдаче водительских прав человеку с серьезным психическим расстройством. В определенных случаях разные особенности могут оправдывать разное обращение. Люди не равны во всех вопросах. Но когда речь заходит о рабстве или использовании людей в качестве безвольных подопытных в биомедицинских экспериментах — все люди равны. Никто не должен быть порабощен или использован в качестве чужого ресурса.

Аналогично, говорить о моральном равенстве между людьми и другими животными не значит говорить о том, что мы должны наделить животных правом голоса или водительскими правами. Очевидно, что между людьми и другими животными существуют различия, которые в некоторых ситуациях оправдывают разное обращение. Но в праве не быть использованными в качестве собственности, в качестве чужих ресурсов, все чувствующие существа равны. Никто не должен быть использован как собственность. Никто не должен быть использован

исключительно как чужой ресурс.

Если мы признаем за животными фундаментальное право не быть использованными в качестве ресурсов, тогда мы больше не сможем оправдывать их использование ради еды, одежды, развлечений, экспериментов и так далее. Мы должны будем *отменить* их институциональную эксплуатацию.

Из обсуждения [Второго Принципа](#) мы узнаем о существовании так называемых зоозащитников, которые утверждают, что принцип равного уважения не требует от нас признания за животными права не быть использованными в качестве ресурсов, поскольку в этом вопросе люди и другие животные находятся в разных условиях. Эти зоозащитники заявляют, что животным не важен *сам факт* того, что мы их используем, им важно только то, *как* мы это делаем. Они утверждают, что животные не обладают самосознанием и интересом в избежании смерти, что они заинтересованы только в достаточно приятной жизни и относительно безболезненной смерти. Следовательно, согласно этим зоозащитникам, если мы будем обращаться с животными «хорошо», их использование само по себе не будет предосудительным. Такая позиция известна как *велферизм* или забота о благополучии животных и она имеет множество разновидностей. Аболиционистский Подход отказывается от идеи о том, что чувствующие животные не заинтересованы в продолжении жизни, и заявляет, что использование животных не имеет морального оправдания, даже если с ними обращаются «гуманно».

Разумеется, будет лучше причинить меньше боли и страданий, чем больше, но это не означает, что этичность института определяется вопросами обращения. Например, мы бы все согласились, что лучше избивать раба реже, чем чаще, но институт рабовладения при этом остается аморальным на фундаментальном уровне. «Гуманное» обращение с рабами не делает этот институт хоть сколько-нибудь более этичным. Никто не будет поддерживать «гуманное» обращение с рабами как способ устранить несправедливость рабства. Аналогично, «гуманное» обращение с животными не устраняет несправедливость института рабства животных.

Право не быть собственностью и одомашнивание

Сказать, что у животных есть право не быть использованными в качестве собственности, значит просто сказать, что мы имеем моральное обязательство не использовать животных как вещи, даже если это будет выгодно. Относительно одомашненных животных это означает, что мы должны раз и навсегда прекратить разводить их. В этом отношении, в случае с людьми и в случае с другими животными право не быть использованным в качестве собственности приводит к разным результатам. В случае с людьми отмена рабства означает, что порабощенные больше не являются рабами и становятся полноценными членами морального сообщества. В случае с другими животными отмена рабства означает, что мы должны заботиться о существующих на данный момент одомашненных животных, но мы должны прекратить их разведение. То есть признание за животными права не быть использованными в качестве собственности означает, что мы больше не поддерживаем одомашнивание. Мы понимаем, что это может показаться довольно странным применением права, поскольку, если оно будет соблюдаться, тогда обладающие этим правом животные исчезнут. Если мы согласимся, что за животными должно быть признано такое моральное право, тогда мы будем морально обязаны заботиться о всех существующих на данный момент одомашненных животных. Но мы также будем обязаны перестать разводить их, и основой для этого обязательства будет служить тот факт, что разведение будет нарушать их права. То же самое и в контексте людей: мы имеем обязательство не порабощать людей, потому что это будет нарушать их право не быть собственностью.

Но что, если мы хотим разводить животных, но не будем использовать их исключительно в качестве ресурсов? Что, если мы хотим разводить одомашненных животных, которых не будем использовать и убивать в своих интересах? Первый очевидный пример, который приходит в голову, касается таких животных, как кошки и собаки, которые живут с нами как «питомцы». Будет ли этично продолжать разводить их?

Согласно Аболиционистскому Подходу, такое одомашнивание аморально. Не все люди обращаются со своими животными-компаньонами как с членами семьи. Но независимо от того, как мы обращаемся со своими собаками, кошками и другими животными, с точки зрения закона они являются собственностью. Ваше решение

считать свою собаку членом семьи и обращаться с ней хорошо будет защищено законом, точно так же законом будет защищено ваше решение менять масло в своем автомобиле через каждую тысячу миль. Как собака, так и автомобиль являются вашей собственностью, и если вы пожелаете придать этой собственности более высокую ценность, закон позволит вам сделать это. Но точно так же закон защитит ваше решение придать своей собственности меньшую ценность, например, иметь сторожевую собаку, которую вы будете держать на цепи у себя во дворе, предоставляя ей минимум пищи и воды и никакой заботы и общения.

В реальности в Соединенных Штатах большинство собак и кошек умирают вовсе не от преклонного возраста в любящих руках. Большинство имеют дом в течение относительно короткого промежутка времени перед тем, как отправиться к другому владельцу, в приют, на помойку или быть убитыми ветеринаром.

Некоторые зоозащитники предлагают называть владельцев животных «опекунами», но это ничего не меняет. Такое название бессмысленно. Не важно, как вы называете себя и свою собаку, если вы при этом имеете юридическое право отдать ее в приют, попросить ветеринара убить ее или «гуманно» сделать это своими руками. Ваша собака является вашей собственностью. С точки зрения закона, те из нас, кто живет с животными-компаньонами, являются собственниками этих животных и имеют юридическое право обращаться с ними так, как сочтут нужным, хоть и с некоторыми ограничениями. Законы против жестокого обращения с животными вообще не применяются к подавляющему большинству случаев жестокого обращения с ними.

Но мы, по крайней мере в теории, могли бы иметь другие, более приемлемые отношения с животными. Что, если бы мы отменили их имущественный статус и потребовали бы такого обращения с кошками и собаками, какое требуем с человеческими детьми? Например, что, если бы люди, которые живут с собаками, не могли бы больше обращаться с ними как с собственностью и *обязаны* были бы обращаться с ними как с членами семьи? Что, если бы люди не могли убивать животных-компаньонов за исключением тех случаев, в которых по крайней мере некоторые из нас сочли бы приемлемой помощь в суициде человеку (например, в случае неизлечимой болезни и невыносимой боли)? Такая позиция, согласно которой мы можем

разводить одомашненных животных, но не можем обращаться с ними как с собственностью, называется позицией «гражданства». Будет ли приемлемо продолжать разводить животных при таких условиях?

Ответ: «нет».

Оставляя в стороне тот факт, что разработать основные стандарты того, что будет считаться обращением с животными как с «членами семьи», и разрешить все связанные с этим проблемы на практике будет невозможно, эта позиция упускает из виду ряд серьезных этических проблем, которые одомашнивание подразумевает само по себе, независимо от того, как обращаются с животными.

От нас зависит, когда одомашненные животные едят и едят ли вообще, есть ли у них вода, где и когда они могут сходить в туалет, когда они спят, имеют ли какую-либо физическую активность и так далее. В отличие от человеческих детей, которые, за исключением особых случаев, со временем станут независимыми и полноправными членами нашего общества, одомашненные животные никогда не станут ни частью животного мира, ни полноправной частью нашего мира. Они навечно обречены быть уязвимыми и во всем зависимыми от нас. Мы создали их для служения нам. Мы создали их с особенностями, которые приятны нам, но вредны для них. В некотором смысле мы можем сделать их жизнь счастливой, но наши отношения никогда не смогут быть «естественными» или «здоровыми». Им нет места в нашем мире независимо от того, как хорошо мы с ними обращаемся.

Это, в большей или меньшей степени, касается всех одомашненных животных. Они навечно зависимы от нас. Мы бессрочно контролируем их жизни. Они действительно «животные-рабы». Мы можем быть великодушными хозяевами, но на самом деле мы не являемся ничем большим. И это просто не может быть правильным.

Мы живем с шестью спасенными собаками. Все шесть были бы уже мертвы, если бы мы не приютили их. Мы очень сильно их любим и изо всех сил стараемся заботиться о них наилучшим образом. (И прежде, чем кто-либо спросит, все восемь из нас веганы и веганки!) Вы вряд ли найдете на этой планете людей, которые наслаждались бы жизнью с собаками больше нашего.

Но даже если бы во вселенной осталось всего две собаки и от нас зависело бы решение о том, смогут ли они размножаться, чтобы люди могли продолжать жить с собаками, и даже если бы мы могли

гарантировать, что все собаки будут жить в любви, как живут наши, мы без колебаний положили бы конец всему институту владения «питомцами». Мы относимся к живущим у нас собакам как к своего рода беженцам, и хотя мы наслаждаемся заботой о них, нам очевидно, что люди не должны разводить этих созданий в мире, которому они просто не подходят.

Некоторые люди думают, что «права животных» подразумевают наличие у животных некоторого рода репродуктивных прав, а следовательно, их стерилизация недопустима. Если бы такое наблюдение было верным, тогда мы были бы морально обязаны позволить всем видам одомашненных животных размножаться до бесконечности. Мы не можем ограничить это «право на репродукцию» одними только кошками и собаками. Кроме того, бессмысленно будет говорить о том, что мы поступили аморально, допустив одомашнивание животных, но что теперь мы обязаны позволить им размножаться. Мы изначально совершили ошибку, одомашнив их, зачем теперь поддерживать ее?

Другие люди утверждают, что без одомашненных животных мы потеряем «разнообразие». Даже если бы одомашнивание действительно было необходимо для биологического разнообразия, это не сделало бы его этичным. Тем не менее, нам нет нужды беспокоиться об этом. В существовании одомашненных животных нет ничего «естественного». Мы создали их посредством селекции и лишения свободы, они не могут выжить без нашей помощи. Мы должны защищать их не одомашненных сородичей, живущих в природе, но в первую очередь мы должны делать это ради них самих и только во вторую ради биологического разнообразия. Для этого разнообразия нет необходимости в защите существующих на данный момент одомашненных животных.

Что касается не одомашненных животных, признание их права не быть использованными в качестве собственности означает, что мы не охотимся на них и прилагаем усилия, чтобы свести любой причиняемый им вред к минимуму. Другими словами, мы не поддерживаем попытки манипуляции окружающей средой для предположительных выгод человечества. У людей весьма плохой послушной список в этом вопросе.

Некоторые зоозащитники заявляют, что Аболиционистский Подход является теорией исключительно негативных прав, то есть он признает

только право не быть использованным в качестве собственности и не признает никаких позитивных прав. Это верное наблюдение, но мы должны помнить, что признание одного этого права положит конец всему одомашниванию. Мы будем обязаны заботиться о тех одомашненных животных, которые уже появились на свет, но мы не будем разводить новых. В течение этого переходного периода наше изменившееся мышление о животных устранил необходимость в ограничениях обращения с ними, которые требуются в условиях, когда животные рассматриваются в качестве ресурсов. Если мы все признаем за животными статус личностей, мы должны будем подумать о том, какие дополнительные права помогут решить проблемы, возникающие в связи с нашим взаимодействием с неодомашненными животными, живущими среди нас и в дикой природе. Но если мы будем в достаточной степени заботиться об одомашненных животных, чтобы прекратить их есть, носить и использовать другими способами, мы несомненно будем способны понять, какими должны быть эти дополнительные права. Сегодня наиболее важно признать за животными негативное право не быть использованными в качестве собственности, которое требует прекращения существования институтов, позволяющих людям контролировать других животных и превращать их в товары.

Заключение

Большинство людей согласно, что животные имеют моральную ценность, что они не просто вещи, существующие исключительно в качестве человеческих ресурсов. Но несмотря на широкую распространенность такого убеждения, мы все равно используем их как ресурсы. Так происходит потому, что, вопреки нашим словам, в социальной, юридической и экономической реальности животные являются нашей собственностью. Если животные являются собственностью, тогда они могут быть только вещами и ничем больше. Быть собственностью *значит* быть вещью, исключенной из морального сообщества.

Мы поняли это в контексте людей. Мы поняли, что если люди являются собственностью, рабами, тогда они не могут быть членами морального сообщества, они не могут быть личностями с точки зрения

этики. Они могут быть только вещами. Сегодня мы признаем, что каждый человек имеет моральное право не быть использованным в качестве собственности независимо от уровня его интеллекта, таланта, красоты и тому подобного. Все люди имеют право быть личностями, а не вещами.

Но мы все еще не распространили это право на других животных. Принцип равного уважения говорит нам о том, что мы должны одинаково обращаться с одинаковыми интересами. Как люди, так и другие животные заинтересованы в том, чтобы не быть использованными исключительно в качестве ресурсов. Мы признаем такое право за людьми, но не признаем за другими животными. Это спесицизм, который аболиционистки и аболиционисты отвергают.

Признание этого единственного права означает, что мы больше не можем оправдывать эксплуатацию животных. Мы обязаны *отменить* их эксплуатацию, основанную на представлении о том, что животные являются вещами. Аболиционистский Подход отвергает идею, согласно которой эксплуатация животных может быть приемлемой, если мы будем обращаться с ними «гуманно». Мы обсудим этот вопрос в следующей главе.

Рекомендации для дальнейшего чтения

Книги:

- Gary L. Francione, Introduction to Animal Rights: Your Child or the Dog? (Temple University Press, 2000).

Эссе:

- [Разберемся в значении термина «право»](#)
- [«Питомцы»: неотъемлемые проблемы одомашнивания](#)
- [Права животных и одомашненные животные](#)
- [Одно право для всех](#)
- [Животные — собственность или личности?](#)
- [Зоозащита XXI века: отмена имущественного статуса животных](#)

Второй Принцип

Аболиционистки и аболиционисты утверждают, что наше признание этого единственного базового права означает, что мы должны отменить институциональную эксплуатацию животных, а не просто регулировать ее, и что мы не должны поддерживать реформы эксплуатации животных и узконаправленные кампании.

Краткое изложение

Признание за животными права не быть использованными в качестве собственности требует от нас отмены их институциональной эксплуатации, а не просто ее регуляции в сторону «гуманности». Аболиционистки и аболиционисты отказываются от кампаний за реформы эксплуатации животных. Они также отказываются от узконаправленных кампаний — особого вида регуляционных кампаний, которые выделяют определенные формы эксплуатации животных как отличающиеся от других форм в худшую сторону и таким образом предполагают, что другие формы эксплуатации приемлемы. Кампании за реформы эксплуатации и узконаправленные кампании на самом деле *поддерживают* эксплуатацию животных и приводят к сотрудничеству между так называемыми зоозащитниками и институциональными эксплуататорами.

Отказ от велферизма

Согласно Аболиционистскому Подходу, отказ от идеи о том, что животные являются вещами, требует от нас признания за ними фундаментального права не быть использованными в качестве собственности. Это право означает, что мы должны отменить их институциональную эксплуатацию и отказаться от их использования ради еды, одежды, развлечений, экспериментов и так далее.

Но что насчет позиции, согласно которой мы можем использовать животных, если обращаемся с ними «гуманно»? Такая позиция называется *велферизмом*, заботой о благополучии животных. Аболиционистки и аболиционисты откровенно и недвусмысленно отвергают ее.

Но разве меньше страданий не лучше, чем больше страданий? Конечно лучше. Но причинение меньшего объема страданий не поднимает вопрос о фундаментальной несправедливости использования животных. Как мы уже видели в контексте человеческого рабства: лучше бить рабов реже, чем чаще, но это не поднимает вопрос о фундаментальной несправедливости рабства. Равно как аболиционистки и аболиционисты, выступающие против человеческого рабства, отвергают его независимо от «гуманности» обращения с рабами, аболиционистки и аболиционисты, выступающие против эксплуатации животных, утверждают, что мы не можем оправдать их рабство, каким бы «гуманным» оно ни было.

Велферистская позиция сконцентрирована не на использовании животных, а на обращении с ними. Велферисты считают, что если с животными обращаются «гуманно», тогда их использование не является проблемой. Аболиционистский Подход, в свою очередь, сконцентрирован не на обращении с животными, а на их использовании. Аболиционистки и аболиционисты утверждают, что *никакому* использованию животных нет оправданий.

Некоторые велферисты считают более «гуманную» эксплуатацию своей конечной целью. Они не видят проблемы в эксплуатации животных самой по себе и думают, что использование и убийство животных этично, если совершается «гуманно» и если животные при этом не страдают «без необходимости». Такие велферисты стремятся к

регуляции их эксплуатации.

Другие велферисты утверждают, что в далеком будущем они хотят положить конец любому использованию животных или, по крайней мере, значительно снизить количество эксплуатируемых животных, но они поддерживают «гуманную» эксплуатацию и другие меры регуляции в качестве средств для достижения этой цели. Мы называем таких велферистов *новыми велферистами*, потому что они поддерживают «гуманную» эксплуатацию, но делают это в качестве средства для достижения другой цели, а не ради регуляции самой по себе. На сегодняшний день большинство крупных зоозащитных организаций приняли ту или иную форму нового велферизма. Многие из них заявляют, что хотят отменить эксплуатацию животных в будущем, но утверждают при этом, что якобы более «гуманное» обращение с ними является средством для достижения этой цели.

Независимо от того, являются велферисты традиционными или новыми, все они поддерживают регуляцию эксплуатации животных и описывают «гуманную» эксплуатацию как что-то хорошее с точки зрения этики. Поступая таким образом, они *неизбежно* поддерживают и одобряют участие в якобы «гуманной» эксплуатации.

Теоретической основой для велферистской позиции служит идея о том, что животных не волнует *сам факт* того, что мы их используем и убиваем. Их волнует только то, *как* мы с ними обращаемся и *как* убиваем. Согласно этой идее, животные живут в постоянном настоящем и не заинтересованы в продолжении жизни. Они заинтересованы только в том, чтобы не испытывать боль, стресс и страх. Мы кратко ознакомимся с происхождением велферистской позиции и тем, как современные «зоозащитные» организации поддерживают ее. Затем мы перейдем к рассмотрению причин, по которым Аболиционистский Подход безоговорочно отвергает эту позицию.

Происхождение велферизма

Велферизм возник в начале девятнадцатого века и олицетворял собой отказ от идеи, согласно которой животные являются вещами без какой-либо моральной ценности в силу их меньшего, в сравнении с людьми, интеллекта (они не могут рассуждать, мыслить абстрактно, разговаривать и так далее) или в силу того, что они не были созданы «по

образу и подобию Бога», как предположительно были созданы люди. Реформаторы того времени, такие как Джереми Бентам и Джон Стюарт Милль, утверждали, что раз животные способны страдать, значит люди имеют перед ними моральное обязательство учитывать их интерес в избежании страданий. Часто можно встретить цитату Бентама: «Вопрос ведь не в том, могут ли они *рассуждать*? могут ли они *говорить*? но в том, могут ли они *страдать*?»¹

Хотя во многих вопросах велферизм и сменил парадигму относительно предшествующего мышления о животных (велферисты рассматривали животных как существ, имеющих моральную ценность, а не как просто вещи), велферисты не отказывались от большинства форм их использования, в частности, от использования животных ради еды. На самом деле они однозначно заявляли, что использование животных ради еды, представляющее собой наиболее масштабную форму их использования, совершенно нормально. Согласно ранним велферистам, животные не обладают самосознанием. То есть у них нет того вида рефлексивного самосознания, которое есть у людей. Их не волнует *сам факт* их использования и убийства. Их волнует только то, *как* мы с ними при этом обращаемся и *как* убиваем. Согласно Бентаму, если мы убиваем и едим животных, «нам от этого лучше, а им никогда не хуже. У них нет наших долгих ожиданий будущих страданий.» Бентам также утверждал, что, убивая животных, мы на самом деле оказываем им услугу, если делаем это относительно безболезненно. «Обычно их смерть от нашей руки более быстра, а значит и менее болезненна, чем та, которая неизбежно ждет их в природе, и мы всегда можем сделать ее более быстрой. <...> Нам должно стать хуже, чтобы они жили, но им никогда не хуже от смерти».

Мысль о том, что животные не заинтересованы в продолжении жизни, служит основой для идеи о допустимости их использования и убийства, если мы регулируем использование и убийство таким образом, чтобы они были «гуманными». Это привело к имеющимся у нас сегодня законам, в том числе к законам против жестокого обращения с животными.

Питер Сингер и «Освобождение Животных»

Велферистская идея о том, что животные не заинтересованы в

продолжении жизни, лежит в основе философии «Освобождения Животных» Питера Сингера, которую разделяют практически все крупные зоозащитные организации.² Как и Бентам, Сингер убежден в том, что животные не обладают самосознанием в том смысле, в котором им обладают «нормальные» люди. Согласно Сингеру, в отличие от людей, которые заинтересованы не только в избежании страданий, но и в продолжении жизни, другие животные ничего не ожидают и не имеют надежд на будущее. Так что если Джо проникнет в комнату Тома, пока тот спит, и мгновенно и безболезненно убьет его одной пулей в голову, он все равно навредит Тому, даже если Том не почувствует боли. Том обладает самосознанием и «обладает жизнью». У него есть ожидания от будущего. Убийство помешает Тому осуществить свои планы и удовлетворить связанные с будущим желания.

Согласно Сингеру, животные (или по крайней мере большинство из них) «не обладают жизнью», то есть не имеют непрерывности сознания во времени. Они не обладают таким самосознанием и ожиданиями от будущего, какими обладают люди. Они живут в некоторого рода «постоянном настоящем» и их не волнует *сам факт* того, что мы их используем и убиваем в своих целях. Их волнует только то, *как* мы с ними обращаемся и *как* мы их убиваем. Сингер утверждает, что мы можем продолжать использовать животных, если будем всерьез считаться с их интересом в избежании страданий. Безболезненная смерть не является для них вредом. Сингер откровенно заявляет: «Некоторые люди говорят, что вы не можете быть сострадательным, если убиваете животных. Я с этим просто не согласен. <...> Я думаю, что если стандарты действительно сострадательные, такие, которые обеспечивают животным наиболее хорошую жизнь перед их убийством, тогда в этом нет никаких проблем.»

Надо заметить, что Сингер, как и Бентам, является утилитаристом. Утилитаристы — это консеквенциалисты, которые, как мы уже видели в обсуждении Первого Принципа, отказываются от идеи о любых моральных правах, потому что они считают, что интересы людей и других животных должны быть защищены только в том случае, если оценка последствий благоволит этому. Конкретно утилитаристы утверждают, что мы должны защищать интересы только в том случае, если их защита приведет к лучшим последствиям (счастье, удовольствие, удовлетворение интересов и тому подобное), чем отказ от

их защиты. Ирония состоит в том, что Питер Сингер, так называемый «отец движения за права животных», отказывается признавать, что у животных есть какие-либо права.

И хотя в случае с людьми Бентам и Сингер также отказываются от идеи моральных прав, они все равно выступают против человеческого рабства. Бентам отвергал рабство по крайней мере отчасти в силу того, что осознавал, что быть рабом значит быть вещью, существующей вне морального сообщества. Так что хотя Бентам и отказывался от идеи права, он присваивал право-подобную защиту интересам людей не быть движимой собственностью и выступал против любого человеческого рабства. Аналогично, хотя Сингер и отказывается от идеи моральных прав, он также утверждает, что по крайней мере со здоровыми людьми мы не должны обращаться как с заменяемыми ресурсами. Здоровых людей, обладающих самосознанием, надеждами и ожиданиями от будущего, Сингер считает индивидуумами с уникальной ценностью. Он верит, что из-за этой ценности такие люди не могут быть с легкостью заменены. В определенных ситуациях такая ценность может быть перевешена последствиями, но во многих случаях такая презумпция уникальной ценности предоставляет право-подобную защиту. Как бы то ни было, несмотря на то, что Бентам и Сингер отказываются признавать за людьми моральные права, они применяют к ним право-подобную защиту, когда речь заходит об использовании людей в качестве заменяемых ресурсов.

Но ни Бентам, ни Сингер не применяют такую право-подобную защиту к животным, потому что считают, что люди и другие животные имеют релевантные различия, и они не видят ничего плохого в самом по себе использовании животных и обладании ими. По-настоящему «сострадательная» и «гуманная» система рабства животных была бы морально оправданной, потому что животные не обладают самосознанием и живут в некоторого рода «постоянном настоящем». Их не волнует сам факт того, что мы их используем и убиваем. Их волнует только то, как мы с ними обращаемся и как мы их убиваем. Согласно Бентаму и Сингеру, мы все сделаем правильно, если обеспечим животным восхитительную жизнь и будем убивать их безболезненно.

Разновидности велферизма и регуляции эксплуатации животных

Велферизм отражается в нашем обыденном мышлении об этике в отношении животных. Большинство людей на улице считают, что животные в какой-то мере обладают моральной ценностью, и они отвергают идею о том, что животные являются просто вещами. Люди могут думать (и почти всегда так думают), что животные имеют меньшую ценность, чем люди, но в какой-то мере они ее все равно имеют. Большинство считает допустимым использование и убийство животных в интересах людей, если мы обращаемся с ними «гуманно» и не причиняем им страдания «без необходимости». Эти идеи отражены в законах, вроде законов о жестоком обращении.

Но велферизма также придерживаются и все крупные зоозащитные организации в Северной Америке, Южной Америке, Австралии и Европе. Фактически все эти организации разделяют философию Сингера и сосредоточены не на использовании животных, а на обращении с ними. Ни одна из этих организаций не поддерживает идею о том, что любое использование животных в качестве заменяемых ресурсов аморально, каким бы «гуманным» оно ни было. Они проводят кампании за регуляцию, чтобы сделать обращение с животными более «гуманным» или «сострадательным». Некоторые из этих организаций занимают традиционную велферистскую позицию, заявляя, что использование животных морально приемлемо. Эти организации считают регуляцию своей конечной целью. Это Humane Society of the United States (HSUS), the Animal Welfare Institute, the Royal Society for the Prevention of Cruelty to Animals (RSPCA) и Compassion in World Farming (CIWF). Другие организации придерживаются подхода новых велферистов, утверждая, что регуляция является лишь средством для отмены эксплуатации. То есть однажды в далеком будущем регуляция эксплуатации животных приведет к ее отмене или, по крайней мере, к сокращению числа эксплуатируемых животных. К организациям новых велферистов можно отнести People for the Ethical Treatment of Animals (PETA), Farm Sanctuary, Animal Aid и Viva!.

Существует два основных вида регуляционных кампаний. *Кампании за реформы эксплуатации животных* предположительно стремятся сделать их эксплуатацию более «гуманной». Такие кампании могут призывать к изменению законодательства посредством принятия новых законов или поправок к уже существующим, либо они могут пытаться уговорить индустрию добровольно согласиться на реформы

без законных требований. В качестве примеров можно привести кампании по постепенному отказу от клеток для свиноматок, расширению клеток для кур-несушек или животных, используемых в биомедицинских экспериментах, а также попытки сделать убой более «гуманным».

Существуют также *узконаправленные кампании* (УНК), которые призывают к отмене отдельных форм использования животных, но не к отмене эксплуатации в целом. То есть УНК в основном не призывают к тому, чтобы формы эксплуатации, являющиеся их целями, стали более «гуманными», вместо этого УНК призывают отменить их. В качестве примеров можно привести антимеховую кампанию, кампании против потребления кошек и собак в Азии, кампании за особую защиту определенных видов животных, которые предположительно обладают схожими с людьми когнитивными способностями (большие человекообразные обезьяны и дельфины) или которые считаются «особенными» по каким-либо другим причинам, а также кампании против использования евреями-хасидами куриц в ритуальных жертвоприношениях. И хотя часто утверждается, что УНК стремятся «отменить» определенную форму эксплуатации, на самом деле они лишь поддерживают идею о том, что с точки зрения этики одни формы эксплуатации животных лучше других.

В следующей главе мы разберемся, почему аболиционистки и аболиционисты безоговорочно отвергают кампании за реформы эксплуатации животных и УНК.

Почему аболиционистки и аболиционисты отказываются от реформ эксплуатации и УНК

В первую очередь аболиционистки и аболиционисты отказываются от реформ эксплуатации по одной простой причине: если мы не можем оправдать эксплуатацию животных, тогда не имеет смысла проводить кампании, которые поддерживают эксплуатацию, даже если она якобы более «гуманна». Если эксплуатация животных аморальна, тогда мы не должны призывать людей участвовать в ней. Имея это в виду, мы рассмотрим шесть особых причин для отказа от участия в реформистских кампаниях и УНК.

Во-первых, аболиционистки и аболиционисты не согласны с идеей о том, что животные заинтересованы в избегании страданий, но не заинтересованы в продолжении жизни.

Как уже обсуждалось выше, исторической основой велферизма служит убеждение в том, что животные не обладают самосознанием и живут в «постоянном настоящем». Предполагается, что животных не волнует сам факт их использования. Их волнует только то, как мы при этом с ними обращаемся. Аболиционистки и аболиционисты отвергают это убеждение и утверждают, что оно основано на спесишистском представлении о том, что значит обладать самосознанием. Они также отвергают предположение, согласно которому животных не волнует их использование и убийство, даже если оно безболезненное. Говорить о том, что смерть не представляет вреда для чувствующих существ — любых чувствующих существ — действительно странно. В конце концов, с точки зрения эволюции способность чувствовать появилась не в качестве самоцели. Напротив, способность чувствовать позволяет обладающему ей существу определить источники вреда и угрозы для жизни. *Способность чувствовать — это средство для продолжения существования.* Чувствующие существа, просто в силу обладания этой способностью, заинтересованы в том, чтобы сохранить свою жизнь. То есть они предпочитают, хотят или желают остаться в живых. Индийские джайны давным-давно выразили эту мысль: «Все существа хотят жить, наслаждаются удовольствием, ненавидят боль, избегают разрушения, любят жизнь, жаждут жить. Всем жизнь дорога.»³

Таким образом, говорить о том, что смерть не представляет вреда для чувствующих существ, значит отрицать факт обладания этими существами того самого интереса, которому служит способность чувствовать. Аналогично можно сказать, что существо с глазами не заинтересовано в зрении и не пострадает, если мы его ослепим. Мы согласны с покойным Дональдом Гриффином, биологом и одним из ведущих этологов двадцатого века, который указывал, что, хотя животные возможно и неспособны думать о себе подобно людям, это не означает, что они не обладают самосознанием на некотором уровне.⁴ Кажется, что любое чувствующее существо должно обладать самосознанием, потому что быть способным чувствовать значит быть существом, которое способно определить, что это *именно оно*

испытывает боль и страдание, а не кто-то другой. Есть *кто-то*, кто осознает свою боль и желает ее прекратить.

Мы не согласны с тем, что большинство животных ограничены «постоянным настоящим». И мы полагаем, что люди, которые живут с кошками, собаками или другими животными, тоже не согласятся с этой идеей. Но мы думаем, что даже если бы это было правдой и животные действительно застряли бы в настоящем, это не означало бы, что они не обладают самосознанием. Подумайте о людях с транзиторной глобальной амнезией. Эти люди зачастую не могут вспомнить прошлое и спланировать будущее, но они осознают себя в настоящем месте и времени. Их самосознание может отличаться от самосознания здорового взрослого человека, но будет неверно сказать, что они им не обладают, или что им безразлична смерть, или что смерть для них не является вредом. Люди с такой амнезией, про которых можно сказать, что они ограничены «постоянным настоящим», все еще в некотором роде думают наперед, ожидая следующую секунду своего существования.

Мы вряд ли захотим, чтобы такой человек был учителем или хирургом, но большинство из нас придет в ужас от предложения принудительно использовать его в качестве донора органов или безвольного подопытного в биомедицинских экспериментах, даже если их будут проводить «гуманно». Даже если бы животные жили в аналогичном «постоянном настоящем» (мы считаем эту идею абсурдной), это не означало бы, что они не обладают самосознанием, или что они не заинтересованы в продолжении жизни, или что смерть не представляет для них вреда.

Мы подробнее обсудим эту тему, когда доберемся до [Четвертого Принципа](#), но для текущей дискуссии достаточно будет сказать, что аболиционистки и аболиционисты считают, что все чувствующие существа ценят свои жизни, и что убийство представляет для них вред, каким бы «гуманным» оно ни было.

Во-вторых, кампании за реформы эксплуатации и УНК неизбежно поддерживают эксплуатацию животных.

Цель кампаний за реформы эксплуатации и УНК заключается в создании коалиций, включающих в себя людей, которые видят проблему в определенной форме эксплуатации животных, но при этом

считают этической эксплуатацию в целом. Такие кампании *должны* играть на самом низком уровне спектра, а иначе растеряют часть коалиции.

И именно в этом заключается проблема.

В кампании против клеток для свиноматок участвуют люди, которые едят продукты животного происхождения, в том числе свинину, но которые при этом считают, что содержание свиноматок в клетках «негуманно». В кампании против традиционных батарейных клеток для кур-несушек участвуют люди, которые едят яйца от куриц, заключенных в «расширенные» клетки или в одну большую клетку, известную как «бесклеточный» курятник. В кампании против фуа-гра участвуют люди, которые едят мясо, но считают, что фуа-гра отличается от других мясных продуктов. В кампании против мяса участвуют люди, которые потребляют молочные продукты и яйца. В кампании против меха участвуют люди, которые носят шерсть, кожу или шелк.

Кампании за реформы эксплуатации и УНК стремятся создать коалиции, включающие в себя людей, участвующих в формах эксплуатации, которые морально неотличимы от целей этих кампаний, поэтому такие кампании *неизбежно* поддерживают те формы эксплуатации, которые не являются их целями. То есть реформистские кампании и УНК *должны* обозначить реформы и продукты, не являющиеся их целями (но которые при этом не отличаются от них с точки зрения этики), как более «гуманные» или «сострадательные», причем не только фактически (предположим, они подразумевают меньшие страдания), *но и с точки зрения нормативности и морали*. Другими словами, кампании за реформы эксплуатации и УНК говорят людям, что они *должны* участвовать в якобы реформированном использовании животных или в использовании, не являющимся целью данной кампании.

То есть кампания против клеток для свиноматок *должна* продвигать «бесклеточную» свинину в качестве желаемого выбора, который люди *должны* потреблять и поддерживать. Если же в рамках этой кампании предположить, что любое потребление мяса или даже любое потребление свинины аморально, тогда те, кто выступает против клеток для свиноматок, но не видит проблем в потреблении мяса или свинины, не поддержат кампанию и не сделают пожертвование.

Проще говоря, если Мэри ест мясо, но согласна, что клетки для

свиноматок жестоки, то она пожертвует деньги на кампанию, которая говорит ей, что потребление других продуктов животного происхождения более предпочтительно с точки зрения этики, и что она поступает лучше, чем те люди, которые потребляют свинину, произведенную с использованием этих клеток. Она не поддержит кампанию, которая скажет ей, что ее поступки морально неотличимы от этих людей. Как мы легко можем видеть, эта ситуация приводит к поддержке идеи об этичности той эксплуатации животных, в которой участвует Мэри.

УНК против фуа-гра *должна* поддерживать идею о том, что люди *должны* есть стейки, цыплят, рыб или паштет из печени гуся, которого не кормили насильно. Если в рамках этой кампании предположить, что люди должны перестать есть любые продукты животного происхождения или даже только мясо, тогда те, кто не видит проблем в поедании животных продуктов, но считает принудительное кормление гусей аморальным, не поддержат кампанию и не сделают пожертвование. УНК против меха *должна* поддерживать идею о том, что будет лучше, если вместо меха люди будут носить шерсть или кожу. Если в рамках антимеховой кампании предположить, что шерсть и кожа так же аморальны, как и мех, тогда те, кто носит шерсть и кожу, но считает трагедией убой детенышей тюленей или охоту на лис при помощи капканов, не поддержат кампанию и не сделают пожертвование. Кампания против клеток для свиноматок *не может* быть истолкована как призыв отказаться от поедания свинины, мяса или всех продуктов животного происхождения, иначе она бы не смогла создать коалицию, потому что люди, потребляющие свинину и другие животные продукты, не поддержали бы ее.

Все эти регуляционные кампании *должны* притворяться, что являющиеся их целью животные продукты и формы эксплуатации отличаются от всех остальных с точки зрения этики, причем последние являются этически предпочтительными альтернативами. Люди, которые участвуют в эксплуатации животных, не поддержат регуляционную кампанию, если им не сказать, что та эксплуатация, в которой они участвуют, делает их «сострадательными» людьми. Людям должно быть комфортно и их комфорт достигается хитрым обманом, согласно которому цель кампании аморальна, а их собственное поведение аморально в гораздо меньшей степени или не аморально вовсе.

Таким образом, коалиции вокруг УНК и реформ эксплуатации имеют одну общую черту: они включают в себя широкий круг людей, которые «заботятся» о животных, поддерживая их якобы более «гуманную» эксплуатацию или животные продукты и формы эксплуатации, не являющиеся целями этих кампаний.

Особенно пагубный эффект этих коалиций заключается в том, что они делают бессмысленным моральный императив веганства, который мы подробно рассмотрим в обсуждении [Третьего Принципа](#). Собирая людей, которые еще не перешли на веганство, вместе с веганками и веганами (теми, которые поддерживают реформы и УНК) для формирования группы с общей целью, коалиция создает ложное представление о том, что между веганками и веганами, которые отказываются от эксплуатации животных, и людьми, которые участвуют в ней, нет моральной разницы. Коалиции изображают веганство не важным или не имеющим отношения к справедливости в отношении животных. В результате это препятствует рассмотрению веганства в качестве морального требования.

Возможно ли, чтобы эти кампании *не* поддерживали эксплуатацию животных? Нет. Поддержка эксплуатации является для них *единственным* способом создания коалиции. Могут ли велферисты переформулировать их и поддержать реформы эксплуатации при помощи кампании, которая недвусмысленно говорит: «Мы поддерживаем широкие клетки для кур-несушек, но мы против любой эксплуатации животных, какой бы „гуманной“ она ни была. Мы считаем веганство моральным императивом, но при этом поддерживаем широкие клетки в качестве временной меры, пока мы движемся в сторону отмены эксплуатации животных»? Могут ли они провести узконаправленную кампанию, которая недвусмысленно говорит: «Мы считаем любую „еду“ из животных одинаково несправедливой и нарушающей их права, а веганство считаем этической основой, но сейчас мы нацелились на фуа-гра и, как только преуспеем, сразу перейдем к другим продуктам животного происхождения»? Разумеется, такие кампании могут иметь место. Но их поддержат — *сделают пожертвование* — *исключительно* те люди, которые разделяют идею о правах животных. Такие кампании будут гораздо более этически последовательны, но они будут совершенно неэффективны для сбора средств. Именно поэтому ни одна зоозащитная организация никогда их

не проводила.

В-третьих, кампании за реформы эксплуатации и УНК приводят к сотрудничеству между «зоозащитниками» и институциональными эксплуататорами.

Учитывая, что все эти кампании проводят крупные зоозащитные организации, их позиция предельно ясна: они откровенно одобряют эксплуатацию животных. В результате защитники животных становятся партнерами производителей более «гуманных» продуктов животного происхождения. Их партнерство имеет место как в реформистских кампаниях, так и в УНК. Благодаря этим кампаниям прямая поддержка эксплуатации животных в последние годы стала еще более явной в результате откровенного сотрудничества, которое развивается между зоозащитниками и институциональными эксплуататорами. Это сотрудничество подразумевает, что первые рекламируют якобы «гуманные» продукты животного происхождения, которые продают вторые.

Хотя подобные примеры существовали еще в девяностых, все сильно изменилось в 2005 году, когда сеть премиум-супермаркетов Whole Foods рассказала о своем намерении разработать набор стандартов «Сострадания к Животным», который якобы должен был привести к производству животных продуктов «высокого благополучия». В январе 2005 года Питер Сингер, автор «Освобождения Животных», которого многие называют «отцом движения за права животных», написал открытое письмо генеральному директору Whole Foods Джону Маки от имени «нижеподписавшихся организаций по обеспечению благополучия животных, защите животных и защите прав животных», выразивших «признательность и поддержку» за «передовую инициативу Whole Foods» в разработке стандартов якобы более высокого благополучия. Среди подписавшихся организаций были PETA, HSUS, Farm Sanctuary, Compassion Over Killing, Mercy for Animals, Vegan Outreach и Viva! USA. Письмо было опубликовано Whole Foods. Согласно Маки, PETA, Farm Sanctuary, Viva! USA и другие организации стали «акционерами» в программе «счастливой эксплуатации» и помогают Whole Foods в создании якобы «гуманных» методов эксплуатации.

Whole Foods объединились с Global Animal Partnership (GAP) для использования их Программы Пяти Ступеней Благополучия Животных, позволяющей потребителям выбирать уровень страдания животных, который они желают приобрести. Велферистские организации, включая HSUS и CIWF, имеют в GAP своих представителей. GAP работает с Farm Forward, организацией, которая стремится «нацелить нужды корпораций на эффективные и выгодные методы производства, способствующие устойчивому развитию и благополучию животных». Farm Forward работает вместе с PETA над реформистскими кампаниями, а Джон Маки является одним из членов их правления. PETA вручила Whole Foods [награду](#) «Самый дружелюбный к животным розничный продавец».

Программа «счастливой эксплуатации» Whole Foods далеко не единственная программа подобного рода, которую поддерживают зоозащитники. Есть и другие. Например, Humane Farm Animal Care в партнерстве с HSUS, the American Society for the Prevention of Cruelty to Animals, the World Society for the Protection of Animals и другими организациями рекламирует маркировку [«Сертификат Гуманности»](#), с помощью которой они стремятся увеличить спрос на якобы более добрые и более ответственные способы эксплуатации животных. Humane Society International, подразделение HSUS, запустило маркировку [«Гуманный Выбор»](#). У RSPCA в Британии есть маркировка «Свободная Еда», которая существует с девяностых и сегодня называется «Проверено RSPCA». CIWF [вручает](#) почти 20 различных Наград за Благополучие Сельскохозяйственных Животных, чтобы отметить лидирующие на рынке компании за их политику, якобы оказывающую позитивное влияние на сельскохозяйственных животных в их цепях поставок.

Это лишь некоторые программы, которые поддерживаются велферистскими организациями. Есть и другие программы маркировки, которые прямо заявляют о сотрудничестве зоозащитных организаций и институциональных эксплуататоров. Но маркировка является только одним примером направления деятельности современных «зоозащитных» организаций, откровенно поддерживающих «счастливую эксплуатацию». Должность политического руководителя в Законодательном Фонде HSUS занимает фермер Джо Максвелл, который разводит свиней и получает прибыль от убийства 50 тысяч

животных в год. Прежде Максвелл был вице-президентом HSUS. И мы обсуждаем здесь лишь немногие примеры того, как люди, которые якобы являются зоозащитниками, становятся активными партнерами индустрии. Общее у всех этих программ то, что эти так называемые «зоозащитники» работают с институциональными эксплуататорами, чтобы активно рекламировать потребление продуктов животного происхождения.

В девятнадцатом веке Элизабет Хайрик, противница человеческого рабства из Британии, утверждала, что «постепенная эмансипация» позволила рабовладельцам превратиться в чемпионов морали путем поддержки «лучших» форм рабства. Именно это и произошло с современным «зоозащитным движением». Такие люди, как генеральный директор Whole Foods и «гуманные» фермеры, стали новыми героями.

Некоторые велферистские организации заявляют, что они выступают против любой эксплуатации и в итоге хотят полностью отменить использование животных. Другие организации говорят только об уменьшении страданий и снижении числа используемых животных. Но на самом деле это не важно. Даже если зоозащитная организация и заявляет о том, что в далеком и туманном будущем хочет отменить любую эксплуатацию животных, использование реформ эксплуатации и УНК для достижения этой цели означает поддержку их эксплуатации, хоть и якобы более «гуманной». Это не отличается от антивоенной организации, которая заявляет, что хоть мир для нее и является целью, она поддерживает войну как этически правильное средство достижения этой цели.

В ответ велферисты часто заявляют, что поддержка реформ эксплуатации и УНК не означает поддержки эксплуатации животных. Очевидно, что здесь они ошибаются. Когда зоозащитники призывают индустрию отказаться от клеток для свиноматок в пользу более «сострадательной» альтернативы, или когда они называют бесклеточные яйца «ответственным выбором», или когда они выступают против меха как продукта, представляющего собой этическую проблему, эти зоозащитники рекламируют «бесклеточную» свинину, яйца «свободного выгула», а также кожу и шерсть как нормативно хорошие вещи — как продукты, которые «сострадательные» потребители *должны* покупать. Эта реклама скрыто присутствует во всех реформистских кампаниях и УНК, но в более

современных кампаниях, в которых зоозащитники становятся партнерами институциональных эксплуататоров, она на виду. За гранью нелепости утверждать, что Питер Сингер и все крупные зоозащитные организации вместе с ним не поддерживают эксплуатацию животных, выражая «признательность и поддержку» за «передовую» программу «сострадательной» эксплуатации Whole Foods. За гранью нелепости утверждать, что Ингрид Ньюкирк из PETA не поддерживает потребление «счастливой» курицы, когда говорит о производителе курицы Bell & Evans: «Bell & Evans наглядно демонстрируют, что благополучие животных и хороший бизнес могут идти рука об руку.<...> Прислушиваясь к пожеланиям потребителей, Bell & Evans установили новый стандарт в индустрии поставок курицы». За гранью нелепости утверждать, что HSUS не поддерживает потребление «счастливой» свинины, когда HSUS нанимает разводящего свиней фермера на работу в качестве политического директора. И невозможно утверждать, что HSUS не поддерживает эксплуатацию животных, когда они спонсируют мероприятия, на которых подают трупы «счастливых» животных.

Велферисты также возражают, что хотя они и поддерживают реформы эксплуатации и УНК, они говорят людям о том, что «лучший способ помочь животным — просто перестать есть их», а это значит, что они не поддерживают эксплуатацию. И снова, такое возражение нелепо. Если кто-либо поддерживает «гуманное» изнасилование, но добавляет, что «лучший способ проявить уважение к женщинам — не насиловать их вовсе», это не означает, что человек не поддерживает «гуманное» изнасилование. В дополнении не сказано о том, что «гуманное» изнасилование неправильно. В нем никаким образом не опровергается поддержка «гуманного» изнасилования как чего-то нормативно желаемого. На самом деле такое сообщение говорит о том, что «гуманное» изнасилование — это хорошо, но отказ от изнасилования лучше. А говорить о том, что «гуманное» изнасилование — это хорошо, значит по определению поддерживать его как норму. Такой подход не устанавливает отказ от изнасилования в качестве этической основы или морального императива.

В-четвертых, реформы эксплуатации и УНК являются спесишистскими.

Если использование животных аморально — если они имеют право не быть использованными — тогда мы не должны поддерживать «гуманное» или «счастливое» использование, точно так же мы не должны поддерживать «гуманное» или «счастливое» нарушение фундаментальных прав человека. Тот факт, что мы поддерживаем «гуманную» эксплуатацию животных, хотя не стали бы делать ничего подобного в контексте людей, означает, что эти регуляционные кампании являются спесицистскими.

Чтобы увидеть это, рассмотрим нарушение фундаментальных прав человека. Рабство, изнасилования и пытки нарушают эти права; они не должны происходить *ни при каких условиях*. Рабство, изнасилования и пытки подразумевают обращение с личностями как с вещами, использование их в качестве ресурсов. Считает ли кто-либо приемлемыми кампании за «гуманное» рабство, «гуманное» изнасилование или «гуманные» пытки? Конечно нет. И хотя все осуждают рабство, оно все еще существует во многих частях света. На самом деле около 27 миллионов людей сегодня находятся в рабстве — это больше, чем когда-либо в истории человечества. Кто-нибудь полагает, что вместо отмены рабства нам стоит ограничить количество ударов, которые хозяин может нанести рабу? Конечно нет. Несколько лет назад в Соединенных Штатах предлагалось разработать правила для регуляции пыток людей, которые подозревались в обладании террористической информацией, и эта идея была широко осуждена.

Предлагать регуляцию нарушения фундаментальных прав значит признать моральную легитимность их нарушения. Предлагать «гуманное» рабство, «гуманное» изнасилование или «гуманные» пытки значит не признавать такие поступки абсолютно неправильными; значит видеть проблему только в том, *как* они совершаются. Нарушение фундаментальных прав, включая право не быть использованным в качестве собственности, означает полное исключение людей из морального сообщества и обращение с ними как с вещами, которые не имеют внутренней ценности, а имеют только инструментальную ценность для хозяина, насильника или мучителя. Восстановление за жертвой статуса моральной личности требует от нас отмены ее использования в качестве вещи, а не призыва использовать ее более «гуманно». Этичность рабства, изнасилования и пыток не зависит от того, насколько «гуманно» мы обращаемся с жертвами. Мы считаем

такие поступки глубоко аморальными именно потому, что они полностью исключают жертв из морального сообщества. Они несправедливы по своей сути и не существует правильного способа совершать их.

В девятнадцатом веке в Британии было сильное движение против вивисекции. Смертным приговором этому движению послужило принятие закона, призванного регулировать вивисекцию, чтобы сделать ее «гуманной». На самом деле этот закон нормализовал вивисекцию и обеспечил ее принятие в обществе в качестве этически легитимного рода деятельности. Так что кампания за регуляцию вивисекции в итоге привела к повышению ее общественного принятия.

Если люди и другие животные равны в фундаментальном праве не быть использованными в качестве вещей, и если мы не поддерживаем кампании за то, чтобы сделать нарушения фундаментальных прав человека более «гуманными», тогда мы не должны поступать иначе с нарушениями фундаментальных прав других животных из-за их биологического вида. *В противном случае мы участвуем в спесишизме.*

Разумеется, лучше причинить меньше вреда, чем больше. Об этом нам говорит не только здравый смысл, но и закон. Если М изнасиловал Н, а затем будет пытаться Н, тогда М будет наказан строже, чем если бы он ограничился одним только изнасилованием. Но если М изнасиловал Н без пыток, никто не скажет, что М поступил правильно или что он является «сострадательным» насильником. Но именно это делают кампании за реформы эксплуатации: они поддерживают идею о том, что причинение якобы меньшего вреда делает использование животных этичным и сострадательным поступком или, по крайней мере, чем-то таким, что не вызывает моральных возражений.

Спесишизм УНК особым образом проявляется в создании иерархии, в которой определенные животные стоят выше других. В некотором смысле это касается и велферистских кампаний, но в случае с УНК это более очевидно. Например, кампании в защиту отличных от людей приматов, слонов, дельфинов и других морских млекопитающих сконцентрированы на когнитивной и эмоциональной (а в случае с отличными от людей приматами еще и генетической) схожести с людьми. Такой подход в итоге приводит к созданию иерархии, отдающей предпочтение определенным животным и ложно изображающей их более достойными внимания и защиты. И хотя

некоторые животные действительно более похожи на людей, чем другие, связывать эту схожесть с моральной ценностью значит подразумевать, что человеческие умственные способности значат больше, чем способность чувствовать. Аболиционистский Подход отказывается от такой позиции. Мы в подробностях рассмотрим причины этого отказа, когда доберемся до [Четвертого Принципа](#).

В прочих случаях разное обращение, основанное на биологическом виде, не так очевидно. Например, рассмотрим одну из старейших УНК — антимеховую. В чем моральная разница между мехом и другой одеждой из животных, такой как шерсть или кожа? Ответить легко: разницы нет. Животные, которых используют ради кожи и шерсти, имеют не меньшую моральную ценность, чем те, которых используют для меховой одежды или отделки. Но антимеховая кампания преподносит идею о том, что животные, которых используют ради меха, по какой-то причине более ценны. Кампания против поедания кошек и собак в странах Азии преподносит идею о том, что потреблять кошек и собак более аморально, чем потреблять коров, свиней, куриц или рыб. Кампания против фуа-гра основана на идее о том, что фуа-гра хуже других мясных продуктов. Кампания Понедельники Без Мяса преподносит идею о том, что животные, которых эксплуатируют ради мяса, значат больше, чем те, которых эксплуатируют ради яиц и молока.

В ответ на аболиционистскую критику о том, что поддержка более «гуманной» эксплуатации животных является спесишизмом, поскольку мы не поддерживаем «гуманное» рабство, «гуманное» изнасилование или «гуманное» нарушение других фундаментальных прав человека, велферисты утверждают, что на самом деле мы поддерживаем «гуманное» нарушение фундаментальных прав человека.

Обычно в пример приводится Amnesty International, которая выступает против политических преследований и работает над освобождением политических заключенных. Но если добиться освобождения не удастся, тогда она выступает против любых пыток заключенных. Велферисты сравнивают себя с Amnesty International, утверждая, что они не могут освободить животных, но могут бороться против пыток.

Аналогия не работает по нескольким причинам.

Любая эксплуатация животных подразумевает такое обращение с ними, которое мы сочли бы пытками, если бы речь шла о людях. То есть

весь процесс выращивания животных, например, для еды включает в себя боль, страх и страдания от рождения и до самой смерти. Велферисты произвольно выбирают практики, которые уже являются легкими целями в силу их экономической неэффективности, и не признают, что весь процесс эксплуатации животных подразумевает страдания. Велферисты не аналогичны Amnesty International, которая выступает за освобождение политических заключенных и требует, чтобы их не пытали, если освобождения не удастся достигнуть. Велферисты работают вместе с индустрией над *реформами* пыток; Amnesty International этого не делает. Когда велферисты поддерживают «расширенные» клетки или «бесклеточные» курятники для кур-несушек, они не требуют прекращения пыток. Вместо этого они поддерживают альтернативы, которые также являются пытками птиц. Мысль о том, что «расширенные» клетки или «бесклеточный» курятник не подразумевают пыток, может посетить только тех, кто ничего не знает об этих альтернативах традиционным батарейным клеткам. Деятельность велферистов была бы аналогична требованию со стороны Amnesty International минутного перерыва после каждых трех часов пыток заключенных электричеством. Amnesty International не поддерживает подобное, поскольку пытки означают нарушение фундаментальных прав человека и не должны происходить *ни при каких условиях*.

Кроме того, как мы уже видели выше, кампании за благополучие неизбежно поддерживают эксплуатацию животных, поскольку изображают реформы «сострадательными» или используют другие положительные термины, что является единственным способом создания коалиций вокруг этих кампаний. И хотя это касается *всех* кампаний за благополучие, это особенно заметно среди современных велферистов, которые вступают в прямое сотрудничество с институциональными эксплуататорами и публично выражают свою «признательность и поддержку» за принятие якобы «гуманных» реформ, а затем раздают эксплуататорам награды. Amnesty International не награждает диктаторов, которые обещают избивать политических заключенных девять раз в неделю вместо десяти.

Велферисты также утверждают, что Amnesty International хоть и выступает против смертных приговоров, но поддерживает «гуманные» методы их исполнения. Это просто ложь. Amnesty International осуждает

смертную казнь независимо от методов ее исполнения.

Другим примером, на который ссылаются велферисты, являются реформы гражданских прав. Они утверждают, что реформы эксплуатации животных аналогичны реформам гражданских прав и, раз мы поддерживаем вторые, значит должны поддерживать и первые. Но аналогия вновь не работает. Реформы гражданских прав происходят в условиях, при которых мы говорим о жертвах как о личностях, а не как о вещах. Мы говорим о рабах, жертвах пыток, жертвах изнасилований и других людях, чьи фундаментальные права были нарушены. Вопрос, поднятый кампанией за гражданские права, заключался в необходимости реформы для обеспечения равного обращения с равными интересами личностей для разрешения конфликтов между их требованиями. Абсурдно говорить о том, что «Акт о Гражданских Правах» 1964 года (закон США, делающий сегрегацию в театрах, ресторанах и отелях незаконной и отказывающий собственникам в праве свободно не допускать до своей собственности тех, кого они пожелают) аналогичен реформе рабства, запрещающей рабовладельцу избивать своих рабов чаще десяти раз в неделю, или реформе, требующей минутных перерывов во время пыток политических заключенных. Мы не могли избавиться от рабства реформами. Институт рабства должен был быть отменен прежде, чем инициативы за гражданские права смогли обеспечить дальнейшее равенство для людей, которые больше не рассматривались в качестве собственности.

Велферисты также отмечают, что мы поддерживаем УНК в контексте людей. Например, мы можем провести кампанию против геноцида в Сомали, которая ничего не говорит о геноциде в Бурунди или других странах. Велферисты утверждают, что если УНК проблематичны в контексте животных и зоозащитники не должны участвовать в них, тогда УНК имеют аналогичные проблемы в контексте людей и защитники прав человека также не должны в них участвовать.

И снова велферисты не замечают важные отличия УНК в контексте людей от УНК в контексте других животных. Когда мы выступаем против геноцида в Сомали, мы не заявляем о том, что геноцид в Бурунди или других странах каким-то образом более этичен или что геноцид в Бурунди является разновидностью геноцида, который должен происходить в Сомали. Наша стартовая позиция заключается в том, что

геноцид аморален сам по себе. То есть кампания против геноцида в одной стране *не может* быть истолкована как одобрение геноцида в другой. Но в контексте животных стартовая позиция заключается в том, что эксплуатация животных этична (по крайней мере «гуманная»), то есть кампания против фуа-гра может быть истолкована *исключительно* как утверждение о том, что фуа-гра менее этично, чем другие продукты животного происхождения, которые, следовательно, этичны. Кампания против меха может быть истолкована *исключительно* как одобрение шерсти и кожи.

Кампания против геноцида в Сомали не требует участия людей, поддерживающих геноцид в другой стране. Напротив, противницы и противники геноцида в Сомали вряд ли захотят включить в свою коалицию сторонников геноцида в принципе. А УНК в контексте животных *требуют* участия тех, кто активно поддерживает морально неотличимые формы эксплуатации животных и участвует в них.

В-пятых, УНК поддерживают дискриминацию людей.

Создавая коалиции, включающие в себя людей, многие из которых участвуют в эксплуатации животных, но считают при этом, что *некоторые* формы эксплуатации более аморальны, чем другие, УНК не только поддерживают прочие формы эксплуатации, но и создают ложное разделение на «мы/они», произвольно демонизируя людей, которые участвуют в эксплуатации, являющейся целью УНК. Опять же, единственный способ заставить участников коалиции чувствовать себя комфортно заключается в том, чтобы поощрять притворство, согласно которому они «лучше», чем «плохие» люди, которые участвуют в эксплуатации, являющейся целью УНК. Так женщин, которые носят мех, изображают ужасными людьми, которые морально хуже тех, кто носит кожу и шерсть. Жителей Азии, которые едят собак, кошек и китов и убивают дельфинов, а также охотников, которые убивают львов, жирафов и других животных, изображают более аморальными людьми, чем тех, которые потребляют коров, свиней, куриц и рыб.

На самом же деле люди, которые обращаются с другими животными как с вещами и таким образом нарушают их фундаментальное право не быть использованными в качестве ресурсов, с точки зрения этики не отличаются друг от друга. Нападать на

женщину в шубе, словно она ужасный человек, значит игнорировать тот факт, что с точки зрения этики она ничем не отличается от людей, которые носят кожу или шерсть, потребляют мясо, молочные продукты и яйца или еще как-либо используют животных в качестве вещей. Жители Азии, потребляющие кошек, собак и китов, не отличаются от американцев, британцев, немцев или французов, которые потребляют свиней, коров, куриц, рыб и так далее. Вивисектор, ставящий опыты на приматах, с точки зрения этики не отличается от вивисектора, использующего крыс, а также от человека, который носит шерсть и кожу или ест мясо, молочные продукты и яйца.

Эта демонизация уже достаточно плоха сама по себе в силу своей очевидной иррациональности и произвольности, но, как это часто бывает, в итоге аморальными и ущербными называют женщин, людей цвета, представителей других меньшинств или иностранцев. Эти кампании зачастую являются расистскими и сексистскими, а также ксенофобными и этноцентричными.

Рассмотрим антимеховую кампанию. Выбор в качестве цели меха, а не кожи или шерсти, проблематичен сам по себе, учитывая, что меховая одежда традиционно носилась женщинами и являлась частью моды, которую диктует патриархальная культура. Любопытно, что кожа и шерсть никогда не были целями каких-либо хоть сколько-нибудь длительных кампаний. Антимеховая кампания буквально демонизировала женщин, которые носят мех, и создала такое впечатление, словно носящие мех люди — почти всегда женщины — являются более аморальными, чем все остальные. На одном из самых широко известных изображений, связанных с антимеховым движением, нарисована женщина, причем только ниже пояса, в черных чулках и на высоких каблуках, которая тащит за собой шубу, оставляющую кровавый след. Надпись гласит: «Чтобы создать шубу, требуется 40 глупых животных. И только одно, чтобы носить ее». Выступающие против меха зоозащитники часто публично проявляют агрессию в отношении носящих его женщин. Если вы хотите услышать тираду мизогинной брани, вам следует пойти на антимеховую акцию и послушать оскорбительные комментарии — часто со стороны людей в коже и шерсти — о проходящих мимо женщинах в мехах.

Зоозащитники выступают против еврейского ритуала, называемого Капарот или Капарос. Это событие происходит накануне Йом-Кипур и

подразумевает вращение курицы над головой для символической передачи ей своих грехов, после чего курице перерезают горло. Происходящее с курицей в этом ритуале ничем не отличается от происходящего на любой бойне. Зоозащитники в Северной Америке, Европе и Австралии выступают против кошерного и халяльного забоя, которые подразумевают кровопускание у животных, пока они еще в сознании. Во всех этих кампаниях использование животных в ритуалах прямо или косвенно преподносится как более аморальное в сравнении с обыденным использованием. Во всех этих кампаниях участвуют люди, которые едят мясо и другие продукты животного происхождения, но при этом выступают против использования животных в ритуалах. Во всех этих кампаниях зоозащитники прямо продвигают идею о том, что решение проблемы заключается в потреблении только тех животных, которых оглушили перед смертью. В качестве примера можно привести британскую организацию Viva!, которая в связи с кампанией против халяльного убоя сделала следующее заявление: «Потребители могут внести свой вклад, бойкотируя места, которые продолжают продавать мясо не оглушенных животных». Это заявление недвусмысленно поддерживает потребление мяса оглушенных животных, а также укрепляет идею о том, что мусульмане и евреи морально хуже всех остальных. Не может быть никаких сомнений в том, что такие кампании способствуют распространению анти-семитизма и исламофобии. В самом деле, один из авторов этой книги написал организаторам кампании против Капорота с просьбой включить в кампанию заявление о том, что противники Капорота должны понимать, что участники этого ритуала ничем не отличаются от любых других людей, потребляющих куриц (или любые другие продукты животного происхождения). Просьба была отклонена.

К другим ритуалам с использованием животных относится их убийство в сантерии и прочих религиях карибского происхождения, получивших развитие у рабов из Западной Африки в Испанской Империи. Зоозащитники выступают против этих ритуалов, хотя с точки зрения этики не существует различия между убийством этих животных в сантерии и их убийством в любом другом контексте.

В обсуждении [Пятого Принципа](#) мы в подробностях рассмотрим причины, по которым Аболиционистский Подход, помимо спесишизма, выступает против расизма, сексизма, гетеросексизма и любых других

форм дискриминации людей.

В-шестых, реформы эксплуатации и УНК неэффективны.

Аболиционистки и аболиционисты выступали бы против регуляции, даже если бы она была эффективна. Чтобы понять, почему, подумайте об этой проблеме в контексте людей. Если мы считаем, что человеческое рабство несправедливо, тогда мы должны требовать отмены рабства, а не устраивать кампании за регуляцию, даже если мы думаем, что эта регуляция будет эффективной. Но регуляция эксплуатации животных *не* эффективна. Мы регулируем ее вот уже 200 лет, а в итоге эксплуатируем больше животных, чем когда-либо, и так жестоко, как никогда прежде. Мы рассмотрим реформы эксплуатации и УНК отдельно. Мы также изучим аргумент, который в последнее время начали приводить велферисты, и согласно которому «эффективность» реформ эксплуатации доказана «наукой».

Реформы эксплуатации

Реформы эксплуатации животных неэффективны, потому что они просто *не могут* быть эффективны; статус животных в качестве собственности накладывает на них структурные ограничения. Стандарты благополучия животных всегда будут низкими, потому что животные являются собственностью. Как мы уже видели в обсуждении [Первого Принципа](#), животные, будучи собственностью, не только не имеют прав, но еще и люди имеют право собственности на них.

Защита интересов животных стоит денег, и это строго ограничивает уровень предоставляемой защиты. Кроме того, каким образом мы определяем, какие интересы должны быть защищены, если подавляющая часть использования животных — фактически любое использование — никаким образом не может быть действительно названа «необходимостью»?

Наибольшее число животных мы используем для еды. Ради пищи мы убиваем около 60 миллиардов сухопутных и примерно один триллион морских животных в год. Какое оправдание мы имеем для причинения всех этих страданий и убийств? Нас никто не принуждает

есть животных и в этом нет никакой необходимости для здоровья. На самом деле почти все исследовательские институты, а так же государственные и профессиональные организации признали, что диета, исключая животную пищу, не только удовлетворяет все потребности организма, но и возможно является более полезной. Единственное имеющееся у нас оправдание для причинения страданий и убийства колоссального количества используемых ради еды животных заключается в том, что они вкусные. Аналогичное наблюдение верно и в отношении тех животных, которых мы используем ради одежды. Для использования шерсти, кожи, меха и другой одежды животного происхождения не существует иного оправдания, кроме моды. А в использовании животных ради развлечений, таких как спортивная охота, цирки, родео, коррида и так далее, по определению не может быть необходимости.

Учитывая, что практически все причиняемые животным страдания не являются необходимыми, какой смысл мы можем найти в этическом и юридическом принципе, согласно которому мы не должны причинять им страдания «без необходимости»? Как мы определяем уровень защиты, которым должны наделить животных?

Ответить легко: мы защищаем только те интересы животных, которые нам выгодно защитить. В основном мы запрещаем такое обращение с ними, которое не создает экономической выгоды и которое, наоборот, уменьшает стоимость животных, находящихся в собственности. Мы требуем лишь такого уровня защиты их интересов, который необходим для их экономически эффективного использования. В силу того, что «необходимость» страданий животных связана с обеспечением их использования, неудивительно, что стандарты «гуманного» обращения в основном определяются общепринятыми практиками в отдельных сферах эксплуатации. Если мы хотим знать, что необходимо для использования животных в конкретных целях, тогда нашими лучшими консультантами выступят те люди, которые их используют, поскольку мы исходим из логического предположения, что с их стороны будет нерационально причинять своей собственности необоснованный вред (и, как следствие, экономический ущерб). В результате законы против жестокого обращения с животными зачастую откровенно не распространяются на «нормальные» или «обычные» практики того или иного института эксплуатации, вроде

животноводства. Но даже если в законах не прописаны такие исключения, суды все равно трактуют их таким образом.

В основном запрет на причинение страданий «без необходимости» является лишь запретом на причинение страдания без причин, которые рациональный и информированный собственник сочтет достаточными. Закон, как правило, не будет налагать на собственников животных обязательство делать что-либо, что экономически не выгодно для производства животных продуктов. По крайней мере в том, что касается законов о благополучии животных, их благополучие, по большей части, заключается в обеспечении их экономически эффективного использования.

В качестве примера рассмотрим принятый в 1958 году закон США «О гуманном убое», который требует оглушения крупных животных перед их забоем на еду, чтобы они не были в сознании, когда их подвешат и убьют. Этот закон защищает интересы животных в момент смерти, но очевидно, что основная причина его принятия была экономической: крупные животные, будучи в сознании подвешенными вниз головой, брыкаются во время убийства, нанося увечья работникам бойни и повреждая дорогие туши. Таким образом, оглушение крупных животных имеет экономический смысл.

Разумеется, у этих животных есть множество других интересов в течение их жизни, включая интерес в избежании боли и страданий в предшествующее забою время, которые никак не защищаются, потому что это экономически не обосновано. Любопытно, что закон «О гуманном убое» не был истолкован для применения к меньшим животным, включая птиц, которые составляют наибольшее число животных, убиваемых ради еды в Соединенных Штатах. Учитывая количество убиваемых птиц, их относительно меньший размер и меньшую стоимость, защита интересов куриц, которая была бы аналогична защите интересов коров, не была признана экономически обоснованной. Но как мы увидим позже, велферисты устраивают кампании за более «гуманный» забой птиц именно на основании современных исследований в животноводческой экономике, согласно которым «гуманный» забой будет выгоден производителям животных продуктов.

Осознавая ограниченность законов о благополучии животных, многие велферистские организации стремятся уговорить индустрию

добровольно принять реформы эксплуатации, которые якобы более прогрессивны, чем действующие законы. Но даже эти мероприятия отражают действительность, в которой регуляция благополучия животных в первую очередь касается экономической эффективности их эксплуатации. Если мы посмотрим на кампании, которые проводятся крупными велферистскими организациями, то мы увидим, что главным образом эти кампании ищут экономически уязвимые практики внутри индустрии и предлагают улучшения, увеличивающие эффективность производства. Давайте подробно рассмотрим три примера: (1) попытка убедить рестораны быстрого питания заставить своих поставщиков мяса применить стандарты, разработанные Тэмпл Грандин, ученой в сфере сельского хозяйства; (2) использование убийства контролем атмосферы (УКА) или, проще говоря, убийство птиц газом; и (3) отказ от клеток для свиноматок.

(1) Тэмпл Грандин является всемирно известной ученой в сфере сельского хозяйства, которая утверждает, что ее аутизм дает ей особое понимание того, как мыслят животные. При помощи своего аутичного понимания Грандин проектирует скотобойни и консультирует животноводческую индустрию о поведении животных и обращении с ними. Ее восхваляют Питер Сингер и HSUS, а PETA вручила ей награду, провозгласившую ее «визионером» за продвижение реформ эксплуатации. PETA убедила разные сети быстрого питания установить и контролировать соблюдение якобы «более высоких» стандартов для скотобоен, которые поставляют им мясо. Эти стандарты были разработаны Грандин и они откровенно сосредоточены на экономических проблемах. [Согласно Грандин](#): «Как только скот — коровы, свиньи и овцы — поступает на мясокомбинат, надлежащее обращение имеет значение не только для благополучия животных, но и к тому же может превратить убытки в прибыль. Исследования прекрасно демонстрируют, что при помощи заботливого и спокойного обращения с животными можно получить мясо значительно более высокого качества». Она [добавляет](#): «Ласковое обращение в правильно спроектированных условиях снизит уровень стресса, улучшит эффективность и обеспечит высокое качество мяса».

(2) PETA утверждает⁵, что УКА экономически выгоднее нынешнего метода убийства электричеством, поскольку УКА «повышает качество продукта и производительность;» уменьшает порчу

оборудования и повреждение мяса от ошпаривания в процессе удаления перьев; увеличивает «срок хранения мяса;» позволяет производить «более нежное грудное мясо» и «снижает трудозатраты», уменьшая необходимость определенных проверок и сокращая текучесть кадров и частоту несчастных случаев. УКА предоставляет птицеводству и «другие экономические выгоды», позволяя производителям сэкономить деньги на электричестве и воде. Заключение РЕТА звучит следующим образом: «Учитывая улучшения в вопросах оборудования, производительности и затрат на рабочую силу в результате применения убийства контролируемым атмосферой, не удивительно, что окупаемость инвестиций в УКА может быть достигнута всего за один год».

(3) Продвигая альтернативы клеткам для свиноматок, HSUS ссылается на исследование Государственного Университета штата Айова, в котором было обнаружено, что «в хорошо управляемых групповых системах содержания возможны сохранение и рост показателей эффективности производства <...> без увеличения затрат на рабочую силу». В целом исследование показало, что «групповое содержание <...> приводит к снижению затрат на отнятого поросенка на 11 процентов относительно поросят из индивидуальной системы содержания».

Вопреки заявлениям сторонников реформ эксплуатации животных о том, что эти реформы выводят животных из парадигмы, в которой они являются собственностью, на самом деле эти реформы лишь делают эксплуатацию более эффективной и еще глубже погружают животных в эту парадигму, что наглядно демонстрируется подобными кампаниями.

Кроме того, даже если реформа эксплуатации животных выходит за рамки повышения эффективности их эксплуатации и приводит к повышению стоимости производства, никакой рост цен не позволит животным перейти из категории собственности в категорию моральных личностей. То есть даже если бесклеточные яйца или яйца свободного выгула будут несколько дороже в производстве и даже если «счастливое» мясо и другие продукты животного происхождения, продаваемые в Whole Foods и местными фермерами, будут стоить больше денег, это не будет означать, что благодаря этому животные перестанут быть собственностью и будут считаться моральными личностями. Они просто станут более дорогой собственностью. Они

останутся вещами точно так же, как Порше все еще остается вещью, хоть и стоит дороже, чем Форд. Тот факт, что потребители возможно будут готовы платить больше за эти фермерские продукты, не означает, что они откажутся от идеи о том, что животные являются собственностью. Будь это так, они бы перестали употреблять животных вовсе. И нет *никаких* оснований полагать, что наличие фермерских продуктов или продуктов «высокого» благополучия имеет какое-либо культурное влияние на смену взглядов о статусе животных в качестве ресурсов.

Утверждая, что приводящие к росту цен реформы эксплуатации снижают спрос, велферисты упускают четыре нюанса.

Во-первых, они игнорируют тот факт, что практически во всех случаях потребителей никто не заставляет покупать продукты «более высокого» благополучия. То есть британский потребитель, не желающий переплачивать за якобы более «гуманно» выращенную британскую свинину, может купить свинину «более низкого» благополучия из Франции, Германии или других стран Евросоюза.

Во-вторых, даже в тех редких случаях, в которых потребители вынуждены покупать продукты «более высокого» благополучия, как это происходит в Евросоюзе в результате всеобщего закона, требующего «расширенных» клеток для кур-несушек, спрос на большинство основных продуктов животного происхождения считается экономистами *неэластичным*. Это означает, что он не очень чувствителен к росту цены. Так что при необходимости люди скорее будут меньше ходить в кино или отложат покупку нового компьютера, чем купят меньше яиц, даже если они станут несколько дороже.

Значительные изменения в обращении с животными могут произойти только в случае широкого распространения спроса на такие продукты, а также готовности оплачивать гораздо более высокие издержки и вытеснять продукты меньшего благополучия с рынка.

В-третьих, даже если продукт животного происхождения станет достаточно дорогим, чтобы цена начала влиять на спрос, потребители не перейдут на растительные продукты; они будут искать альтернативную продукцию *животного* происхождения. Другими словами, если говядина станет слишком дорогой, потребители купят больше свинины и курицы. Они не перейдут на тофу.

В-четвертых, лучшее, на что способна реформа эксплуатации, это

создание ниши на рынке, где богатые потребители смогут купить якобы более «гуманные» продукты и продолжать потреблять животных, не испытывая от этого угрызений совести. Но производство даже *самого* «гуманного» продукта животного происхождения все еще подразумевает страдания, смерть и несправедливость. Оно все еще подразумевает такое обращение, которое никто бы не потерпел, каким бы «гуманным» оно ни было, если бы речь шла о людях. Благополучие животных, будь оно привязано к стандартам, которые просто делают эксплуатацию более эффективной, или к стандартам, которые действительно повышают цены, всегда будет на низком уровне и всегда будет служить тому, чтобы люди эксплуатировали животных и не испытывали от этого угрызений совести.

Что касается своевременности помощи животным, нелепо было бы полагать, что реформы их эксплуатации помогают им «сейчас». Если реформы эксплуатации вообще когда-либо принимаются, то это происходит по истечении не одного года, а иногда и многих лет. А даже если принимаются, то обеспечивают лишь самую малую защиту интересов животных, если вообще обеспечивают какую-либо. Они могут привести к чуть меньшим пыткам, но будет извращением чувствовать чуть меньшие пытки в качестве «помощи животным». Представьте ситуацию, в которой вас прижигают паяльником в течение десяти секунд. Как считаете, сокращение прижигания до девяти секунд может быть названо «помощью»? Мы так не думаем.

Наконец, важно понимать, что если бы зоозащитники не проводили кампании за реформы эксплуатации, а вместо этого требовали бы отмены использования животных и продвигали бы веганство, тогда институциональные эксплуататоры сами бы приняли те же самые реформы, чтобы предотвратить угрозу веганского движения. Они бы пытались переубедить общественность, чтобы сохранить оставшихся клиентов и побудить ушедших вернуться. Основное отличие тогда заключалось бы в том, что зоозащитники не стали бы действовать в качестве партнеров институциональных эксплуататоров и не стали бы поощрять якобы «сострадательное» потребление и эксплуатацию животных.

Давайте будем предельно ясны: предлагаемые велферистами реформы не приводят к значительному улучшению защиты интересов животных. Как «бесклеточное» яйцо, так и яйцо от курицы из обычной

клетки, подразумевает страдания, смерть и несправедливость. Как скотобойня, которую спроектировала обладательница наград от РЕТА Тэмпл Грандин, так и скотобойня, в проектировании которой Тэмпл не принимала участия, это ужасное место.

Узконаправленные кампании

Велферисты утверждают, что УНК, будучи сконцентрированы на конкретных формах использования, могут внести вклад в борьбу с использованием животных в целом, когда кампаний будет достаточно. То есть если мы проведем успешную антимеховую кампанию и избавимся от меха, тогда мы сможем перейти к коже, а затем и к шерсти. Если мы проведем успешную кампанию против фуа-гра и люди перестанут его есть, тогда мы сможем перейти к другим мясным продуктам. А когда мы проведем успешные УНК в отношении всех видов мяса, тогда мы сможем перейти к молочным продуктам, а затем и к яйцам.

Но этот сценарий является не более чем велферистской фантазией. Обратите внимание на две самых продолжительных УНК: антимеховую и антививисекционную. Антимеховая кампания продолжается вот уже более 40 лет, а меховая индустрия сегодня сильнее, чем когда-либо. Движение против вивисекции существует уже более двухсот лет, а в вивисекции сегодня используют больше животных, чем когда-либо. УНК произвольно выбирают одну форму эксплуатации животных, а затем заявляют, что эта форма самая аморальная, хуже всех других. Они создают коалиции людей, которые отказались от выбранной формы использования, но продолжают участвовать в других формах, которые морально не отличаются от выбранной. Стратегия создания новой коалиции после отмены выбранной формы эксплуатации для нападения на другую, которая до этого считалась этичной, не представляется ни последовательной, ни реалистичной. И такая стратегия не рассчитана на донесение до общественности ясности и последовательности позиции зоозащитного движения.

Иногда велферисты защищают УНК, заявляя, что УНК заставляют людей задуматься о животных, обращая их внимание на одну проблему, вроде меха, а велферисты затем могут указать им и на другие. Такая позиция равносильна тому, что зоозащитники проводят кампании в

поддержку якобы более «гуманной» эксплуатации, а затем разворачиваются и говорят людям, что то, что они ранее называли «гуманным», на самом деле не гуманно. Легко увидеть моральные и практические проблемы такого подхода, в том числе выставление зоозащитников совершенно нечестными. Если кто-то участвует в антимеховой кампании только для того, чтобы затем услышать от людей, которые призывали к участию и внесению пожертвований, что-то вроде: «Эй, кстати, мы не потрудились сказать тебе, что шерсть и кожа на самом деле ничем не лучше меха», она вряд ли останется высокого мнения об этом подходе «приманки и разворота». Кроме того, антимеховая кампания длится вот уже десятки лет, а велферисты так до сих пор и не убедили людей отказаться от меха, не говоря уже о шерсти, коже, шелке или использовании животных ради пищи, развлечений и так далее.

Разумеется, УНК тоже не помогают никаким животным «сейчас». В основном УНК побуждают людей потреблять *другие* животные продукты или участвовать в *других* формах эксплуатации. Перестав есть фуа-гра, люди могут помочь гусям, которых используют при производстве фуа-гра, но они не помогут коровам, свиньям, курицам и рыбам, которых они потребляют вместо фуа-гра. Перестав носить мех, люди могут помочь животным, которых используют для производства шуб. Но они не помогут овцам, коровам и другим животным, используемым для производства одежды, которую они носят вместо шуб.

А что говорит «наука»?

В 2009 году несколько экономистов в сфере сельского хозяйства опубликовали статью, в которой утверждается, что, несмотря на то, что потребление мяса растет, рост не оправдал ожиданий авторов в отношении свиней и куриц. Они отметили внимание СМИ к вопросам благополучия животных в течение релевантного периода времени и пришли к выводу, что это сыграло роль в том, что рост потребления свиней и куриц оказался ниже ожидаемого, хотя, в любом случае, его сокращение оказалось «незначительным». Другими словами, потребление мяса растет, но рост оказался немного меньше ожидаемого и это незначительное сокращение ожидаемого роста возможно связано с

вниманием СМИ к вопросам благополучия животных.

Не надо быть экспертами в анализе данных, чтобы увидеть необоснованность любых заявлений о том, что это исследование доказывает какую-либо эффективность (за исключением эффективного сбора пожертвований) кампаний за реформы эксплуатации животных.

Прежде всего, попытки связать *какие-либо* сведения о потреблении животных с кампаниями за их благополучие даже в самом лучшем случае носят спекулятивный характер. *Возможно ли*, чтобы эти кампании сыграли некоторую роль в «незначительном» сокращении ожидаемого роста потребления? Конечно, но так же это могла быть экономика, погода, отчеты о последствиях потребления мяса для здоровья и окружающей среды, усилия локальных активисток и активистов, продвигающих веганство и критикующих кампании за реформы эксплуатации в течение релевантного периода времени, и множество других вещей. Любопытно, что авторы исследования *не* обнаружили «незначительного» сокращения ожидаемого роста потребления коров, хотя многие велферистские кампании в течение релевантного периода времени были сосредоточены на коровах. В любом случае, заявления авторов исследования о том, что кампании за благополучие имели значительное влияние на потребление животных, являются не только необоснованными, но и безответственными.

Во-вторых, те люди, которые *по какой-либо причине* сократили свое потребление свиней и куриц, могли переключиться на многие другие продукты животного происхождения, поскольку авторы рассматривали только коров, свиней и домашнюю птицу.

Короче говоря, это исследование показывает, что потребление животных растет, но в отношении свиней и куриц растет не так сильно, как ожидалось. И может быть, что это связано с кампаниями за благополучие животных. А может быть и нет. Любое сокращение роста спроса может очень хорошо объясняться переходом на рыбу, яйца, молочные продукты и мясные полуфабрикаты.

Другими словами, это исследование не доказывает *ничего* касательно эмпирического вопроса об эффективности кампаний за реформы эксплуатации. Тем не менее, это не останавливает велферистов от заявлений, как это делал ныне покойный сторонник кампаний за благополучие [Норм Фэлпс](#), о том, что «научкой» доказано, что эти кампании «заставляют людей покупать значительно меньше

мяса». Такие организации, как Farm Sanctuary и Mercy for Animals, говорят, что это исследование доказывает, что организованные ими кампании за реформы эксплуатации приводят к тому, что люди покупают меньше мяса.

Абсурдность любого подобного заявления очевидна.

В обсуждении [Третьего Принципа](#) мы изучим заявления велферистов о том, что «наука» также доказывает, что для того, чтобы люди переходили на веганство, мы должны продвигать невеганство, и что призывы к сокращению потребления животных приводят к более сильному сокращению их страданий, чем продвижение веганства. Мы увидим, что эти заявления также необоснованны.

Примечание о целях и стратегиях

Велферисты часто заявляют, что на самом деле они «аболиционисты» и согласны, что мы должны положить конец использованию животных, но они просто не соглашаются со «стратегией», которую мы должны использовать для достижения этой цели. Если кто-то называет себя аболиционистом, но при этом поддерживает реформы эксплуатации животных в качестве стратегии для достижения отмены этой эксплуатации, значит этот человек использует термин «аболиционизм» совсем не в том смысле, в котором его используем мы. Для нас аболиционизм означает позицию, которая *исключает* реформы эксплуатации животных в силу их *принципиальной несовместимости* с отменой их эксплуатации.

Подумайте вот о чем: Мэри и Джон выступают против войны. Мэри видит своей целью мир без войн и своей стратегией для достижения этой цели выбирает продвижение ненасильственного решения конфликтов. Джон тоже утверждает, что его целью является мир во всем мире, но для достижения этой цели он предлагает развязывать войны (кстати, позиция Джона весьма точно описывает внешнюю политику Америки). Как Мэри, так и Джон заявляют, что выступают за мир, но Джон поддерживает решение — насилие — которое *прямо* противоположно и *совершенно* несовместимо с заявленной целью. Джон утверждает, что война — противоположность мира — является приемлемой стратегией для достижения мира без войн.

В этом контексте мы легко можем увидеть проблему несовместимости стратегии с целью, которой она якобы служит.

Зоозащитники, которые поддерживают реформы эксплуатации животных, часто заявляют, что их целью является отмена этой эксплуатации, что они хотят прекратить любое их использование. Но они поддерживают «счастливое» использование в качестве стратегии для достижения этой цели. В обсуждении [Третьего Принципа](#) мы увидим, что они поддерживают сокращенное потребление мяса и как нормативно желаемую цель, и как стратегию достижения веганского мира. Это аналогично использованию войны в качестве стратегии для достижения мира без войн и насилия.

Мы настаиваем на том, что правильное использование слова «аболиционизм» подразумевает, что средства соответствуют цели. Из следующей главы мы узнаем, что единственной стратегией, которая соответствует поставленной цели отмены эксплуатации животных, мы считаем веганство на индивидуальном уровне и творческое ненасильственное веганское образование на социальном уровне. Если целью является отмена использования животных, тогда средствами достижения этой цели должны быть индивидуальный отказ от использования и распространение этой идеи в обществе.

Аболиционизм, как мы используем этот термин, исключает регуляцию эксплуатации животных. Аболиционизм, как мы используем этот термин, исключает позицию, согласно которой «счастливое» использование животных является приемлемым способом достижения отмены их использования, равно как и позицию, согласно которой война является морально приемлемым способом достижения мира без войн. Мы также думаем, что как война, очевидно, не способна привести к миру без войн, а насилие лишь порождает еще больше насилия, так и поддержка «счастливого» насилия в отношении животных приведет лишь к тому, что люди, участвуя в этом насилии, будут чувствовать себя более комфортно. Экономический успех и распространение индустрии «счастливой эксплуатации» безусловно являются тому доказательством.

Мы *никогда* не сможем прекратить нарушение фундаментальных прав, поддерживая их нарушение. Мы можем увидеть это, когда речь идет о фундаментальных правах людей. Никто не будет поддерживать «вежливый» расизм в качестве стратегии для достижения расового

равенства. Никто не будет поддерживать «вежливый» сексизм в качестве стратегии для достижения равенства полов. Никто не будет поддерживать «вежливое» изнасилование в качестве стратегии для прекращения изнасилований. Никто не будет поддерживать «вежливую» педофилию в качестве стратегии для прекращения педофилии.

Но когда речь заходит о животных, многие так называемые зоозащитники в деле защиты фундаментальных прав животных считают целесообразной поддержку якобы более «гуманного» нарушения этих самых прав. Мы настаиваем, что такая позиция не только контрпродуктивна на практике, но и аморальна, с чем мы все согласимся, если представим ее в контексте людей. Мы выступаем против велферизма и связанного с ним спесишизма.

Заключение

Поддержка какого-либо использования животных совершенно несовместима с Аболиционистским Подходом, согласно которому животные имеют фундаментальное право не быть использованными в качестве человеческих ресурсов, как бы «гуманно» с ними при этом ни обращались. Если использование животных аморально — если у них есть право не быть использованными — тогда мы не можем поддерживать «гуманное» или «счастливое» использование. Другими словами, меньше страданий лучше, чем больше страданий, но движение за социальную справедливость для животных *никогда* не должно поддерживать причинение меньших страданий как морально приемлемое или желаемое действие.

Велферисты заявляют, что использование животных не прекратится «в одночасье» и что нам нужна программа постепенных изменений — нам нужны «маленькие шажки». Аболиционистки и аболиционисты согласны с тем, что «в одночасье» эксплуатация животных никуда не денется и что нам нужна поэтапная стратегия. Разница в том, что аболиционистки и аболиционисты не считают реформы эксплуатации и УНК постепенными шагами не только в силу их неэффективности, но и поскольку они фактически способствуют эксплуатации животных. Если реформы эксплуатации и УНК и являются какими-либо «шажками», то разве что большими шагами в

обратном направлении. Мы обсудим предлагаемую Аболиционистским Подходом стратегию в следующей главе.

Концентрация на «гуманном» обращении поддерживает идею о том, что животные являются вещами, которые мы можем использовать в качестве ресурсов, если делаем это «гуманно». Она может способствовать распространению идеи о том, что мы должны использовать животных «гуманно», но она не поддерживает и даже не предполагает идеи о том, что мы вовсе не должны их использовать. В любом случае, если животные имеют право не быть использованными в качестве вещей, с чем соглашаются аболиционистки и аболиционисты, тогда поддержка якобы «гуманной» эксплуатации является таким же решением, как развязывание войны ради достижения мира во всем мире. Реформы эксплуатации и УНК не делают *ничего*, кроме убеждения людей в том, что они могут участвовать в «сострадательной» эксплуатации животных. Но ее не существует.

Рекомендации для дальнейшего чтения

Книги:

- Gary L. Francione & Robert Garner, *The Animal Rights Debate: Abolition or Regulation?* (Columbia University Press, 2010).
- Gary L. Francione, *Rain Without Thunder: The Ideology of the Animal Rights Movement* (Temple University Press, 1996).
- Gary L. Francione, *Animals, Property, and the Law* (Temple University Press, 1995).

Эссе:

- [Кампании за реформы эксплуатации, узконаправленные кампании и эксплуатация животных: созданы друг для друга](#)
- [Экономика заботы о благополучии животных: несколько коротких комментариев](#)
- [Регуляция эксплуатации животных, «счастливая эксплуатация» и спесиизм](#)
- [Коротко о четырех проблемах заботы о благополучии животных](#)
- [Моральная ценность животных и забота об их благополучии](#)

- [Размышления над книгами «Животные, собственность и закон» и «Дождь без грома»](#)

Третий Принцип

Аболиционистки и аболиционисты утверждают, что веганство является моральным минимумом и что творческое ненасильственное веганское образование должно быть краеугольным камнем рациональной защиты прав животных.

Краткое изложение

Аболиционистки и аболиционисты отстаивают идею о том, что есть веганство, а есть эксплуатация животных: третьего не дано. Отказываться от перехода на веганство значит напрямую участвовать в эксплуатации животных. Аболиционистки и аболиционисты продвигают веганство как этический минимум или моральный императив и как *единственный* рациональный ответ на признание моральной ценности животных. Если животные имеют моральную ценность, тогда мы не можем обращаться с ними как с вещами: есть, носить или еще как-либо использовать их. В точности как противницы и противники рабства не могли иметь рабов, аболиционистки и аболиционисты, выступающие против рабства животных, не могут потреблять продукты животного происхождения. Веганство для нас является фундаментальным вопросом справедливости. Так как Аболиционистский Подход является народным движением, продвижение веганства как фундаментального принципа справедливости не требует богатых меценатов и «лидеров». Мы все можем сделать это и мы должны сделать это, объединившись в народное движение. Мы все должны быть лидерами.

Веганство как моральный императив

Аболиционистки и аболиционисты соглашаются с велферистами в том, что эксплуатация животных не исчезнет «в одночасье» и что для ее отмены мы должны предпринимать постепенные шаги, которые велферисты называют «маленькими». Но мы не считаем кампании за реформы эксплуатации и УНК постепенными шагами, поскольку они несовместимы с идеей о том, что животные имеют моральную ценность и право не быть использованными в качестве человеческих ресурсов. Кроме того, эти кампании не работают и по самой своей природе не могут привести к отмене эксплуатации.

Несмотря на заявления велферистов о том, что у аболиционисток и аболиционистов нет практического плана действий, на самом деле у нас есть очень ясная программа постепенных перемен как на индивидуальном, так и на социальном уровнях: веганство и его творческое и ненасильственное распространение. *Веганство означает отказ от употребления животных в пищу, ношения их в качестве одежды и другого использования насколько это практически возможно.*

Надо сразу отметить, что *никто* не утверждает, что употребление продуктов животного происхождения в пищу является необходимостью с медицинской точки зрения. Ведущие профессиональные организации, включая Академию питания и диетологии, Американскую диабетическую ассоциацию, Американскую кардиологическую ассоциацию, Британскую диетологическую ассоциацию, Британский фонд правильного питания, Ассоциацию диетологов Австралии, Диетологов Канады и Фонд по борьбе с болезнями сердца и инсультами, а также исследовательские и образовательные институты, включая Клинику Майо, Центр здравоохранения при калифорнийском университете, Медицинскую школу при университете Пенсильвании и Медицинскую школу при университете Питсбурга; государственные учреждения, такие как Британская национальная служба здравоохранения, Национальный институт здравоохранения США, Министерство сельского хозяйства США и Министерство здравоохранения и социальных служб США и даже крупные организации по управлению здравоохранением, такие как Kaiser

Permanente, все они признают, что правильно сбалансированная веганская диета прекрасно удовлетворяет все потребности человеческого организма, а некоторые из этих организаций заявляют, что веганская диета может иметь значительные преимущества для здоровья в сравнении с диетами, включающими продукты животного происхождения.⁶

Кроме того, практически все соглашаются, что [животноводство является причиной экологической катастрофы](#). Оно приводит к уничтожению лугов и верхних слоев почвы, обезлесению, загрязнению и истощению запасов воды, и, согласно всем исследованиям, вносит значительный вклад в глобальное потепление. По оценке Worldwatch Institute с животноводством связаны выбросы по меньшей мере [51%](#) парниковых газов в год.

Как бы то ни было, давайте сосредоточимся на веганстве как на этическом принципе.

Слово «веган» было придумано Дональдом Уотсоном в 1944 году, тогда же в Великобритании им было основано Веганское Общество. Уотсон выступал против эксплуатации животных и в [первом выпуске новостного бюллетеня «Веганские новости»](#) писал следующее: «Мы можем совершенно ясно видеть, что, равно как прошлые цивилизации были построены на эксплуатации рабов, наша нынешняя цивилизация построена на эксплуатации животных. Мы верим, что духовная судьба людей такова, что в будущем они с отвращением будут вспоминать о том, что когда-то питались продуктами из тел животных». Уотсон утверждал, что отказа от мяса недостаточно: «Бесспорная жестокость производства молочных продуктов дает понять, что лакто-вегетарианство является лишь промежуточным этапом между плотоядным и действительно гуманным, цивилизованным питанием. Мы считаем, что в течение нашей жизни мы должны постараться развиваться в достаточной мере, чтобы пройти весь этот путь». Уотсон также осуждал потребление яиц. Слово «веганство» произошло от первых и последних букв слова «вегетарианство», поскольку Уотсон считал веганство логическим источником вегетарианства, а также точкой, куда вегетарианство в итоге должно привести. Он избегал кожи, шерсти и шелка и использовал вилку вместо лопаты, чтобы не убивать червей во время работы в саду. Уотсон выступал против охоты, рыбалки, кровавого спорта и использования животных в опытах и

тестах.

Уотсон расхваливал (и демонстрировал) преимущества веганской диеты для здоровья, но прежде всего он ясно видел веганство этическим принципом. Он считал веганское движение «величайшим движением в истории», поскольку оно предлагало решение кризиса жадности и насилия, которые поразили человечество и угрожают экологической катастрофой. Хотя в традиционном смысле Уотсон не был религиозным человеком, он обладал глубокими духовными убеждениями, включая идею о том, что невеганская жизнь нарушает естественный закон, а насилие по отношению к животным нарушает духовные законы, что приводит к болезням и к неудовлетворенности жизнью.

Аболиционистский Подход принимает и развивает позицию Уотсона, рассматривая веганство в качестве фундаментального этического принципа. *Согласно Аболиционистскому Подходу, веганство и творческое ненасильственное веганское образование являются наиболее важными формами активизма, в которых мы можем участвовать.* Только с помощью распространения идеи веганства возможно сменить парадигму «животные — собственность» на «животные — личности».

Аболиционистский Подход рассматривает веганство как *моральный императив*. Это означает, что если животные имеют моральную ценность, тогда мы обязаны прекратить есть, носить и использовать их. Переход на веганство — это не просто опция для тех, кто согласен с моральной ценностью животных. Это фундаментальное моральное обязательство. Аболиционистки и аболиционисты считают веганство *необходимостью* для удовлетворения моральных обязательств перед животными, а не просто вопросом «сострадания», «милосердия» или еще чего-либо. Хотя некоторые люди могут перейти на веганскую диету ради заботы о здоровье или окружающей среде, аболиционистки и аболиционисты прежде всего видят веганство моральным обязательством. Это наш долг перед животными. Разумеется, аболиционистки и аболиционисты могут заботиться и о здоровье, и об экологии, но их основной мотивацией является этика.

Аболиционистский Подход однозначен: *если человек не перешел на веганство, значит он принимает активное участие в эксплуатации животных.* В силу того, что аболиционистки и аболиционисты отвергают любую эксплуатацию животных, даже якобы «гуманную», у

них не остается выбора, кроме как быть принципиальными и последовательными веганками и веганами.

Мы считаем веганство отказом от имущественного статуса животных. Люди эксплуатируют других животных, потому что считают их вещами. Они собственность, у которой нет моральной ценности. Мы отвергаем их имущественный статус и отказываемся от участия в институтах, превращающих их в товары. Мы считаем, что каждый раз, когда человек ест, носит или использует продукты животного происхождения, он поддерживает скрытую систему, в которой с другими животными обращаются исключительно как с нашими ресурсами.

Мы считаем веганство основополагающим принципом справедливости: просто нечестно обращаться с другими животными как с заменяемыми ресурсами и отказывать им в том самом праве, которое мы признаем за всеми людьми независимо от их особенностей.

Мы считаем веганство актом ненасильственного неповиновения, отказом от участия в угнетении невинных и уязвимых, неприятием скрытой идеи о том, что причинение вреда чувствующим существам является «естественной» частью жизни.

Мы считаем веганство отражением принципа отмены эксплуатации животных в наших собственных жизнях. Зоозащитники, которые заявляют о том, что поддерживают права животных и хотят отменить их эксплуатацию, но продолжают при этом есть и использовать продукты животного происхождения, не отличаются от защитников прав человека и противников рабства, которые владеют рабами.

Мы считаем веганство обязательной частью ненасильственной жизни. Если человек выступает против насилия, он должен перейти на веганство. Разумеется, он должен отказаться от насилия и в других сферах своей жизни, одного только веганства недостаточно, но оно необходимо.

Из вышесказанного должно быть ясно, что, согласно аболиционизму, веганство — это не просто диета, но и отказ от ношения животных в качестве одежды и другого их использования. Иными словами, веганки и веганы не едят, не носят и не используют животных настолько это практически возможно. Избегать всех продуктов животного происхождения не представляется возможным. Учитывая, что мы убиваем миллиарды животных в год, побочные

продукты их эксплуатации дешевы и используются повсеместно: в дорожных покрытиях, пластике и клее для обуви. Но когда у нас есть выбор — а он есть практически всегда, если, конечно, мы не потерпели кораблекрушение на необитаемом острове — мы морально обязаны не есть, не носить и не использовать животных. Мы также считаем, что веганство означает отказ от поддержки мероприятий, подразумевающих эксплуатацию животных, таких как цирки, зоопарки, родео и скачки, и участия в них.

Но мы, тем не менее, не думаем, что веганство является синонимом «всего хорошего». Хотя мы и говорим о дискриминации людей, отказ от которой является частью Аболиционистского Подхода (подробнее в обсуждении [Пятого Принципа](#)), мы считаем бесполезным заявлять о том, что, например, сексист не может быть веганом. Сексист не может быть аболиционистом, согласно нашему определению аболиционизма, но он может быть веганом-сексистом. Среди некоторых веганок и веганов можно наблюдать тенденцию использовать этот термин в таком узком смысле, что он превращается в стенографию всех этических взглядов отдельного человека. Но это только приводит к путанице.

Вегетарианство как «ступень»?

Хотя Дональд Уотсон и отказывался от потребления любых продуктов животного происхождения по этическим соображениям, он полагал, что, с точки зрения психологии и социологии, людям необходимо пройти через период вегетарианства прежде, чем переходить на веганство. Он видел вегетарианство своего рода «ступенью», началом эволюции, а веганство ее заключительным этапом. Уотсон не возражал против продвижения вегетарианства, поскольку считал его неотъемлемой частью этой эволюции.

Аболиционистки и аболиционисты отказываются от этой идеи и утверждают, что мы должны однозначно объяснять, что вегетарианство подразумевает эксплуатацию животных и должно быть отвергнуто. С точки зрения этики, не существует различий между плотью и другими продуктами животного происхождения. Продвижение вегетарианства в качестве начала «эволюции», которая якобы завершается веганством, равнозначно продвижению потребления некоторых продуктов животного происхождения с целью устранения спроса на все животные

продукты. В этом смысле аргумент о вегетарианстве в качестве «ступени» совершенно не отличается от аргумента в поддержку реформ эксплуатации, согласно которому мы должны поддерживать «гуманную» эксплуатацию, чтобы отменить всю эксплуатацию. Аболиционистки и аболиционисты не соглашаются с таким аргументом в обоих контекстах.

Если все люди и другие животные равны в праве не быть использованными в качестве собственности, тогда *любая* разновидность эксплуатации животных является нарушением этого права, равно как и *любая* разновидность человеческого рабства. Аболиционистки и аболиционисты не поддерживают вегетарианство, поскольку с точки зрения этики не существует разницы между плотью и другими продуктами животного происхождения. Нет разницы между мясом, молочными продуктами и яйцами. Животные, которых эксплуатируют в молочной и яичной промышленности, живут дольше, с ними обращаются хуже и убивают на тех же самых бойнях, что и их сородичей, которых вырастили на мясо. Отказаться от говядины, но продолжать пить молоко, так же бессмысленно, как есть плоть больших коров, но не маленьких. Кроме того, нет никакой моральной разницы между коровами и рыбами в вопросе обращения с ними как с человеческими ресурсами. Нам может быть легче различать боль и страдания коров, потому что они, как и мы, млекопитающие. Но это не повод игнорировать страдания и убийства многих миллиардов рыб и других морских животных, способных чувствовать.

Аболиционистки и аболиционисты не поддерживают кампании вроде Понедельников Без Мяса, которые, помимо прочего, поддерживают идею о том, что поедание плоти каким-то образом хуже, чем поедание молочных продуктов и яиц. *Все* продукты животного происхождения связаны со страданиями, смертью и несправедливостью. Веганство — это моральный императив. Это наш долг и это меньшее, что мы должны сделать.

Больше, чем веганство: творческое и ненасильственное веганское образование

Чем больше среди нас аболиционисток и аболиционистов, тем сильнее в обществе идея, согласно которой животные имеют моральное право не

быть использованными в качестве товаров. Если мы надеемся когда-либо положить конец эксплуатации животных, нам необходимо создать социальное и политическое движение, которое будет активно требовать отмены эксплуатации и будет рассматривать веганство в качестве этической основы. До тех пор, пока большинство людей считает, что употребление в пищу животных и продуктов животного происхождения является морально приемлемым поведением, для животных ничего не изменится. Может появиться более широкий выбор «счастливого мяса» и других продуктов для обеспеченных «сознательных всеядных» или «сострадательных потребителей», но это не отменит эксплуатацию животных, а только сделает ее более комфортной и таким образом еще глубже укоренит ее в обществе.

Важнейшей формой постепенного изменения на социальном уровне является творческое и ненасильственное распространение идеи о веганстве и о необходимости отмены, а не регулирования, институциональной эксплуатации животных. Аболиционистский Подход полностью поддерживает позицию Нельсона Манделы: «Образование является мощнейшим оружием, которое вы можете использовать для изменения мира.»

Веганство и творческое, позитивное и ненасильственное веганское образование представляют собой практическую и последовательную стратегию как в вопросе сокращения страданий животных в настоящее время, так и в вопросе создания движения, которое сможет добиться более содержательного законодательства в виде правовых запретов на использование животных, а не в виде «гуманной» регуляции их эксплуатации или УНК, которые представляют собой контрпродуктивные коалиции. В конце восьмидесятых зоозащитное сообщество в Соединенных Штатах приняло сознательное решение продвигать велферистскую повестку вместо аболиционистской. Если бы тогда значительная часть ресурсов движения была инвестирована в веганское образование, сегодня у нас было бы на много сотен тысяч веганок и веганов больше, чем есть сейчас. Это очень сдержанная оценка, учитывая многие миллионы долларов, потраченных зоозащитными организациями на продвижение велферистских инициатив и законов. Продвигая веганство в качестве морального минимума и снижая спрос на продукты животного происхождения, растущее число веганок и веганов уменьшили бы страдания животных

гораздо сильнее, чем все велферисты вместе взятые. Хотя оценки разнятся, веганка спасает около 200 животных в год.

Растущее число веганок и веганов также поможет в создании политической и экономической основы, необходимой для социальных изменений, которые требуются для изменений юридических. Учитывая ограниченность во времени и доступных нам финансовых ресурсах, распространение велферизма не является ни рациональным, ни эффективным решением, если наша долгосрочная цель заключается в отмене эксплуатации животных. На самом деле традиционный велферизм не эффективен в сокращении страданий животных и в краткосрочной перспективе.

Кроме того, защитницам и защитникам животных важно на всех уровнях и через все средства массовой информации участвовать в просвещении общества об эксплуатации животных и этическом основании для отказа от нее. В настоящее время преобладающей этической нормой, которая отражена и в законе, является моральная приемлемость использования животных для человеческих нужд, если с ними при этом обращаются «гуманно». В результате общественная дискуссия сосредоточена на том, что из себя представляет «гуманное» обращение, и многие зоозащитники тратят свое время на попытки убедить общественность в том, что широкие клетки лучше тесных или что убивать птиц газом лучше, чем перерезать им горло. Это все одна большая ошибка: дискуссия должна быть смещена к вопросу об использовании животных и к неоспоримому факту отсутствия у нас последовательного морального оправдания их использования, как бы «гуманно» мы с ними при этом ни обращались. Для этого необходимо, чтобы зоозащитницы и зоозащитники изучили этические доводы против использования животных, а затем творчески и ненасильственно донесли их до общественности. Учитывая, что большинство людей в некотором смысле считает других животных членами морального сообщества — то есть они уже по крайней мере отказались от идеи о том, что животные являются просто вещами — помочь им увидеть, что членство в моральном сообществе означает, что мы должны прекратить использовать животных раз и навсегда, может быть трудно, но это возможно.

Важно, чтобы рассказывая другим людям о веганстве, мы подчеркивали, что основной проблемой является *использование*

животных, а не *обращение* с ними. То есть аргументы в поддержку веганства не должны быть основаны на плохом обращении с животными в определенных условиях или на определенных предприятиях. Проблема заключается не в условиях промышленного животноводства и не в том, что животных отправляют на бойню, где рабочие избивают их вдобавок к прочим ужасам, которые с ними вытворяют в рамках стандартного процесса забоя. Смысл в том, что мы не можем оправдать убийство животных и их использование в качестве товаров ради своих целей независимо от того, как мы с ними при этом обращаемся.

Самой важной формой веганского образования может заниматься *кто-угодно* и может делать это уже *сегодня* — разговаривайте с соседями, коллегами, семьей, друзьями и так далее. Чтобы увидеть силу такого активизма, давайте предположим, что на данный момент в Соединенных Штатах проживает два миллиона веганок и веганов (по весьма заниженной оценке). Если каждая и каждый из этих двух миллионов в следующем году убедит перейти на веганство всего одного человека, то у нас будет уже четыре миллиона веганок и веганов. И если мы будем повторять это каждый год (с каждой новой веганкой, убеждающей одного человека перейти на веганство), тогда вся страна станет веганской менее, чем за одно десятилетие. По самой низкой оценке в Великобритании проживает 150 тысяч веганок и веганов. Если каждая и каждый будет убеждать перейти на веганство одного человека в год, тогда Британия станет веганской через десять лет.

Творческое и ненасильственное распространение веганства ограничено только воображением и может принимать множество разных форм. Например, особенно эффективным способом образования является установка агитационных столов на местных рынках и ярмарках или просто на улице, где вы сможете поговорить с людьми и предоставить им информацию о правах животных и веганстве, а возможно даже угостить их веганской едой. Множество веганок-аболиционисток регулярно делают это и рассказывают об ошеломительных успехах в убеждении людей в том, что они должны перейти на веганство и что веганство является моральным императивом. Другим замечательным примером веганского образования являются презентации о веганском аболиционизме в местных школах, колледжах и университетах, а также среди других групп вашего сообщества. Это

лишь немногие примеры творческого аболиционистского активизма. Есть множество других.

Мы часто находим полезным сосредоточиться на обсуждении употребления животных в пищу, поскольку до тех пор, пока люди не увидят аморальность поедания мяса, молока, яиц и других продуктов животного происхождения, они вряд ли увидят проблемы в использовании животных в других контекстах. Но как только человек прекратил есть животных и продукты их эксплуатации, все меняется. Если кто-то поймет наши доводы и прекратит есть животных, тогда этот человек прекратит покупать одежду из животных и поддерживать любое их использование.

Нас часто спрашивают о том, что мы думаем о демонстрациях. Демонстрации великолепны, если они сосредоточены на веганстве и только на веганстве. «Вег» демонстрации или «Veggie Pride» только запутывают, поскольку продвигают вегетарианство вместе с веганством. Они транслируют идею о том, что моральным минимумом является вегетарианство, а веганство просто заходит дальше — и это неправильная идея.

Но мы искренне верим, что самым лучшим активизмом являются разговоры с друзьями, родственниками, соседями и другими людьми в вашем сообществе. Имейте в виду, что если бы вы и все веганки и веганы просто убеждали одного человека перейти на веганство каждый год, мы бы весьма быстро сменили парадигму в сторону восприятия животных в качестве личностей.

Тем не менее, прежде, чем вы начнете заниматься активизмом, крайне важно, чтобы вы занялись самообразованием. Чтобы стать эффективной учительницей, сперва надо быть прилежной ученицей. Многие зоозащитники хотят быть «активистами», но не имеют ни малейшего понятия об основных доводах в пользу веганского аболиционизма. В итоге они могут принести больше вреда, чем пользы. Вам не нужно получать научную степень по философии, но вы должны быть хорошо знакомы с аргументами в пользу отмены эксплуатации животных и должны быть способны вести разговор в порой стрессовых ситуациях.

Десять простых рекомендаций для аболиционистского веганского активизма

Зачастую, когда мы рассказываем о зоозащитном активизме, люди говорят: «Здорово, но мы бы никогда не смогли этим заниматься». Наш ответ прост: «Вы можете и вы должны!» Мы предлагаем следующие простые рекомендации и призываем вас сделать их частью *любого* активизма, которым вы занимаетесь: дискуссии с друзьями, подругами и семьей; разговоры с людьми, которые подходят к вашему информационному столу; выступление с лекцией, перед огромной аудиторией; онлайн-активизм и так далее.

Рекомендация №1: выступайте в роли правозащитниц и правозащитников.

Редкому человеку легко даются публичные выступления. На самом деле это самый распространенный страх в обществе! Но проблема еще и в том, что к этой тревоге добавляется тот факт, что когда люди, которых волнуют другие животные, рассказывают о веганстве и правах животных даже маленьким группам, состоящим из семьи, подруг и друзей, они вкладывают в это очень много личных эмоций, что затрудняет общение.

Вот наша рекомендация: когда вы отстаиваете права животных, отстранитесь от этой ситуации. *Это не про вас.* Это про животных, у которых нет голоса и в защиту которых говорите вы. Войдите в роль защитниц и защитников прав животных так, как вы бы сделали это, если бы были адвокатами в суде. Многие люди даже не догадываются, что некоторые из самых успешных адвокатов в личной жизни очень скромные люди. Будучи в роли адвокатов, они могут успешно представлять людей в суде именно потому, что в такие моменты они защищают не себя, а других. Они выступают в защиту своих клиентов.

Для того, чтобы быть успешной поборницей справедливости для других животных — и чтобы быть успешной поборницей справедливости в любом другом контексте — необходимо принять решение не увиливать от своей моральной ответственности. Надо рассматривать защиту прав животных как свою работу — как что-то такое, что мы *должны* делать независимо от своего комфорта. Надо признать, что это не про *нас*. Это про *них*. Думайте о себе как об адвокате, в чьей помощи нуждаются ваши клиенты. У вас нет варианта не защищать их. Вы *должны* их защитить. Это на вашей

ответственности. На кону стоят жизни ваших «клиентов».

Требуется ли это некоторой сосредоточенности и решимости? Да. Но если вы хотите помочь остановить всеобъемлющее насилие и несправедливость над уязвимыми, чем и является эксплуатация животных, тогда у вас нет выбора. Мы должны быть готовы выйти из своей зоны комфорта. Мы должны побороть стеснение и страх.

Наши склонности и личные чувства могут определять наши средства общения, те или иные формы активизма, которыми мы занимаемся. Мы все можем обнаружить свои сильные стороны и разобраться, в чем мы наиболее эффективны. Но основная мысль в том, что мы не можем оправдывать свое бездействие. Вы можете почувствовать нервозность, неуверенность, смущение или стыд, когда начинаете впервые и стремитесь стать более эффективными активистками и активистами. Но вы не можете спрятаться за этими чувствами и выдвигать их в качестве оправдания своего бездействия относительно ваших глубоких этических убеждений, тех самых, которые определяют, кто вы такие. Похоже, что мы живем в такое время, когда наши действия определяются нашими *чувствами*. Но наши чувства не имеют никакого отношения к той ситуации, в которой оказались другие животные. Невозможно соотнести наши чувства и их положение.

Думайте об этом так: если вы считаете, что любовь к сыру не оправдывает отказ переходить на веганство, тогда почему стеснительность или волнение оправдывают отказ выступать в защиту животных? Если вы не принимаете оправдание «Я буду слишком скучать по сыру, если откажусь от него», которое нам постоянно приходится слышать от невеганов, тогда почему мы принимаем в качестве собственного оправдания «Я слишком стесняюсь и нервничаю»?

Найдите свой внутренний голос и дайте ему волю. Если уверенность не придет сразу, тогда пусть будет решимость.

Рекомендация №2: исходите из предположения, что у людей доброе сердце.

Наша изначальная позиция при разговоре с людьми должна быть основана на том, что у них доброе сердце, что они способны к изучению

этических вопросов и заинтересованы в этом. *Они хотят поступать правильно.* Среди некоторых зоозащитников существует тенденция к мизантропии, они видят других людей от природы аморальными или незаинтересованными в этических вопросах. Мы с этим не согласны.

Если человеку действительно неинтересны этические проблемы, тогда он вряд ли вообще начнет разговаривать об этом. Так что если беседуете с кем-то, исходите из предположения, что им это интересно, они желают узнать новое и хотят поступать правильно.

Научите их. Животные зависят от вас.

Рекомендация №3: будьте терпеливы. Поймите, что вы, возможно, говорите с человеком, который прежде никогда об этом не задумывался.

Эксплуатация животных подразумевает нарушение фундаментальных прав. В этом смысле она аналогична нарушению фундаментальных прав людей. Проблема в том, что большинству людей эта аналогия совершенно непонятна. Однако дело не в том, что, как утверждают некоторые «зоозащитники», эксплуатация животных «невидима».

Нет в ней ничего «невидимого». Напротив, эксплуатация животных *очень* видна.

Проблема в том, что большинство людей купились на велферистскую идею о том, что эксплуатация животных совершенно нормальна, что она не нарушает права животных, что их использование является нашим правом, если мы делаем это якобы «гуманно». Большинство людей не видят никаких проблем в том, что *мы* используем *их*. Они могут переживать о том, что с животными обращаются «негуманно», но они не возражают против их использования как такового. На самом деле они даже никогда не задавались вопросом о том, этично ли использовать животных.

Если вы разговариваете с человеком, который на данный момент своей жизни еще ни разу не задумывался об этой проблеме, тогда не стоит ожидать, что он сразу поймет аналогию между правами человека и правами других животных. Надо иметь это в виду, когда мы занимаемся образованием. Мы не учим детей математике, начиная с математического анализа.

Мы считаем, что терпение — это *самая* важная черта хорошей

просветительницы. Большинство людей не будут учиться, если учитель нетерпелив. Но терпеливость *не* означает, что мы можем каким-либо образом пойти на компромисс и отказаться от идеи, что использование животных несправедливо, каким бы якобы «гуманным» оно ни было. Терпеливость означает, что мы терпеливо доносим до людей бескомпромиссную идею.

Всегда будьте терпеливы. Вам будут задавать одни и те же вопросы сотни раз. Вы будете слышать вопросы, для ответа на которые вам придется начинать объяснения с самого начала. Но если вы хотите быть эффективной просветительницей, вы должны отвечать каждый раз так, словно слышите вопрос впервые. Если вы хотите, чтобы другие проявили энтузиазм, вы должны сперва наполнить энтузиазмом *себя*. Если придется объяснять одни и те же вещи заново и помногу раз — делайте это доброжелательно.

Рекомендация №4: говорите на равных, а не свысока. Учите, а не поучайте.

Рассматривайте людей, с которыми вы разговариваете, как потенциальных веганок и веганов. Мы предлагаем говорить на равных, а не свысока, поскольку вы сможете добиться лучших результатов, если будете понимать и уважать чужую позицию и опыт. Большинство из нас не были веганками и веганами всю свою жизнь.

Общайтесь с ними так, словно у них есть моральный импульс и этические принципы, чтобы понять ваши идеи и интегрировать их в свою картину мира. Это *не* значит, что вам не нужно говорить о том, что любая эксплуатация животных аморальна и что веганство является нашим этическим обязательством. Эти вопросы должны быть предельно ясны. Но это значит, что вам следует говорить с сочувствием в сердце. Это только поможет образованию.

Рекомендация №5: всегда поясняйте, что вы осуждаете поступки, а не людей.

В пятом веке Святой Августин написал: «Cum dilectione hominum et odio vitiorum», что означает: «С любовью к человечеству и ненавистью к

греху». Эта идея стала популярной благодаря цитате Ганди: «Ненавидь грех, люби грешника».

Это хороший совет. Нам не следует осуждать других людей, поскольку мы на самом деле не можем заглянуть в их сердце. Но мы можем осуждать поступки. И если эти поступки подразумевают убийства и причинение страданий другим, тогда нам не просто следует осудить их, мы *должны* это сделать. Вот что значит относиться к этике серьезно.

Применяя этот совет в контексте животных, мы можем сказать, например, что мы не осуждаем людей, участвующих в эксплуатации животных, но мы недвусмысленно поясняем, что эта эксплуатация аморальна. И хотя мы должны строго указывать на несправедливость эксплуатации животных, мы должны также понимать, что в наше время люди воспринимают любую критику своих поступков так, словно критикуют не поступки, а *лично их*. Например, когда вы говорите: «использование животных ради еды аморально», многие люди, которые едят животных, могут услышать: «я считаю тебя плохим человеком».

Поэтому когда мы обсуждаем веганство с невеганами, нам следует всегда осторожно уточнить, что мы не осуждаем их. Мы осуждаем *поступки*. Мы осуждаем институциональную эксплуатацию других животных. Она несправедлива. Мы всегда должны помнить о своем моральном обязательстве перед другими животными никогда не извиняться за свои слова о том, что любое использование животных аморально.

Рекомендация №6: будьте осторожны с аналогиями.

Аналогии полезны, если помогают внести ясность в дискуссию. Но грубое использование аналогии, лишенной необходимого объяснения, может навредить. Не осуждайте людей и убедитесь, что ваше использование аналогий с нарушением фундаментальных прав человека сопровождается осторожным объяснением, что вы не обвиняете невеганов в нарушении этих прав человека. Большая спешка с использованием таких аналогий в короткой дискуссии зачастую бесполезна, ничему не учит и может оттолкнуть человека.

Например, убийство, изнасилование и педофилия подразумевают нарушение фундаментальных прав. Они подразумевают такое

обращение с людьми, словно они просто вещи. Участие в эксплуатации животных аналогичным образом подразумевает нарушение фундаментальных прав животных и такое обращение с ними, словно они просто вещи.

Но есть разница. Это *психологическая* разница, но не *этическая*. И тем не менее она имеет значение. Если вы сравниваете использование и убийство животных с изнасилованием, убийством, педофилией и прочим, всегда недвусмысленно объясняйте, что вы *не* обвиняете невеганов в убийствах, изнасилованиях, растлении малолетних и тому подобном.

Давайте представим ваших дорогих бабушек и дедушек, которые вот уже много лет готовят ужин для всей семьи на День Благодарения. В центре стола лежит мертвая птица, а многие другие блюда содержат яйца, молоко и другие продукты животного происхождения.

Подразумевает ли этот ужин нарушение фундаментальных прав? Да, конечно. Потребляют ли эту еду бабушка, дедушка и другие члены вашей семьи, обращаясь с животными как с вещами, лишенными моральной ценности? Да, конечно.

Аналогичен ли этот ужин другим нарушениям фундаментальных прав, вроде убийства, изнасилования или педофилии? Да, конечно. Все эти поступки подразумевают такое обращение с личностями, словно они являются не более чем вещами.

Значит ли это, что ваши бабушки и дедушки ничем не отличаются от Джека Потрошителя?

Нет, не значит.

Моральная ответственность во многом зависит от *намерений*. Когда люди убивают, насилуют или совращают малолетних, они совершают поступки, которые они осознают как нарушение фундаментальных прав своих жертв. У них могут быть самые разные причины думать, почему эти поступки приемлемы в той или иной ситуации. Но они *знают*, что эти действия нарушают фундаментальные права других людей.

Большинство людей не осознает, что само по себе использование животных подразумевает нарушение их прав. В этом и заключается проблема. Люди совсем не разбираются в этике, затрагивающей других животных. Большинство людей считает, что несмотря на моральную ценность животных, убивать и использовать их совершенно нормально, если мы хорошо при этом с ними обращаемся. Они думают, что нам

необходимо есть продукты животного происхождения для поддержания здоровья. Людей вводят в заблуждение так называемые «эксперты» — крупные благотворительные зоозащитные организации, которые рекламируют «гуманную» эксплуатацию животных, редуктарианство и прочее.

Большинство людей вообще никогда не задумывалось о том, что использование животных может быть несправедливым. Они никогда не сталкивались с аргументом о том, что использование животных аморально само по себе, независимо от того, как мы обращаемся с ними.

Наша работа — научить их. Мы должны помочь им увидеть, что *любые* нарушения фундаментальных прав аморальны. Что равно как убийство, изнасилование и педофилия подразумевают нарушение фундаментальных прав человека, так и употребление в пищу, ношение в качестве одежды и любое другое использование животных нарушает их фундаментальные права.

Но если вы назовете человека убийцей или насильником, по сути это означает, что вы обвинили его в умышленном нарушении чужих прав.

Если вы это сделаете, то упустите их.

Рекомендация №7: всегда недвусмысленно поясняйте, что эксплуатация животных аморальна, а веганство является нашим обязательством.

Многие так называемые «зоозащитники» придерживаются позиции, что мы не можем заявлять, что эксплуатация животных аморальна, а веганство является нашим обязательством, поскольку многие люди с этим несогласны, а мы не можем говорить, что им делать. Но это все равно как сказать, что мы не можем говорить об аморальности расизма, поскольку многие люди расисты, а нам нельзя сказать им, что они неправы.

Если наше движение добивается справедливости для других животных, значит мы *всегда* должны осуждать несправедливость. «Зоозащитное движение» — это *единственное* движение в истории, так называемые активисты которого не хотят этого делать.

Мы должны недвусмысленно объяснять, что использованию животных нет оправдания, каким бы «гуманным» оно ни было. Мы

должны объяснять, что если животные имеют моральную ценность, значит мы не можем оправдать употребление их в пищу, ношение в качестве одежды и любое другое использование. Эксплуатация животных нарушает их фундаментальные права не быть использованными в качестве вещей или ресурсов.

Когда «зоозащитники» говорят, что мир не станет веганским в одночасье, а потому мы должны поддерживать «маленькие шажки», мы должны строго объяснять: *веганство является нашим обязательством; веганство необходимо*. Если люди равнодушны к животным, но не хотят сразу переходить на веганство, какие бы постепенные шаги они ни выбрали, пускай это будет их выбор. Но защитницы и защитники прав животных никогда не должны призывать к этим полумерам или одобрять их.

Некоторые «зоозащитники» заявляют, что нельзя осуждать даже само осуществление эксплуатации животных. То есть они говорят, что нам не следует осуждать не только человека, который, например, потребляет яйца «свободного выгула», но и саму эксплуатацию животных, связанную с производством этих яиц. Они говорят, что это не «сострадательно» по отношению к потребителям «счастливых» яиц, и что это «шейминг». Они превращают принцип «Ненавидь грех, люби грешника» в «Мы должны любить грех, чтобы любить грешника». Такая позиция абсурдна и очевидным образом поддерживает эксплуатацию животных. Аболиционистки и аболиционисты категорически отказываются от нее.

Рекомендация №8: не предполагайте, что люди глупые.

Многие зоозащитники считают, что широкая общественность не в состоянии понять доводы в пользу веганства, и потому мы не должны продвигать веганство напрямую. Они утверждают, что вместо веганства мы должны говорить о вегетарианстве, Понедельниках Без Мяса, «счастливом» мясе и других продуктах животного происхождения, да и вообще о чем угодно, кроме веганства. Например, Ронни Ли, известный зоозащитник из Великобритании, основавший Фронт Освобождения Животных, утверждает, что «мы должны учитывать ограниченность обычных людей», поскольку они не обладают «интеллектуальными и этическими качествами», которые необходимы для понимания

веганства в качестве морального императива. Тони Уордл, сооснователь Viva!, британской зоозащитной организации, которая активно вовлечена в продвижение «счастливой» эксплуатации в Соединенных Штатах, утверждает, что «матери-одиночки» не могут уловить идею веганства в качестве этического принципа.⁷

Это все элитарная чушь и мы с ней не согласны. Люди не глупые. Формально у многих может не быть высшего образования, но это не значит, что они не могут понять, почему веганство является моральным обязательством. На основе своего 35-летнего опыта работы мы считаем, что *все и кто угодно* могут понять идеи, лежащие в основе веганского аболиционизма.

Мы считаем, что образование всегда должно быть простым и ясным независимо от того, с кем вы разговариваете. Не надо использовать жаргон или усложнять все без надобности. Активизм — это не то же самое, что научные презентации. Если человек хочет обсудить этические вопросы в более философских, юридических или теоретических терминах, мы с удовольствием обсудим. Но в целом наилучшим решением будет оставлять идеи простыми. Здесь нет никакой тайны, нет ничего сложного. Люди способны понять, если мы будем учить их правильно. И если люди нас не понимают, то скорее всего дело в том, что мы недостаточно хорошие учителя!

Рекомендация №9: не реагируйте на провокации, не воспринимайте их в штыки. Отвечайте спокойно.

Да, некоторые люди будут пытаться провоцировать вас, задавать вопросы или отпускать комментарии, которые могут показаться вам обидными или несерьезными. Например, стоит вам быть веганкой или веганом в течение пяти минут, как вы гарантированно услышите вопрос: «А как же растения? Ты их убиваешь, чтобы приготовить салат», или какую-нибудь другую глупость. Мы ни капли не расстраиваемся, когда слышим такие вопросы. Мы расцениваем их как знак того, что человеку больше нечего возразить и он не знает, как ему быть. Люди испытывают дискомфорт и задают глупые вопросы. Таким людям можно все объяснить, но очень важно, чтобы вы не закончили беседу из-за глупого вопроса.

Мы не отрицаем существование людей, которые не настроены

участвовать в серьезной дискуссии и задают глупые вопросы, поскольку ошибочно думают, что это смешно, и не знают, что вы уже много раз подобное слышали. Но если они заинтересованы в проблеме и задают такие вопросы, возможно, что донести до них идею легче, чем вам кажется.

Иногда люди отпускают грубые и саркастичные комментарии. Если они действительно грубят, тогда возможно будет лучше закончить диалог. Но зачастую подобные комментарии говорят о том, что человек испытывает дискомфорт и пытается выйти из ситуации таким нелепым и неприемлемым способом. В таких ситуациях (если вы не обиделись и решили продолжить беседу) вам нужно понять, действительно ли человек заинтересован в дискуссии, и если так, то пропустить грубость мимо ушей и начать серьезный разговор. Вы тут же поймете, оказались ли вы правы насчет готовности человека разговаривать серьезно.

Основное правило, которым мы руководствуемся, заключается в том, что если человек будет действительно незаинтересован в том, что мы говорим, то он, как правило, развернется и уйдет. Отвечайте на каждый комментарий и вопрос, даже если он кажется вам резкими, грубым или саркастичным, как на *приглашение* к дальнейшей дискуссии от человека, которого вы задели (в позитивном смысле). Он заинтересован больше, чем вам кажется.

Помните, что вы обсуждаете с людьми весьма деликатную тему. Если все будет выглядеть так, словно вы говорите свысока, тогда люди будут думать, что вы их поучаете, и не будут вас слушать. Говорите на равных. Постарайтесь вовлечь их в дискуссию.

И что бы вы ни делали, не теряйте самообладания. От этого никогда не бывает много пользы.

Рекомендация №10: изучите основы. Прежде чем стать учительницей, каждая должна стать ученицей.

Многие зоозащитники оказываются так взволнованы Аболиционистским Подходом, что сразу создают сайт или блог, мотивированный правильными чувствами, но не подкрепленный ясными идеями. *Прежде чем учить других, изучите основы.*

Самая важная идея, которую следует иметь в виду: Аболиционистский Подход является *народным движением*.

Продвижение веганства в качестве фундаментального принципа справедливости не требует крупных и богатых благотворительных организаций или корпоративных «лидеров». Мы можем сделать это сами и *должны* сделать это, объединившись в народное движение. Все мы должны быть лидерами, занимаясь ясным и недвусмысленным образованием. Мы должны рассказывать о веганстве как о моральном императиве и об отмене эксплуатации животных как о вопросе фундаментального права всех чувствующих существ не быть использованными в качестве вещей.

Но мы все должны уделить необходимое время, чтобы стать эффективными просветителями. Например, если вы хотите рассказывать людям о том, почему продукты животного происхождения не являются необходимыми для здоровья, вам придется разобраться по крайней мере с самыми основными вопросами о том, какие нутриенты содержатся в растительных продуктах.

Если вы хотите быть эффективными активисткам, вам необходимо разобраться по крайней мере с основными вопросами аболиционистской теории.

И хорошей идеей будет разобраться в логике.

Современное «зоозащитное движение»: отказ от веганства

Ни одна крупная зоозащитная организация не рассматривает веганство в качестве этической основы. *Ни одна.* Это утверждение может шокировать, но, к сожалению, это правда.

Если эти организации и говорят о веганстве (а многие этого вообще не делают), то только в качестве способа — *одного из способов* — уменьшения страданий. То есть они продвигают веганство в качестве одного из способов уменьшения страданий наряду со многими другими, такими как потребление бесклеточных яиц, бесклеточной свинины, животных продуктов, получивших одну из множества «счастливых» маркировок, мяса с бойни, которую спроектировала или одобрила Тэмпл Грандин (обладательница награды от РЕТА), или любых других продуктов животного происхождения, кроме фуа-гра. То есть эти организации не продвигают веганство как этическое обязательство. Они не поддерживают идею о том, что если человек не перешел на веганство, значит он участвует в эксплуатации животных, что является

аморальным. Согласно новым велферистам, если X принимает решение по понедельникам вместо мяса есть другие продукты животного происхождения и таким образом якобы уменьшает страдания, тогда он делает шаг в правильном направлении. Утверждение о том, что с точки зрения этики X должен быть веганом во все дни, новые велферисты называют «абсолютизмом», «фундаментализмом» и «фанатизмом». В самом деле, они откровенно утверждают, что люди не должны переходить на веганство, если другим это некомфортно.

Источники этого отказа от веганства в качестве этической основы можно найти у Питера Сингера. Мы уже обсуждали его отказ от наделения животных моральным правом не быть использованными в качестве вещей или ресурсов. Мы узнали, что Сингер является утилитаристом и вообще не признает ни прав людей, ни прав других животных. Но он наделяет право-подобной защитой здоровых людей, поскольку они предположительно обладают более совершенными способностями к познанию, чем и отличаются от других животных, которые, по мнению Сингера, не заинтересованы в продолжении существования, а если и заинтересованы, то этот интерес качественно отличается от аналогичного интереса здоровых людей. Взгляды Сингера на защиту животных заключаются в том, что мы должны поддерживать *любые* мероприятия, которые предположительно уменьшают их страдания. С таким подходом веганство просто *не может* быть минимальным этическим требованием. Согласно этому подходу, в вопросе защиты животных никаких минимальных этических требований вообще не существует. Существуют только мероприятия, которые якобы уменьшают страдания, и Сингер поддерживает их все. Веганство уменьшает страдания, но, согласно Сингеру, то же самое делают «расширенные» батарейные клетки и другие велферистские инициативы.

Сингер утверждает, что «сознательная всеядность» является «прочной этической позицией» и что люди, которых волнует этика в отношении других животных, могут позволить себе «роскошь яиц свободного выгула или возможно даже мясо животных, которые прожили хорошую жизнь в естественных для их вида условиях и были гуманно убиты на ферме». Сингер называет себя «гибким веганом», который может есть невеганскую еду в гостях или во время путешествий. Он считает, что если вы заказываете веганское блюдо в

ресторане, а в нем оказываются продукты животного происхождения, то возвращать его назад значит выбрасывать еду, и заявляет: «Если вы в компании невеганов или даже не вегетарианцев, я думаю, что это будет неправильно. Лучше просто съесть это блюдо, чтобы люди не подумали: „О, боже, эти веганы...“». Последовательное веганство Сингер называет «фанатичным».⁸

Идеи Сингера получили широкое распространение среди крупных организаций. Например, Ингрид Ньюкирк из РЕТА поддерживает «гибкость» или частичное вегетарианство, называя тех, кто продвигает веганство в качестве основного этического принципа, «настоящими догматиками». В отношении веганского принципа в качестве морального императива она говорит: «К черту принцип». РЕТА призывает людей не [«устраивать официантам допросы»](#) о небольших количествах продуктов животного происхождения в блюдах, потому что это может привести к тому, что «вегетарианская диета покажется вашим друзьям и сотрудникам ресторана сложной и догматичной, препятствуя тому, чтобы они ее попробовали». РЕТА также призывает людей не настаивать на том, чтобы их еда готовилась отдельно от продуктов животного происхождения, потому что «это никак не поможет животным и только отобьет у ресторанов желание предлагать вегетарианские опции».

Практически все крупные «зоозащитные» организации, включая Farm Sanctuary, Mercy for Animals, Compassion Over Killing, Vegan Outreach и Sea Shepherd, откровенно отказываются от веганства в качестве этической основы и называют его вредным для животных «догматизмом». Даже основанное Дональдом Уотсоном Веганское Общество отвергло веганство как моральный минимум. Некоторые организации пошли еще дальше. Например, the Humane Society of the United States не только не продвигает веганство как моральное обязательство, но еще и нанимает Джо Максвелла, разводящего свиней фермера, на должность политического директора Законодательного Фонда (до этого он занимал должность вице-президента), раздает купоны на «счастливые» мясные продукты и спонсирует мероприятия, на которых подают трупы «счастливых» животных.⁹ Direct Action Everywhere, относительные новички на зоозащитной сцене, утверждают, что продвижение веганства «наносит вред».

Эти организации указывают на то, что мы не можем жить, не

нанося животным вообще никакого вреда, поскольку животные погибают и получают травмы в процессе выращивания растений и сбора урожая, так что даже если бы мы все питались только растениями, мы бы все равно причиняли животным вред. Они также утверждают, что раз мы не можем избежать всех побочных продуктов или ингредиентов животного происхождения, которые содержатся, например, в дорожных покрытиях или пластмассе, значит «совершенство» недостижимо и потому мы не должны требовать веганства. Но это просто вздор. Любая человеческая деятельность подразумевает косвенный вред. То есть все, что мы делаем, имеет последствия и некоторые из этих последствий неблагоприятны. Например, каждый продукт, который мы потребляем, подразумевает процесс производства, который неизбежно приводит к непреднамеренному причинению занятым на этом производстве людям некоторого вреда, включая смерть. Можно ли сказать, что мы не должны выступать против человеческого рабства, раз уж мы не в состоянии полностью избежать причинения вреда другим людям, даже если мы будем потреблять настолько мало, насколько это возможно? Конечно нет. Но именно это в контексте животных и говорят все эти так называемые зоозащитники. Они утверждают, что раз уж мы не можем избежать причинения животным непреднамеренного вреда, значит мы не должны выступать против намеренного превращения животных в товары в результате их имущественного статуса. Совершенно ясно, что этот аргумент о «совершенстве» на самом деле призван в поддержку велферистской позиции, согласно которой наша неспособность избежать всего вреда означает, что лучшее, что мы можем сделать, это попытаться его уменьшить, поэтому все способы предположительного уменьшения вреда хороши, включая потребление «счастливых» продуктов животного происхождения. Эта позиция усиливает возможности крупных зоозащитных организаций по сбору пожертвований на реформы эксплуатации животных.

Короче говоря, современное «зоозащитное движение» откровенно отказывается от веганства в качестве этической основы.

Как мы уже видели в обсуждении [Второго Принципа](#), и как мы еще увидим в обсуждении [Четвертого Принципа](#), велферистская позиция строится на предположении о том, что само по себе убийство животных не представляет для них вреда. Согласно этой позиции, животных не волнует *сам факт* того, что мы их используем и убиваем; их волнует

только то, *как* мы с ними при этом обращаемся и *как* мы их убиваем. Если они не страдают «слишком сильно» (что бы это ни значило), животным безразлично используем мы их или нет, потому что они не заинтересованы в продолжении своего существования. Такое мышление и привело к движению за «счастливое» мясо и другие продукты животного происхождения, что стало самым серьезным ударом по борьбе за справедливость для животных за последние десятилетия. Движение за «гуманную эксплуатацию» концентрируется исключительно на страданиях, так что те, кто придерживается этого подхода, поддержат любую меру, которая, как они сами в это верят, уменьшает страдания. Одной из таких мер может быть веганство. Но велферистская позиция непременно отказывается от веганства в качестве морального обязательства.

Аболиционистки и аболиционисты не согласны с этой позицией и утверждают, что использование животных в качестве ресурсов не может быть оправдано в большей степени, чем человеческое рабство. Использование животных и рабство имеют по крайней мере одно сходство: оба этих института обращаются с чувствующими существами исключительно как с ресурсами. Рабство не может быть оправдано ни в отношении людей, ни в отношении других животных, как бы «гуманно» мы при этом ни обращались с людьми в рабстве или животными в собственности. Веганство — это не просто способ уменьшения страданий. Это приверженность справедливости и прямой отказ от участия в рабстве животных.

Аболиционистский Подход рассматривает веганство в качестве применения принципа отмены эксплуатации животных к жизни отдельного человека. Это выражение нашего принятия всех чувствующих существ в качестве моральных личностей и отказа от их статуса в качестве собственности. Веганство — это не просто способ уменьшения страданий, это *требование* справедливости в отношении животных. Это не последний шаг на пути отказа от моральной шизофрении, то есть совершенно бредового мышления об отношениях между людьми и другими животными. Это *первый* шаг. Если животные имеют хоть какую-то моральную ценность, тогда мы не можем есть, носить или еще как-либо использовать их. Веганка не может быть веганкой только по понедельникам или когда ей это удобно. *Веганка остается веганкой всегда.* Мы не откажемся от веганства из-за чужого

дискомфорта, равно как мы не будем молчать ради комфорта человека, который рассказывает расистские анекдоты или домогается до женщин. Быть последовательными веганками и веганами не в большей степени «абсолютизм» или «фанатизм», чем быть последовательными в осуждении изнасилований или педофилии. На самом деле называть последовательное веганство «абсолютизмом» — это спесишизм именно потому, что мы никогда не назвали бы так полный отказ от основных форм эксплуатации людей.

Новые велферисты не желают занимать позицию, согласно которой веганство является моральным императивом, потому что они не хотят говорить о том, что потребление продуктов животного происхождения категорически аморально. Вместо этого они поддерживают идею о том, что это все вопрос «пути» и что мы не можем делать оценочные суждения о «пути» других людей. Когда это оспаривается, велферисты заявляют, что раз большинство из нас не являются веганками и веганами с рождения, значит мы не имеем права критиковать невеганов. Но они упускают суть. Представьте, как кто-то говорит: «Я не сразу перестал быть расистом, потому я считаю, что движение за гражданские права должно поддерживать идею о том, что всем хорошо учиться принимать равноправие в своем темпе. Если человек считает, что дискриминация людей цвета приемлема, мы не можем это осуждать. Говорить о том, что равноправие является безоговорочным этическим обязательством, значит занимать позицию „со мной или без меня“. Нам нужны маленькие шажки. Давайте начнем с Понедельников-Без-Расистских-Шуток». Если кто-то скажет подобное, мы подумаем, что этот человек в *серьезном* замешательстве и не понимает природу морали.

Разумеется, мы всегда должны стараться учить других людей ненасильственно. Но мы имеем *обязательство* перед животными предельно ясно объяснять, что их моральный статус означает, что *любая* эксплуатация аморальна, какой бы «гуманной» она ни была. Некоторые так называемые зоозащитники утверждают, что ясность несовместима с ненасилием. Мы не согласны. Мы бы никогда не сказали, что расизм (сексизм, гомофобия или любая другая дискриминация людей) будет приемлем, если он будет «гуманным» или если мы устраним «наихудшие злоупотребления». Мы бы никогда не сказали, что мы должны «принимать расистов (сексистов или гетеросексистов) такими,

какие они есть», и уважать их «путь». Ненасилие в контексте животных требует предельной ясности.

Одним из вариантов аргумента о «пути» является позиция, согласно которой «мы не можем говорить людям, что им делать». Эту позицию занимают многие новые велферисты. Но как мы можем создать движение за социальную справедливость для животных, если мы считаем, что мы *не* должны быть честны с людьми об их моральных обязательствах перед животными? В честности нет *ничего* насильственного или агрессивного. На самом деле не быть честными значит не уважать не только животных, но и людей, с которыми мы разговариваем. Мы должны говорить им правду об аморальности эксплуатации животных. Если они услышат нас и не останутся равнодушными, но не перейдут на веганство или не сделают это сразу, это должен быть *их* выбор, а не *наш* совет, согласно которому использование животных морально приемлемо или желанно. Аболиционистки и аболиционисты утверждают, что мы никогда не должны предполагать моральную приемлемость потребления каких-либо продуктов животного происхождения.

Аболиционистки и аболиционисты утверждают, что мы обязаны быть предельно честными об аморальности эксплуатации животных. Мы — моральные реалисты. Согласно моральному реализму, этические факты и ценности существуют в качестве объективных истин, которые независимы от нашего восприятия, убеждений и личного мнения. Если в ситуации, в которой на столе стоит чашка, мы скажем: «Чашка на столе», — мы будем иметь в виду, что такое утверждение истинно. Это не вопрос убеждений или личного мнения. Это факт. Моральная реалистка сказала бы, что утверждения вроде: «Геноцид — это плохо» или «Пытки детей аморальны», являются истинными точно так же, как и утверждение о чашке.

Аболиционистки и аболиционисты считают, что утверждение: «Обращаться с животными исключительно как с вещами и ресурсами аморально», не зависит от убеждений или личного мнения. Мы считаем, что это истина. Любая другая позиция, поддерживающая эксплуатацию животных, включая велферизм, но не ограничиваясь им, отрицает эту фундаментальную моральную реальность, даже если эта позиция якобы является средством для отмены эксплуатации.

Моральный реализм не так загадочен, как может показаться.

Например, большинство людей считает, что этичность Холокоста не является вопросом убеждений или личного мнения. Они уверены в существовании ясной этической истины касательно этого события — оно аморально. Аналогичным образом, разве этичность пыток или растления малолетних является вопросом убеждений и личного мнения? Большинство из нас считает, что пытки и домогательства аморальны независимо от взглядов отдельных людей. Мы бы сказали, что предложение: «Чашка на столе», является истинным, если чашка действительно стоит на столе, независимо от того, что об этом говорит Джо. И хотя мы согласны, что ребенку, которого пытаются, будет «лучше» причинить меньше страданий, чем больше, мы не будем поддерживать насилие над детьми как само по себе морально желаемое. То есть мы не будем устраивать кампании за «гуманное» растление малолетних. В силу того, что аболиционистки и аболиционисты осуждают спесишизм, мы рассматриваем эксплуатацию животных аналогичным образом. Всегда будет лучше причинить животным меньше страданий, чем больше, но мы не должны поддерживать их «гуманную» эксплуатацию. Точно так же мы не должны поддерживать «гуманное» растление малолетних, несмотря на то, что лучше нанести ребенку меньше вреда, чем больше. Поддержка «гуманной» эксплуатации животных идет вразрез с основным этическим принципом аболиционизма — использовать животных в качестве ресурсов аморально.

Как упоминалось ранее, некоторые велферисты утверждают, что мы не можем говорить другим людям, что им делать. Разумеется, мы не можем запретить другим людям поступать так, как им это позволено законом. Если кто-то хочет есть животных, мы не в состоянии заставить его не делать этого. Но если мы действительно разделяем идею о правах животных и веганстве в качестве морального императива, мы не только можем, но и обязаны недвусмысленно объяснять другим, что эксплуатация животных, какой бы «гуманной» она ни была, не имеет морального оправдания. И это не вопрос осуждения людей. Это вопрос осуждения их поступков. Осуждение людей — это всегда плохая идея. Но осуждение поступков является необходимостью, если мы хотим создать движение за социальную справедливость для животных.

Новейшая стратегия новых велферистов:

«редуктарианство» (и «счастливая эксплуатация») более «эффективно», чем веганство

В обсуждении [Второго Принципа](#) мы видели, как велферисты безуспешно пытаются утверждать, что «наука» доказывает, что кампании за реформы эксплуатации заставляют людей потреблять меньше мяса. Но в основном велферисты используют науку для того, чтобы «доказать» свою правоту и заблуждения аболиционистов относительно веганства. Они заявляют, что «наука» доказывает, что продвижение невеганства более «эффективно» в том, чтобы заставить люди перейти на веганство, и что, в любом случае, призывы к сокращению потребления мяса сильнее уменьшат страдания животных, чем призывы к веганству. Любопытно, что велферисты похоже признали правоту аболиционисток и аболиционистов в вопросах этики. В самом деле, они почти перестали даже пытаться оспаривать моральное обязательство перехода на веганство аналогичное моральному обязательству не владеть рабами или не участвовать в дискриминации женщин или людей цвета. Тем не менее, они утверждают, что хотя аболиционистки и аболиционисты могут быть правы с точки зрения этики, «эффективной» позицией все равно остается именно велферистская. «Эффективность» стала очередным модным словом движения за благополучие животных. Как говорит велферистка Мелани Джой: «Лучше быть эффективной, чем правильной».^{[10](#)}

В настоящее время растет индустрия якобы «независимых исследовательских организаций», результаты работы которых претендуют называться исследованиями, которые якобы доказывают, что продвижение веганства не так эффективно в убеждении людей в переходе на веганство, как продвижение «редуктарианства» (идеи о том, что люди должны потреблять меньше мяса) или одной из форм «счастливой» эксплуатации. Это такие организации как Faunalytics (ранее известная под названием Humane Research Council), the Humane League Labs и Animal Charity Evaluators. *Ни одна* из этих организаций до сих пор не опубликовала *ни одного* исследования в рецензируемых научных журналах — и вообще *ни одного* методологически обоснованного исследования — которое доказало бы, что продвижение невеганства более эффективно, чем продвижение веганства. Доктор

Кейси Тафт, профессор психиатрии из Медицинской школы при Бостонском университете, эксперт по содействию смене поведения и разработке исследовательской методологии, автор более чем сотни статей, эссе и научных отчетов (большинство из которых прошли рецензирование) и редактор журнала «Психологическая травма: теория, исследования, практика и политика», называет «исследования» этих организаций «лженаукой». Замечательные эссе доктора Тафта полностью опровергают утверждения так называемых «независимых научных организаций» и дают понять, что *никаких* доказательств, подтверждающих их заявления, не существует.¹¹ Например, доктор Тафт отмечает, что в одном из исследований Faunalytics «их данные на самом деле противоречили их выводам и указывали на то, что мы должны продвигать веганство, а не „редуктарианство“».

Чтобы понять, что имеет в виду Тафт, когда называет эти якобы «эмпирические» работы «лженаукой», рассмотрим «исследование», проведенное the Humane League Labs, являющейся частью велферистской организации the Humane League. Его авторы хотели узнать, будут ли люди лучше реагировать на сообщение о жестоком обращении с животными (обычный подход велферистских организаций, поддерживающих якобы более «гуманную» эксплуатацию), доводы об окружающей среде или на «догматичную» позицию, что является уничижительным термином, который «исследователи» использовали для описания аболиционистской позиции или позиции прав животных. Велферисты с самого начала даже не пытались скрыть свою очевидную предвзятость.

И что же авторы решили сделать, чтобы узнать, какой подход получит наилучший отклик? Они составили три коротких памфлета, которые концентрировались на жестоком обращении с животными, «догматизме» и окружающей среде. *Все верно, велферисты составили эти памфлеты.* Велферисты решили, как будет представлена позиция аболиционисток и аболиционистов. Затем велферисты раздали эти памфлеты. Мы так и не смогли найти никакой информации о том, каким образом эти памфлеты распространялись, потому обратились к the Humane League и получили ответ по электронной почте. В письме было сказано, что «участники исследования были найдены через сервис Amazon Mechanical Turk, а листовки вместе с вопросами были представлены им онлайн». То есть исследование по оценке

эффективности они провели целиком в интернете? Любопытно. Затем велферисты спросили участников исследования о том, намерены ли они сократить потребление продуктов животного происхождения в следующем месяце. Велферисты сделали ряд допущений о том, как заявленные намерения преобразуются в действительную смену поведения, и придумали шкалу с цифрами, обозначающими «дни страданий животных». Они пришли к выводу о том, что «догматичная» или аболиционистская позиция приводит к наименьшему «сокращению дней страданий животных» в сравнении с двумя другими подходами.

Любопытно, что контрольная группа в этом «исследовании» вообще не получила никаких листовок, но ее члены выразили намерение сократить потребление сильнее, чем люди, получившие один из трех памфлетов. Единственный вывод, который можно из этого сделать, заключается в том, что либо распространяемые велферистами материалы были совершенно неэффективны, либо их методы исследования имели серьезные изъяны. Это не помешало авторам прийти к заключению о том, что призыв к сокращению потребления более эффективен, чем призыв к веганству в качестве морального императива.

Не нужно быть экспертом в методологии исследований, чтобы прийти к выводу, что это, как говорит доктор Тафт, «лженаука». Велферистская организация принимала решение о том, как описать и представить аболиционистскую позицию, а затем распространяла созданные памфлеты онлайн, причем отклик контрольной группы, которая не получила никаких памфлетов, оказался более позитивным. Авторы «обнаружили», что люди лучше реагируют на велферистскую позицию, которую продвигают the Humane League и другие велферистские организации. The Humane League не представила это исследование для экспертной оценки, которая является стандартной практикой в научном сообществе. Это неудивительно, ведь *ни один* авторитетный журнал никогда не опубликовал бы такой вздор. Тафт отмечает, что «для определения наилучшего способа побуждения других людей отказаться от эксплуатации животных, они спрашивают самих эксплуататоров о том, что мы должны им говорить». Он пишет:

Задумайтесь об этом на секунду и спросите себя, как бы это выглядело с любым другим движением за социальную

справедливость. Как думаете, активистки и активисты из Black Lives Matter проводят опросы среди белых расистов с целью понять, как нам положить конец расизму? Создают ли феминистки фокус-группы, состоящие из мужчин-сексистов, чтобы понять, как наилучшим образом положить конец патриархату и насилию в отношении женщин? Конечно нет! Абсурдно спрашивать угнетателей о том, что мы должны говорить им, чтобы они прекратили угнетение.^{[12](#)}

Идея о том, что если вы хотите, чтобы люди переходили на веганство, то продвижение невеганства более «эффективно», чем продвижение веганства, противоречит здравому смыслу. Точно так же здравому смыслу противоречит идея о том, что поддержка «вежливого» сексизма и мизогинии более «эффективна» для достижения гендерного равенства, чем однозначное осуждение аморальности сексизма и мизогинии, или идея о том, что поддержка «вежливого» расизма более «эффективна» для достижения расового равенства, чем осуждение аморальности расизма. И нет *никаких* эмпирических доказательств в поддержку столь нелогичной позиции.

В дополнение к факту отсутствия эмпирических доказательств в поддержку велферистской точки зрения, согласно которой продвижение невеганства более эффективно приводит людей к переходу на веганство, чем их просвещение о веганстве напрямую, важно понимать, что крупные велферистские организации *никогда* не продвигали веганство в качестве морального минимума. Вместо этого они в течение многих лет поддерживали идеи, лежащие у самых корней ложного и преобладающего общественного мнения о том, что веганство является «крайностью», и что люди не способны понять его. Кроме того, многие из членов этих организаций, если не подавляющее большинство, сами не являются веганами (мы говорим о *последовательном* веганстве; «гибкое веганство», которое зависит от вашего комфорта, *не* является веганством). Так что неудивительно, что крупные организации поддерживают идею о том, что веганство — это «крайность», а затем заявляют, что люди считают веганство «крайностью», что и используют в качестве «эмпирического доказательства» нежелания людей переходить на веганство. Другими словами, крупные велферистские организации заявляют, что общественность считает веганство

«крайностью», но не признают, что по большей части *они сами* несут ответственность за распространение столь ошибочной точки зрения.

В ответ на заявление Мелани Джой о том, что «лучше быть эффективной, чем правильной», мы считаем, что позиция, которой придерживается Джой и другие велферисты, не является ни правильной, ни эффективной.

В обсуждении [Второго Принципа](#) мы увидели, что в поддержке стратегий, которые на фундаментальном уровне не соответствуют заявленным целям, нет смысла ни с точки зрения этики, ни с точки зрения практики. «Редуктарианство» как раз и является одной из таких стратегий. И хотя многие сторонники этой позиции не являются веганами и поддерживают «редуктарианство» из соображений заботы о здоровье или окружающей среде или предположительного уменьшения страданий животных, некоторые зоозащитники рассматривают «редуктарианство» в качестве стратегии, которая, как они утверждают, приведет к веганству.

Оставляя в стороне тот факт, что «редуктарианство» почти всегда концентрируется на мясе и полностью игнорирует молоко, яйца и другие продукты животного происхождения, а также использование животных ради одежды и других целей, эта позиция аморальна, потому что, равно как и поддержка «счастливой» эксплуатации в качестве предположительной стратегии для ее отмены, она поддерживает якобы меньшую степень эксплуатации в качестве способа удовлетворить наши моральные обязательства перед животными. Сторонники «редуктарианства» отвергают идею о том, что люди обязаны переходить на веганство. Вместо этого они заявляют, что люди могут удовлетворить свои моральные обязательства перед животными, просто сократив свое потребление мяса. Это все равно что отвергать идею о том, что мужчины морально обязаны прекратить насиловать женщин, и сказать, что они могут удовлетворить свои моральные обязательства перед женщинами, просто насилуя их реже. И хотя меньше насилия лучше, чем больше насилия, *никто* не подумает, что устраивать кампанию за «вежливые» изнасилования морально приемлемо.

Кроме того, «редуктарианство» абсурдно с точки зрения практики. Его сторонники заявляют, что мы должны говорить людям, которых волнуют другие животные, не об отмене эксплуатации, а о ее сокращении. Подумайте об этом. Если равнодушный к животным

человек слышит призыв к веганству, но не хочет переходить на веганство, тогда он самостоятельно решит, как ему ограничить свое потребление мяса или других продуктов животного происхождения. То есть если этот человек подумает: «Да, мы действительно не должны эксплуатировать животных, но я не готов перейти на веганство по крайней мере прямо сейчас», он скорее всего сократит потребление продуктов животного происхождения. Но защитницы и защитники животных, которые воспринимают идею прав животных всерьез, никогда не должны предлагать сокращение потребления в качестве альтернативы веганству, когда речь идет о моральных обязательствах. Иначе люди *никогда* не перейдут на веганство.

Занимаясь веганским активизмом, мы часто сталкиваемся с людьми, которых волнуют другие животные и которые хотят перейти на веганство, но в силу разных причин не готовы сделать это немедленно. Мы всегда заверяем их, что перейти на веганство легко и даем им ссылки на ресурсы (вроде www.HowDoIGoVegan.com), чтобы они увидели, что в этом действительно нет ничего сложного. Если же они продолжают настаивать на том, что они не могут перейти на веганство здесь и сейчас, и спрашивают о «постепенном» подходе, мы советуем им попробовать есть веганские завтраки в течение недели или двух, затем неделю или две есть веганские обеды, а потом и веганские ужины. (Мы также советуем не покупать впредь одежду и средства личной гигиены животного происхождения.) *Но мы всегда ясно даем понять, что веганство является моральным императивом и что все продукты животного происхождения, которые они будут потреблять в течение следующих шести (или неважно скольких) недель, пока не перейдут на веганство полностью, подразумевают нарушение фундаментальных прав животных.* Мы не говорим, и никогда не скажем, что какое-либо потребление животных является морально приемлемым. Напротив, оно аморально.

Мы строго настаиваем на том, что защитницы и защитники животных должны всегда однозначно пояснять, что веганство является моральным императивом. Это не вопрос личного мнения. Это вопрос наших моральных обязательств перед другими животными. Если некоторые люди равнодушны к животным, но не хотят переходить на веганство, пускай это будет их решение, а не *наш* совет.

Заключение

Основополагающий принцип Аболиционистского Подхода к Правам Животных заключается в том, что, если животные имеют моральную ценность и не являются просто вещами, тогда мы не можем оправдать употребление в пищу, ношение в качестве одежды и другое их использование. Веганство — это не просто вопрос личного выбора. Это моральный императив. Любое движение, которое ищет справедливости для животных, должно заявлять веганство как свою основу.

Некоторые люди, являющиеся веганами из этических соображений, рассматривают веганство только в качестве одного из способов уменьшения страданий животных. Они могут съесть или использовать продукт животного происхождения, если считают, что в противном случае будет причинено большее количество страданий. Эти веганы часто являются «гибкими» веганами, что означает, на наш взгляд, что они не веганы вовсе. Аболиционистки и аболиционисты рассматривают веганство в качестве жизненной философии, а не просто в качестве стиля жизни.

Мы хотим отметить, что, согласно нашему опыту, веганский аболиционизм является *единственным* подходом, который приводит к последовательному поведению. Люди, которые переходят на веганскую диету только ради здоровья, нередко «жульничают», как это часто бывает со всеми, кто следует какой-либо диете ради здоровья. Те, кто переходит на веганскую диету ради заботы об окружающей среде, могут не только отказаться от нее спустя время, но и решить, что животные продукты имеют меньше негативных последствий для окружающей среды, чем растительные. И в обоих случаях веганство рассматривается в качестве просто диеты, а не в качестве фундаментального принципа справедливости, применяемого не только к животным, которых эксплуатируют ради еды, но и к животным, которых используют для производства одежды, ингредиентов и прочего. Это не означает, что аболиционисток и аболиционистов не волнуют здоровье и окружающая среда. Напротив, мы чувствуем, что наша приверженность ненасилию *требуется*, чтобы мы поступали осознанно в отношении собственного здоровья и окружающей среды, от которой зависят все чувствующие существа.

Но, в конечном счете, веганский аболиционизм имеет свои корни в

этической позиции, которая на фундаментальном уровне стремится к справедливости в отношении всех животных.

Рекомендации для дальнейшего чтения

Книги:

- Gary L. Francione and Anna Charlton, Eat Like You Care: An Examination of the Morality of Eating Animals ((Exempla Press 2013).

Эссе:

- [Веганство без прав животных](#)
- [Несколько мыслей о том, что значит «веганство»](#)
- [Единственный выход — веганский активизм](#)
- [Творческое и ненасильственное веганское образование — легко и эффективно](#)
- [Веганство элитарно? Нет. Элитарно невеганство!](#)
- [«Но переход на веганство занял у меня 10 лет». Ну и что?](#)
- [Про «путь»](#)
- [Проблема узконаправленных кампаний или почему веганство должно быть основой](#)
- [Веганство: просто еще один способ сокращения страданий или фундаментальный принцип справедливости и ненасилия?](#)
- [Благополучие животных, счастливое мясо и веганство как этический минимум](#)
- [Веганство. Отрывок из книги «The Animal Rights Debate: Abolition or Regulation?»](#)

Четвертый Принцип

Аболиционистский Подход связывает моральный статус животных исключительно со способностью чувствовать и ни с одной другой когнитивной характеристикой. Все чувствующие существа равны в праве не быть использованными исключительно в качестве ресурсов.

Краткое изложение

Способность чувствовать подразумевает наличие субъективного сознания. Есть *кто-то*, кто воспринимает и познает мир. Чувствующее существо имеет интересы, то есть предпочтения, желания и стремления. Способность чувствовать является необходимым и достаточным условием для обладания правом не быть использованным в качестве средства достижения человеческих целей. Признание за существом этого права налагает на людей моральное обязательство не использовать это существо в качестве ресурса. Для обладания правом не быть использованным в качестве собственности, чувствующему существу нет никакой необходимости в обладании человеческими когнитивными способностями.

Отказ от основ велферизма

В обсуждении [Второго Принципа](#) мы познакомились с велферистской позицией, согласно которой животные не заинтересованы в продолжении своей жизни (потому что они якобы не обладают самосознанием и поэтому их использование само по себе не является этической проблемой), и согласно которой значение имеет только то, как мы с ними обращаемся. Животные не понимают, что они теряют, когда мы их убиваем, поэтому мы можем удовлетворить свои моральные обязательства перед ними, обеспечив им достаточно приятную жизнь и относительно приятную смерть. Аболиционистский Подход отвергает эту позицию и утверждает, что все чувствующие существа, просто в силу своей способности чувствовать, обладают самосознанием, которое подразумевает интерес в продолжении жизни. Аболиционистский Подход утверждает, что использование и убийство животных в качестве ресурсов несправедливо и аморально, как бы «гуманно» мы с ним при этом ни обращались. Аболиционистский Подход утверждает, что все чувствующие существа имеют моральное право не быть использованными в качестве заменяемых ресурсов. Велферисты с этим не согласны.

До тех пор, пока мы считаем, что для обладания правом не быть использованными в качестве ресурсов животные должны иметь самосознание, подобное человеческому, мы продолжим считать, что использование животных, которые таким самосознанием не обладают, само по себе не является этической проблемой. Мы не сможем выбраться из велферистской идеологии, которая сосредоточена на обращении с животными и которая стремится сделать их эксплуатацию более «гуманной». Если мы хотим бросить вызов идее о моральной приемлемости использования животных (неважно, насколько «гуманного»), нам необходимо признать *равенство* между людьми и другими животными в вопросе использования их в качестве ресурсов. Аболиционистский Подход признает за всеми чувствующими существами одно фундаментальное моральное право: право не быть использованными в качестве собственности или исключительно в качестве чужих ресурсов.

Мы признаем это право за всеми людьми независимо от их

отдельных когнитивных способностей. То есть мы не поддерживаем порабощение людей, которые не обладают выдающимся интеллектом или которые имеют когнитивные отличия от здоровых людей. Опираясь на интеллект или другие характеристики, мы можем обращаться с людьми по-разному, но право не быть использованным в качестве чужой собственности является минимальным уровнем защиты, которым мы наделяем всех людей. Других животных мы такой защитой не наделяем. Если мы хотим быть с ними справедливыми, мы должны отказаться от идеи о том, что их использование не является этической проблемой. Мы должны отказаться от идеи о том, что признание за животными права не быть использованными требует, помимо способности чувствовать, наличия у них самосознания, подобного человеческому. Способности чувствовать самой по себе должно быть достаточно для обеспечения основы для права не быть использованным в качестве ресурсов, как это и происходит в случае с людьми.

Подход «схожих разумов»

В последние годы велферистское движение начало поддерживать идею о том, что мы должны признать более высокую моральную ценность тех животных, уровень самосознания которых ближе к человеческому, и наделять их большей защитой, чем тех, которые просто способны чувствовать.

Существует множество кампаний, сосредоточенных на тех видах животных, про которых принято думать, что они в большей степени «подобны нам». К таким животным относят человекообразных обезьян, дельфинов, китов и слонов. Такой подход мы называем подходом «схожих разумов», согласно которому те животные, когнитивные способности которых предположительно более схожи с человеческими, имеют более высокую моральную ценность и достойны большей защиты.

Как и движение за «счастливую эксплуатацию», подход схожих разумов берет свое начало у Питера Сингера. В 1993 г. Сингер был одним из редакторов сборника эссе под названием «Проект Человекообразные Обезьяны: равноправие за гранью человечества», в котором предполагалось, что человекообразные обезьяны «обладают достаточными умственными способностями и эмоциональной жизнью

для включения их в сообщество равных».¹³ Сингер утверждает, что в силу генетической и когнитивной схожести этих животных с человеком, они заслуживают большей юридической защиты в сравнении с другими животными, которые, как он полагает вместе с Бентамом и прочими, живут в «некоторого рода постоянном настоящем». Такой подход к этике в отношении животных проблематичен, поскольку он *не способен* устранить спесишистскую иерархию. Он может только переосмыслить ее. В результате это выльется в создание новой спесишистской иерархии, в которой мы поместим некоторых животных, вроде человекообразных обезьян или дельфинов, в привилегированную группу и продолжим обращаться со всеми остальными как с вещами, не обладающими морально значимыми интересами. То есть у нас могут быть кампании, в которых участвуют «зоозащитники», которые заботятся о человекообразных обезьянах или слонах, но которые не перешли на веганство и едят коров, свиней, куриц, рыб и так далее. Животные, которых принято считать когнитивно более схожими с людьми, наделяются большей моральной ценностью и защитой *именно потому*, что они отличаются от всех тех животных, которые остаются по ту сторону разделения личности/вещи, и которых мы рутинно эксплуатируем. Это и приводит Сингера к подобным комментариям:

Вы можете сказать, что убивать существо неправильно, если оно способно чувствовать или обладает сознанием. Тогда вы должны будете сказать, что убить цыпленка или мышь так же неправильно, как убить вас или меня. Я не могу согласиться с этой идеей. Быть может вы и правы, но миллионы цыплят убивают ежедневно. Я не могу думать об этом как о трагедии в том же смысле, в каком думаю о миллионах убитых людей. Чем же люди так отличаются? Люди думают наперед, у них есть желания и надежды на будущее. Это кажется мне удовлетворительным ответом на вопрос о том, почему смерть людей так трагична.¹⁴

Комментарии Сингера проблематичны в силу нескольких причин. Во-первых, он предполагает, что цыплята и другие чувствующие животные не способны думать о будущем. Мы не имеем богатого опыта общения с цыплятами, но мы знаем о них достаточно, чтобы прийти к выводу о том, что их поведение не может быть объяснено без признания

за ними некоторого рода умственной способности, которая эквивалентна способности человека думать о будущем. Очевидно, что у цыплят есть интересы, предпочтения и желания и что они способны действовать для их удовлетворения. Когда мы убиваем животных, мы препятствуем их способности наслаждаться удовлетворением своих интересов, предпочтений и желаний, то же самое происходит и в случае убийства людей.

У нас большой опыт общения с собаками и мы можем с уверенностью сказать, что сильно удивимся, если кто-либо будет утверждать, что собаки не способны думать наперед или что у них нет желаний и надежд. Мы можем привести множество примеров, доказывающих обратное. Вот один из них. Однажды мы поехали в банк, в котором посетителей обслуживают без необходимости выходить из машины. С нами были наши дети, то есть наши собаки. Вместе с квитанцией кассир положил в конверт несколько маленьких собачьих бисквитов. Когда мы приехали домой, то выкинули бисквиты в лес за домом, потому что бисквиты оказались невеганскими, а собаки у нас веганки. Одна из них, Кэти (она покинула нас на 21 году жизни), увидела, куда мы их выкинули, и продолжала смотреть в ту сторону через забор. Ближе к вечеру мы заметили, что она стоит у ворот, и открыли их, чтобы посмотреть, побежит ли она искать бисквиты. И она побежала именно в ту сторону. (Мы позвали ее назад и угостили веганскими бисквитами.) Это можно объяснить только тем, что она запомнила, куда мы выкинули бисквиты, и провела несколько часов, думая о том, как заполучить их. Говорить о том, что Кэти не думала наперед или что она не обладала предпочтениями или желаниями в этой ситуации (как и во многих других), просто ошибочно.

В любом случае, основополагающее допущение позиции Сингера заключается в том, что думать о будущем и иметь надежды и желания возможно только таким образом, каким это делают люди. Очевидно, что это спесишизм. Люди думают при помощи терминов и концепций, которые неразрывно связаны с общением символами, то есть с языком. Наверняка мышление людей сильно отличается от мышления других животных, потому что вторые не общаются символами. Но это, разумеется, не значит, что у других животных нет аналогичных когнитивных процессов.

Во-вторых, что более важно, Сингер связывает моральную

ценность со способностью планировать будущее. Но что насчет людей с амнезией, которые осознают себя в настоящем, но не могут вспомнить прошлое и планировать будущее? Их убийство будет аморальным? Конечно будет. Будем ли мы строже осуждать (с точки зрения этики или закона) убийство здорового человека? Конечно нет. Мы будем рассматривать оба убийства как одинаково неправильные, поскольку в обоих случаях мы отбираем у людей жизни, которые имеют значение для них. Жизнь курицы так же дорога для нее, как наши жизни дороги нам, а жизни людей с амнезией дороги им.

Кроме того, согласно анализу Сингера, жизнь человека с большим количеством надежд и желаний является более ценной, чем жизнь человека, у которого надежд и желаний не так много. То есть жизнь человека, который страдает от депрессии и не хочет или не может планировать будущее, или жизнь бедняка, который надеется только на обед и ночлег, значат меньше, чем, скажем, жизнь профессора Принстонского университета, вроде Сингера, который обладает массой самых разных надежд и планов на будущее. Это может быть очень удобно Сингеру, но это весьма нечестно в отношении человека с депрессией и бедняка.

Комментарии Сингера отражают велферистскую идею о том, что использование животных не является главной проблемой или даже проблемой вовсе, потому что они не заинтересованы в своих жизнях. То есть велферисты утверждают, что животные заинтересованы в избежании страданий, но не заинтересованы в продолжении жизни, так как не имеют желаний и надежд на будущее, поэтому мы можем использовать их в своих интересах, если обращаемся с ними «гуманно». Очевидно, что Сингер разделяет велферистский принцип, согласно которому люди более важны с точки зрения этики, чем другие животные.

В-третьих, такие рассуждения устанавливают стандарт, которому животные никогда не смогут соответствовать, насколько бы они ни были «подобны нам». Например, мы уже давно знаем, что человекообразные обезьяны очень схожи с людьми, но все равно продолжаем эксплуатировать их. Как бы ни были другие животные подобны нам, этого никогда не бывает достаточно, чтобы мы раз и навсегда признали свое обязательство прекратить их эксплуатацию. Действительно, Сингер соглашается, что помимо человекообразных

обезьян, слонов и дельфинов, некоторые птицы и другие животные, по-видимому, тоже имеют умственную непрерывность во времени, но, за исключением человекообразных обезьян, он так и не признал, что это требует от нас прекращения любого использования и убийства этих животных. В обсуждении [Второго Принципа](#) мы видели, что, хотя Сингер и утилитарист, который не признает никаких моральных прав ни людей, ни других животных, он, тем не менее, предлагает презумпцию аморальности обращения со здоровыми людьми в качестве заменяемых ресурсов. Он соглашается распространить эту презумпцию на человекообразных обезьян, но не на всех остальных животных, которых он считает не просто чувствующими, но и обладающими умственной непрерывностью во времени. Вероятно, это можно объяснить тем, что Сингер считает, что умственная непрерывность во времени человекообразных обезьян аналогична таковой у здоровых людей, что предоставляет прямой аргумент в пользу отказа от использования этих обезьян в качестве заменяемых ресурсов. Сила этого аргумента против убийства животных, обладающих самосознанием, «будет зависеть от степени, в которой они способны иметь связанные с будущим желания». И даже если животные, которых мы обычно едим, обладают самосознанием, «степень их самосознания даже близко несравнима с обычной степенью самосознания людей».¹⁵ Так что даже если животные очень похожи на нас, они вряд ли будут достаточно похожи, чтобы получить права или право-подобную защиту. Еще раз, им никогда не достичь этого стандарта.

Элитарность подхода «схожих разумов»

Идея о том, что для обладания моральной ценностью и правом не быть использованными исключительно в качестве ресурсов животные должны быть когнитивно подобны людям (помимо способности чувствовать), безнадежно элитарна.

Давайте представим двух людей: профессора философии и рабочего на заводе, который не имеет высшего образования и не заинтересован в дискуссиях, которые профессор счел бы интересными. Если бы мы сказали, что быть печальным профессором лучше, чем счастливым рабочим, такое предположение вполне справедливо было бы осуждено за произвольность и элитарность. Хотя в западной

философии и существует традиция придавать интеллектуальным занятиям большую ценность, чем всем остальным, эта традиция появилась не в результате демократичной и беспристрастной оценки разного рода удовольствий, а была сформирована почти исключительно учеными и другими ценителями интеллектуального труда. Говорить о том, что боль и удовольствие людей отличаются от боли и удовольствия других животных и имеют более высокую ценность, это все равно как говорить, что боль и удовольствие менее умных или менее образованных людей уступают боли и удовольствию более умных или более образованных.

Разница между сознанием человека и сознанием других животных может иметь отношение к некоторым вопросам, равно как и разница между людьми. Если Мэри имеет лучшие способности в математике, чем Джо, это может оправдать назначение ей более высокой стипендии. Спасенные собаки, которые живут с нами, очень любят сидеть рядом, когда мы смотрим кино, но мы не учитываем их предпочтения, когда выбираем, что нам посмотреть, потому что, насколько нам известно, им все равно. То есть между сознанием человека и сознанием других животных существуют релевантные отличия. Тем не менее, никакие отличия не имеют логического отношения, например, к вопросу о том, должны ли мы использовать собак в болезненных экспериментах или убивать их ради других целей. Точно так же низкие математические способности не имеют отношения к вопросу о том, должны ли мы забрать у Джо печень, чтобы спасти Мэри, или использовать его в эксперименте для получения данных, которые могут быть ей выгодны. Мы не можем утверждать, что люди превосходят других животных, потому что обладают более сильными интересами или большим их количеством, не поднимая при этом аналогичного вопроса в контексте людей и избегая поддержки аргументации, которая в данном контексте вполне справедливо будет осуждена за откровенную произвольность и элитарность.

Разработанная нами теория прав животных отвергает идею о том, что некоторые животные, вроде человекообразных обезьян, в большей мере заслуживают морального статуса и юридической защиты, чем другие животные, в силу того, что они более схожи с людьми. Факт когнитивной схожести животных с людьми может иметь отношение к определению других интересов, которыми они обладают. Но эта

схожесть не имеет вообще никакого отношения ни к их интересу в сохранении собственной жизни, ни к их интересу в избегании боли и страданий.

Давайте проясним: если существо способно чувствовать, то есть оно способно воспринимать окружающий мир при помощи органов чувств, тогда оно заинтересованно в продолжении жизни, а смерть представляет для него вред. Нет необходимости в автобиографичном осознании себя, которое мы ассоциируем со здоровыми взрослыми людьми. Кроме того, мы не можем сказать, что интерес животных в сохранении жизни или их боль и удовольствие имеют меньшую моральную ценность в силу того, что их умственные способности отличаются от способностей здоровых взрослых людей. Тот факт, что сознание людей отличается от сознания других животных, не означает, что жизнь животных имеет меньшую моральную ценность. Точно так же жизнь человека с психическими отклонениями не менее ценна, чем жизнь психически здорового человека. Жизнь глупого человека не менее ценна, чем жизнь умного. И хотя разница между людьми и другими животными может быть важна в некоторых вопросах, она не имеет никакого отношения к аморальности их использования и убийства, даже если мы делаем это «гуманно».

Любая попытка оправдать эксплуатацию животных на основе отсутствия у них якобы особых человеческих качеств поднимает этический вопрос о том, действительно ли определенные качества являются особенными и способны оправдать разное обращение. Даже если бы люди были единственными животными, способными узнавать себя в зеркале или общаться посредством символов, ни один человек не может летать или дышать под водой без специальных приспособлений. Что делает способность узнавать себя в зеркале или использовать язык символов более важными с точки зрения этики, чем способность летать или дышать под водой? Ответ, конечно, заключается в том, что это *мы* так сказали и говорить так в *наших* интересах.

Помимо наших собственных эгоистичных интересов, нет никаких оснований полагать, что качества, которые считаются исключительно человеческими, имеют какую-либо ценность, позволяющую нам использовать их в качестве оправдания эксплуатации животных. Кроме того, даже если бы у всех остальных животных не было никаких других качеств кроме способности чувствовать, или если бы они обладали ими

в меньшей степени, чем люди, эта разница не могла бы оправдать их эксплуатацию.

Различия между людьми и другими животными могут иметь значение в некоторых вопросах. Ни один здравомыслящий человек не утверждает, что животные должны водить автомобили, голосовать или поступать в университеты. Но различия между нами не имеют никакого отношения к вопросу о том, можем ли мы есть других животных или использовать их в экспериментах. Мы соглашаемся с этим, когда речь идет о людях. Какую бы характеристику мы ни выбрали в качестве исключительно человеческой, некоторые люди будут обладать ей в меньшей степени, чем другие, а некоторые не будут обладать ей вовсе. Некоторым людям будет не хватать тех же качеств, отсутствие которых мы приписываем животным, и хотя недостаток этих качеств может иметь значение в некоторых вопросах, он не имеет отношения к вопросу о том, можем ли мы эксплуатировать этих людей.

Ирония заключается в том, что сторонники подхода «одни животные лучше других» самыми первыми заявляют об «элитарности» продвижения веганства в качестве этического минимума и рассмотрения всех чувствующих существ как равных. Например, Sea Shepherd является благотворительной организацией, выступающей в защиту морских млекопитающих, таких как дельфины и киты. Но Пол Уотсон, глава этой организации, считает «элитарным» настаивать на веганстве в качестве морального императива. То есть Уотсон считает нормальным пойти на таран японского судна, чтобы спасти кита, но утверждение о том, что убийство цыпленка так же аморально, как и убийство кита, он считает «догматичным» и «элитарным». Мы с этим не согласны.

Способность чувствовать и другие правовые подходы

Аболиционистский Подход не является единственной правовой теорией, отвергающей велферизм. Но это *единственная* теория, которая требует одну только способность чувствовать для полного участия в моральном сообществе и для обладания моральным правом не быть использованным исключительно в качестве ресурса. В книге «The Case For Animal Rights» Том Риган изложил правовую теорию, которая отвергает велферистский подход. Риган утверждает, что у нас нет

морального оправдания обращению с животными исключительно как со средствами достижения наших целей. Он не опирается на предположение о меньшей моральной ценности животных для оправдания их эксплуатации, как это делают Бентам и Сингер. Проблема теории Ригана заключается в том, что она сосредоточена на тех животных, которые обладают «автономией предпочтений», то есть они обладают интересами и способны действовать для их удовлетворения. Он говорит, что, хотя другие животные могут и не обладать такой способностью, млекопитающие в возрасте одного года и старше точно ей обладают. Несмотря на то, что Риган открыт идее о моральном статусе других животных, его теория ограничена требованием автономии предпочтений. Аболиционистский Подход отказывается от такого ограничения и утверждает, что никакая другая характеристика, кроме способности чувствовать, не является необходимой для обладания моральным правом не быть использованным в качестве заменяемого ресурса.

Кроме того, Риган утверждает, что в ситуации «исключительного» конфликта, например, в ситуации, в которой мы оказались в спасательной шлюпке и должны выбрать между спасением человека и собаки, мы должны спасти человека, потому что смерть для человека более вредна, чем для собаки. Согласно Ригану, «вред смерти является функцией от возможностей для удовлетворения, которых она лишает». Смерть для животных «хоть и является вредом, но несопоставимым с вредом, который смерть представляет для людей».¹⁶ На самом деле Риган считает, что мы обязаны принести в жертву любое количество собак (или других животных), если это необходимо для спасения человека. Мы считаем, что эта идея основана на спесишистском представлении о разуме животных. Мы думаем, что не существует ни одной причины полагать, что другие животные имеют меньше возможностей для удовлетворения, чем люди, в результате чего смерть представляет для них меньший вред. Каким бы исключительным ни был этот конфликт, мы однозначно отказываемся соглашаться с моральным обязательством, на котором настаивает Риган, и согласно которому мы должны убить миллион собак ради спасения одного человека.

Хотя есть и другие различия между позицией Ригана и Аболиционистским Подходом, разница касательно способности чувствовать является ключевой.

Заключение

Если мы хотим быть серьезны, рассуждая об отношениях между людьми и другими животными, нам необходимо сосредоточиться на одной и только одной характеристике: способности чувствовать. Если животное способно чувствовать, если оно обладает субъективным сознанием, тогда мы должны признать за ним право не быть использованным исключительно в качестве чужого ресурса независимо от любых других характеристик, которыми оно может обладать.

Рекомендации для дальнейшего чтения

Книги:

- Gary L. Francione, Introduction to Animal Rights: Your Child or the Dog? (Temple University Press, 2000).

Эссе:

- [Способность чувствовать](#)
- [Важна только способность чувствовать](#)
- [Проект Человекообразные Обезьяны](#)
- [Наше лицемерие](#)
- [Отнесемся к способности чувствовать серьезно](#)
- [Права животных. Отрывок из книги «The Animal Rights Debate: Abolition or Regulation?»](#)

Пятый Принцип

Равно как аболиционистки и аболиционисты выступают против спесишизма, они выступают против всех форм дискриминации людей, включая расизм, сексизм, гетеросексизм, эйджизм, эйблизм и классизм.

Краткое изложение

Аболиционистский Подход к Правам Животных выступает против спесишизма, потому что он, как и расизм, сексизм, гетеросексизм и другие формы дискриминации людей, обесценивает или не учитывает интересы чувствующих существ на основании морально нерелевантного критерия (биологического вида). Но любое противостояние спесишизму имеет смысл *только* как часть общего противостояния всем формам дискриминации. Мы *не можем* выступать против спесишизма, но при этом утверждать, что, как защитницы и защитники прав животных, не имеем ничего против других форм дискриминации. Мы не можем выступать против использования биологического вида как морально приемлемого критерия для обесценивания и игнорирования интересов животных, но не возражать при этом против использования расы, пола, сексуальной ориентации/сексуальных предпочтений в качестве морально приемлемых критериев для обесценивания и игнорирования интересов людей. Наше противостояние спесишизму *требует* от нас противостояния всем формам дискриминации.

Все виды дискриминации схожи

Мир этики бинарен. Есть *личности* (существа с моральной ценностью, перед которыми мы имеем моральные обязательства) и *вещи* (которые не имеют моральной ценности и перед которыми мы не имеем моральных обязательств). Сказать, что существо имеет моральную ценность, значит просто сказать, что мы имеем перед ним моральные обязательства. Человеческое рабство особенно ужасно именно потому, что подразумевает обращение с людьми как с вещами, как с собственностью, у которой нет внутренней ценности, а есть лишь ценность в качестве товара, который продается и покупается. Сказать, что существо имеет внутреннюю ценность, значит просто сказать, что оно ценит свои интересы даже тогда, когда никто больше их не ценит. Рабство «опредмечивает» людей. То есть, несмотря на то, что с людьми надо обращаться как с личностями, они помещаются в категорию вещей при разделении на личности и вещи. И для этого не существует и не может существовать этически обоснованной причины. В Соединенных Штатах рабство было основано на расе, что не является релевантным критерием.

Спесишизм аморален потому, что, как и расизм, при помощи которого оправдывалось человеческое рабство, он позволяет поместить животных в категорию вещей при разделении на личности и вещи и обращаться с ними как с собственностью на основании одного только биологического вида. Биологический вид, как и раса, не является релевантным критерием по крайней мере в вопросе определения моральной ценности.

Обращение с чувствующими существами — людьми или другими животными — как с собственностью особенно отвратительно потому, что такое обращение отрицает какую-либо моральную ценность этих существ. Но существуют и другие формы дискриминации, которые, хоть и не отрицают статус существ в качестве личностей, обесценивают некоторые из их интересов на основе нерелевантных критериев. Например, мы избавились от расового рабства на институциональном уровне (хотя человеческое рабство все еще существует), но расизм остался, и он подразумевает обесценивание интересов людей на основе одной только расы. То есть мы больше не обращаем людей цвета в

рабство, не покупаем и не продаем их, но во многих случаях их интересы обесцениваются на основании их расы. Наша культура патриархальна, и потому мы обесцениваем интересы женщин на основе одного только биологического пола. Наша культура гомофобна и гетеронормативна, и потому мы обесцениваем интересы гомосексуальных людей и трансгендеров. Мы поклоняемся материализму, и потому мы часто обесцениваем интересы людей из неблагополучных социально-экономических классов.

Во всех этих случаях мы нарушаем основное правило этики, с которым мы познакомились в обсуждении [Первого Принципа](#): поступай одинаково в одинаковых ситуациях. И хотя обесценивание интересов людей цвета отличается от обращения их в рабство и обращения с ними как с вещами, *любая* дискриминация подразумевает разное обращение в одинаковых ситуациях. Все виды дискриминации выделяют своих жертв в качестве «других», с которыми обращаются как с собственностью или чьи интересы обесценивают на основании нерелевантных критериев.

Как мы уже видели ранее, Питер Сингер, который заявляет, что выступает против спесишизма, сам в значительной мере его поддерживает. Сингер говорит, что мы должны признать равную ценность интересов людей и других животных. Но он считает, что большинство животных не заинтересовано (или заинтересовано в качественно меньшей степени) в том, чтобы не быть использованными и убитыми. Сингер полагает, что они заинтересованы только в избежании страданий. Это приводит его к одобрению использования животных в качестве заменяемых ресурсов, несмотря даже на то, что в случае со здоровыми людьми он поддерживает презумпцию против подобного использования. Презумпция работает как право, но, поскольку Сингер является утилитаристом и не признает никаких моральных прав, она может быть отменена, если последствия будут считаться благоприятными. Сингер говорит, что он не спесишист, поскольку большинство животных не заинтересовано в том, чтобы не быть использованными в качестве заменяемых ресурсов, следовательно, отказ в такой защите (которой он наделяет людей) не является спесишизмом. Он утверждает, что он не обращается по-разному с одинаковыми интересами, поскольку животные изначально ими не обладают.

Мы уже видели ранее, что подобный анализ основан на совершенно произвольном предположении о том, что только человеческое самосознание подразумевает интерес в продолжении существования. Кроме того, это предположение заставляет Сингера поддерживать идею о том, что животные являются собственностью, и что с ними можно обращаться как с существами, имеющими меньшую моральную ценность. То есть Сингер решительно поддерживает велферистскую парадигму, которая, как мы уже видели ранее, проблематична с точки зрения этики и не может работать на практике, поскольку животные являются собственностью.

Как бы то ни было, Аболиционистский Подход выступает против спесишизма, потому что спесишизм исключает животных из морального сообщества, позволяя использовать их в качестве заменяемых ресурсов. Но поскольку любая этическая теория должна быть последовательной, Аболиционистский Подход выступает против всех видов дискриминации.

Некоторые зоозащитники считают, что движение за права животных должно сосредоточиться только на животных и не должно занимать никакой позиции по вопросам дискриминации людей. Аболиционистский Подход отвергает эту идею. Бессмысленно говорить о том, что мы выступаем против угнетения животных, которое основано на нерелевантном критерии биологического вида, но не имеем ничего против угнетения людей, которое основано на нерелевантном критерии расы, пола, сексуальной ориентации или предпочтений, гендера, класса или здоровья.

Использование дискриминации людей для предположительной защиты прав животных

Говоря о том, что аболиционистки и аболиционисты выступают против любой дискриминации, будь то дискриминация людей или других животных, мы не имеем в виду, что они должны прекратить свою работу по защите животных и вместо этого должны заняться защитой прав человека. Мы имеем в виду, что аболиционистки и аболиционисты должны рассматривать права человека и права животных как неразрывно взаимосвязанные понятия и не должны участвовать в дискриминации людей. И они однозначно не должны поддерживать

дискриминацию для предположительной защиты животных.

К сожалению, в силу того, что многие зоозащитники рассматривают проблемы этики в отношении людей и этики в отношении других животных как взаимоисключающие, они проводят кампании, которые основаны на дискриминации людей. Это наиболее очевидно в откровенно сексистских и мизогинных кампаниях, которые стали визитной карточкой PETA и, хоть и в меньшей степени, были взяты на вооружение прочими зоозащитными организациями. PETA запустила эти кампании в 1989 г. или около того, начав с полураздетых или голых женщин, которые говорили, что они предпочтут «раздеться, чем носить мех». В последующие годы эти кампании становились все более и более откровенными, например, они изображали женщин, мастурбирующих овощами, или женщин, участвующих в разнообразных садомазохистских сценах. Помимо этого, PETA снимает видео «State of the Union Undress», в которых женщины раздеваются догола, рассказывая о предположительных достижениях PETA за последний год. В видео вставлены сцены с членами Конгресса Соединенных Штатов, которые с энтузиазмом аплодируют раздевающейся женщине.

Аболиционистки и аболиционисты не поддерживают подобные кампании и открыто их осуждают. Кампаниям, которые превращают женщин в товар, нет места в этическом подходе, выступающем против превращения в товар животных. Несмотря на заявления PETA, тот факт, что участвующие в этих кампаниях женщины делают это добровольно, не означает, что эти кампании не являются сексистскими и мизогинными. Смысл не в том, что у женщин не должно быть права делать со своим телом то, что они захотят, включая коммодификацию самих себя. Женщины имеют право выбирать, как им использовать свое тело. Смысл в том, что выбор женщины участвовать в этих кампаниях принимается в контексте патриархальной культуры, и в том, что эти кампании превращают женщин в товары. Цель этих кампаний в самом деле заключается в извлечении прибыли из коммодификации женщин.

Эти кампании не только аморальны сами по себе в силу сексизма и мизогинии, но и с практической точки зрения поддержка коммодификации женщин *ничем* не поможет в изменении общественного мышления о коммодификации животных. PETA и другие зоозащитные организации на протяжении многих лет

используют сексизм и мизогинию в своих антимеховых кампаниях. И каков результат? Меха́вая индустрия сегодня сильнее, чем когда-либо. Многие знаменитости, которые когда-то раздевались для РЕТА, сегодня снова носят мех. Мы не встречали еще ни одного человека, который проникся бы проблемами животных, потому что увидел голую женщину в клетке.

Суть должна быть ясна: помимо этических проблем, связанных с сексизмом и мизогинией, продолжая обращаться с женщинами, как с мясом, мы продолжим обращаться так и с животными.

На самом деле неудивительно, что идеология постмодернистского феминизма, которая поддерживает «счастливую» коммодификацию женщин под предлогом того, что она «расширяет их права и возможности», схожа с идеологией нового велферизма и его «счастливой» эксплуатацией животных. Обе эти идеологии сохраняют статус-кво угнетения женщин и животных. Новый велферизм поддерживает изначальное положение животных в качестве собственности, а постмодернистский феминизм поддерживает изначальное положение женщин в качестве сексуальных объектов. Обе эти идеологии просто рисуют смайлики на по сути крайне реакционных идеях.

Подводя итог, пока мы продолжаем терпеть расизм, сексизм, гетеросексизм и другие формы дискриминации, спесишизм никуда не денется. Поэтому важно, чтобы зоозащитницы и зоозащитники никогда не думали о себе, как о людях, занимающихся «одной проблемой». Спесишизм аморален, потому что, как и расизм, сексизм и другие формы дискриминации, он исключает существ из морального сообщества на основании нерелевантного критерия. Неважно, является этим критерием раса, пол, сексуальная ориентация или биологический вид. Бессмысленно говорить о том, что мы выступаем против спесишизма, но поддерживаем или ничего не имеем против других форм дискриминации. Мы выступаем против спесишизма, потому что он подобен расизму, сексизму и другим дискриминациям. Наше противостояние спесишизму логически подразумевает отказ от всех остальных форм дискриминации.

Опять же, это не значит, что зоозащитницы и зоозащитники должны прекратить свою работу во благо животных и вместо этого стать защитницами и защитниками прав человека. Тем не менее, это

значит, что они всегда должны недвусмысленно объяснять окружающим, что они, как защитницы и защитники животных, выступают против всех форм дискриминации, и что никто и никогда не должен участвовать в дискриминации в своей личной жизни.

Но что насчет проблем людей? Разве они не прежде всего?

Защитницам и защитникам животных часто приходится слышать что-то вроде:

«В мире слишком много человеческих проблем, которые мы должны решить прежде, чем будем думать о животных».

«Давайте сперва поработаем над миром во всем мире, а затем займемся правами животных».

Никто не говорит о том, что защитницы и защитники прав человека должны прекратить свою работу и вместо этого заняться правами животных. Смысл в том, что, если мы соглашаемся, что животные являются членами морального сообщества, тогда мы должны прекратить есть, носить или еще как-либо использовать животных в нашей личной жизни. Переход на веганство не требует от вас прекратить защищать подвергшихся насилию детей и женщин или ваш антивоенный активизм.

Тех, кто участвует в борьбе за права человека и социальную справедливость, мы призываем продолжать свое дело. Мы выражаем им благодарность и поддержку. Мы защищаем права человека на протяжении своих юридических карьер. Мы лишь настаиваем на отказе от употребления животных в пищу, ношения их в качестве одежды или другого потребления продуктов животного происхождения, а также от участия и поддержки любого рода развлечений с использованием животных. Другими словами, все должны есть, носить и использовать другие продукты, независимо от того, ведут ли они борьбу за социальную справедливость для женщин и детей, выступают ли против войны или делают что-либо еще. Если вы защищаете права человека и никогда не делали ничего другого для защиты животных, ваш переход на веганство и тот пример, который вы подадите своей семье, друзьям и друзьям, сами по себе окажутся важными формами зоозащитного активизма, который никаким образом не помешает вашей работе по защите женщин и детей или вашему антивоенному активизму. Вы

можете стать сторонницей отмены эксплуатации животных во время вашего следующего приема пищи или во время вашего следующего похода в магазин за одеждой или другими продуктами.

Ошибочно рассматривать проблемы эксплуатации людей и других животных как взаимоисключающие. Напротив, все виды эксплуатации неразрывно взаимосвязаны. Любая эксплуатация является проявлением насилия. Любая дискриминация является проявлением насилия. До тех пор, пока мы терпим насилие какого-либо рода, будет насилие всех родов. Как писал русский писатель Лев Толстой: «Пока существуют бойни, будут и войны». Пока люди считают приемлемым убивать животных ради еды, что не может быть оправдано ничем, кроме тривиального удовольствия от вкуса, они продолжают считать приемлемым насилие в тех случаях, когда на кону стоит что-то еще более важное.

Многие альтруисты хотят изменить мир к лучшему, но не понимают, что самая важная перемена должна произойти на уровне отдельного человека. Как говорил Махатма Ганди: «Мы сами должны стать теми переменами, которые хотим увидеть в мире». Веганство является важной частью ненасильственной жизни, поскольку не может быть никаких сомнений в том, что все продукты животного происхождения являются результатом насилия.

Если мы хотим жить в мире без насилия, мы должны отказаться от насилия в своей собственной жизни.

Заключение

Все формы дискриминации, включая спесишизм, но не ограничиваясь им, подразумевают обращение с некоторой группой лиц, как с *другими*, с целью отказать им в полноценном участии в моральном сообществе. В крайних случаях подобное разделение на своих и чужих может подразумевать полный отказ в признании статуса моральной личности и обращение с другими как с вещами, которые целиком исключаются из морального сообщества. Человеческое рабство и обращение с животными как с собственностью являются примерами подобного исключения.

Аболиционистский Подход отвергает *любую* дискриминацию. Спесишизм аморален, поскольку он подобен расизму, сексизму,

гетеросексизму, цис-сексизму, классизму, эйблизму и так далее. Равно как мы отказываемся от спесишизма, мы должны отказаться и от всех прочих форм дискриминации.

Рекомендации для дальнейшего чтения

Эссе:

- [Социальная справедливость, права человека и веганство](#)
- [Кратко о неразрывной взаимосвязи между правами человека и правами других животных](#)
- [Права животных и права человека: созданы друг для друга](#)
- [Сексизм и мизогиния в движении](#)
- [Счастливое мясо и сексизм](#)
- [Велферизм и постмодернистский феминизм: созданы друг для друга](#)
- [О правах человека. Отрывок из книги «The Animal Rights Debate: Abolition or Regulation?»](#)
- [Отрывок из книги «Rain Without Thunder: The Ideology of the Animal Rights Movement» о дискриминации людей в зоозащитном движении](#)

Шестой Принцип

Аболиционистки и аболиционисты считают принцип ненасилия основным принципом движения в защиту прав животных.

Краткое изложение

Аболиционистский Подход выступает против любого насилия, потому что рассматривает движение за права животных в качестве развития движения за мир во всем мире, которое включает в себя заботу о всех животных. Кроме того, учитывая, что большинство людей участвует в эксплуатации животных, не существует принципиального способа выделить эксплуататоров с целью оправдания насилия. Наконец, из-за всеобъемлющей эксплуатации насилие может быть воспринято только как патологическая реакция на что-то, считающееся нормой.

Единственный реальный выход — перейти на веганство в качестве этического минимума на индивидуальном уровне и участвовать в творческом ненасильственном веганском образовании с аболиционистской перспективой на социальном уровне.

Три проблемы насилия

Аболиционистский Подход выступает против насилия по трем причинам.

Во-первых, позиция прав животных видит своей целью окончательное установление мира, а значит полное устранение насилия. Движение за мир стремится положить конец конфликтам между людьми. Согласно Аболиционистскому Подходу, движению за права животных следует присоединиться к этой миссии и распространить ее на окончание конфликтов между людьми и другими животными. Движение за права животных должно стать лишенным спесишизма движением за мир.

Причина нынешних глобальных проблем заключается в том, что на протяжении истории мы участвовали и продолжаем участвовать в насилии, которое пытаемся оправдать в качестве средства достижения благородной цели. Каждый, кто когда-либо прибегал к насилию, заявляет, что сожалеет об этом, но утверждает, что некая благородная цель якобы является оправданием этого насилия. Проблема в том, что такое мышление создает порочный круг, позволяющий кому угодно прибегать к насилию в качестве средства достижения высшего блага. А жертвы этого насилия находят оправдание для насилия в ответ. Так оно без конца и продолжается.

Такое консеквенциальное этическое мышление разрушает мир и приводит к некоторым весьма странным противоречиям. Большая часть стран Запада заявляют, что приняли христианство. Каким бы запутанным не был Новый Завет в некоторых вопросах, он несомненно требует отказа от насилия. Тем не менее, христианские лидеры и их христианский электорат, провозглашая огромное сожаление, оправдывают самое ужасное насилие достижением якобы высшего блага, что бы это ни значило. Жертвы этого насилия тоже заявляют о своей приверженности религиям, осуждающим насилие, но считают оправданным насилие в ответ. В итоге мы имеем участвующих в насилии людей, каждая и каждый из которых при этом заявляют, что осуждение насилия является фундаментальным вопросом их религии. И мы еще говорим, что люди рациональны, а другие животные нет.

Насилие подразумевает обращение с другими как со средствами

достижения целей. Прибегая к насилию в отношении людей или других животных, мы игнорируем их неотъемлемую ценность. Мы обращаемся с ними исключительно как с *вещами*, лишенными какой-либо ценности за исключением той, которую мы сами решили им придать. Вот что заставляет людей прибегать к насилию в отношении людей цвета, женщин, гомосексуалов, трансгендеров и так далее. Вот что заставляет нас превращать других животных в товары и обращаться с ними как с ресурсами, которые существуют исключительно для нашего потребления. Все это аморально и должно быть отринуто.

Во-вторых, невозможно последовательно выделить легитимные цели насилия. Если, как утверждают некоторые, насилие в отношении эксплуататоров животных морально приемлемо, то кто именно должен стать нашей жертвой? Фермер выращивает животных потому, что большинство людей создают спрос на мясо и другие продукты животного происхождения. Фермер выращивает этих животных в интенсивных условиях, поскольку потребители хотят, чтобы цена этих продуктов была настолько низкой, насколько это возможно. Эти институциональные эксплуататоры делают то, что они делают, поскольку другие люди создают на это спрос. Если мы прекратим создавать спрос, тогда производители направят свои капиталы в другие отрасли. И хотя государство и животноводческая индустрия сегодня создают и поддерживают спрос на продукты животного происхождения посредством субсидий и рекламы, мы всегда можем проигнорировать их призывы. На политическом уровне мы можем потребовать прекратить поддержку животноводства государством. Если достаточное количество людей перейдет на веганство, тогда государство потеряет стимул для поддержки использования животных. Так что ответственность за эксплуатацию животных главным образом лежит на потребителях продуктов животного происхождения. В том числе и на «сознательных всеядных» и потребителях «счастливых» животных продуктов, считающих себя зоозащитниками. Легче назвать «врагами» фермеров, но это значит игнорировать реальное положение дел.

А что насчет вивисекторов, привычной цели сторонников насилия? Оставив в стороне спор о том, действительно ли вивисекция способствует получению информации, способной решить проблемы здравоохранения, подавляющая часть болезней, для излечения которых вивисекторы используют животных, могут быть значительно

сокращены или даже полностью устранены, если люди прекратят есть продукты животного происхождения, курить, чрезмерно употреблять алкоголь, принимать наркотики и начнут вести подвижный образ жизни. Опять же, кто здесь действительно виновен? Мы безусловно считаем, что вивисекция ничем не может быть оправдана, но мы находим странным то, как сторонники насилия рассматривают вивисекторов в отрыве от социальных условий, порождающих вивисекцию. Мы все виноваты в создании этих условий.

Кроме того, нам нельзя забывать, что проблемы здравоохранения всегда имеют множество вариантов решения. По мнению многих (включая нас), вивисекция является далеко не самым эффективным. Инвестирование общественных ресурсов в вивисекцию, а не в другие, вероятно значительно более эффективные меры, является политическим решением не в меньшей, а возможно даже в большей мере, чем научным. Например, значительные траты на исследования СПИДа с использованием животных практически не дали полезных результатов, а увеличение продолжительности и качества жизни больных ВИЧ и СПИД по большей части стало следствием клинических испытаний с участием добровольцев. Можно с уверенностью утверждать, что если бы деньги, потраченные на опыты над животными, были вместо этого потрачены на общественные образовательные программы о безопасном сексе и распространение бесплатных презервативов и шприцев, тогда частота новых случаев заражения ВИЧ рухнула бы. Во многом решение использовать опыты над животными для решения этой проблемы является политическим и социальным. Опыт над животными считается приемлемым способом решения проблемы СПИДа, в то время как распространение шприцев и презервативов, а также образовательные программы о безопасном сексе политически спорны. И снова, вивисектор здесь не единственный виновник. На самом деле вполне можно утверждать, что за использование животных в исследованиях СПИДа ответственны в первую очередь реакционные политики и их реакционный электорат, который осуждает более эффективные способы борьбы со СПИДом.

Читая лекцию в университете, Гэри Фрэнсион вступил в следующую (примерно) дискуссию с одним из сторонников насилия:

— Если вивисектор ежегодно ставит болезненные опыты на шести десятках собак, разве вы не считаете, что насилие по отношению к нему

оправдано?

— Позвольте задать вам вопрос: ваша мама веганка?

— Какая разница?

— Веганка?

— Нет, она не веганка.

— Какие продукты животного происхождения она потребляет?

— Она не ест говядину, но ест курицу и рыбу.

— Часто?

— Да.

— Ваша мама ежегодно ответственна за значительно большее количество смертей, чем вивисектор (не учитывая, веган он или нет). Насилие в отношении вашей мамы может быть морально оправдано?

— Это не то же самое.

— Правда? А в чем разница?

Фрэнсион не получил ответа, поскольку разницы просто не существует.

В-третьих, мы не понимаем, чего сторонники насилия надеются добиться на практике. Своими действиями они точно не заставляют общественность проявить равнодушие к участи животных. Скорее верно обратное, их действия имеют крайне негативный эффект в вопросах общественного восприятия. Мы живем в мире, где практически каждый, кто может позволить себе есть продукты животного происхождения, ест их. В этом мире не существует контекста, в котором насилие могло бы быть интерпретировано в позитивном ключе.

Другими словами, если поедание продуктов животного происхождения считается людьми таким же «естественным» и «нормальным», как пить воду или дышать воздухом, тогда насилие скорее всего будет считаться чем-то ужасным и никак не поспособствует прогрессивным размышлениям о проблеме эксплуатации животных.

Все наше общество пронизано эксплуатацией животных. Так происходит потому, что мы считаем, что цель (предположительные выгоды, которые мы извлекаем из использования животных) оправдывает средства (причинение страданий и убийство миллиардов животных ежегодно), и потому, что мы обращаемся с животными исключительно как с товарами, игнорируя их неотъемлемую ценность.

Такое положение дел не может быть изменено применением такого же мышления для оправдания насилия в отношении людей.

Нас крайне озадачивает тот факт, что по крайней мере некоторые из так называемых зоозащитников, которые призывают к насилию, даже не веганы. Эти люди так сильно заботятся о других животных, что призывают к насилию в отношении людей, которые эксплуатируют животных, но при этом сами не прекращают их эксплуатировать.

Велферизм и насилие

В некотором смысле велферистская и про-насильственная позиции схожи. Велферисты видят главную проблему в институциональных эксплуататорах и все свои силы вкладывают в попытки заставить их изменить свои практики. Однако институциональные эксплуататоры действуют в своих экономических интересах и будут делать то, что сочтут экономически эффективным. Они согласятся на реформы, которые увеличат их прибыли, и они будут рады удовлетворить спрос на нишевых рынках, но они никогда не возглавят движение за широкие институциональные изменения. Аналогичным образом сторонники насилия сосредотачивают свое внимание на институциональных эксплуататорах, не понимая, что повсеместный спрос на продукты животного происхождения и непризнание статуса животных в качестве личностей делают насилие практически бессмысленным. Если вы сегодня уничтожите пять боен, но спрос на мясо не изменится, значит завтра будут построены новые (либо существующие станут крупнее). Если вы закроете компанию, которая поставляет животных для вивисекции, но спрос на этих животных не изменится, поскольку общество поддерживает вивисекцию, значит кто-то другой будет поставлять этих животных. Единственный способ положить конец или значительно сократить использование животных заключается в том, чтобы сменить общественную парадигму и сократить спрос.

Аболиционистский Подход — пассивный?

Аболиционистский Подход не означает пассивность. Напротив: переход на веганство в силу признания его в качестве морального императива, а не просто способа сокращения страданий или временного выбора стиля

жизни, является актом ненасильственного неповиновения. Это отказ от участия в несправедливости эксплуатации невинных и уязвимых. Веганство с позиции аболиционизма представляет собой публичное заявление о том, что вы больше не будете участвовать в эксплуатации уязвимых и больше не будете поддерживать институциональный спесишизм. Переход на веганство в силу признания неотъемлемой ценности животных является самым важным решением, которое вы только можете принять на индивидуальном уровне.

Следующее по значимости, что вы можете сделать, это заняться образованием других людей о веганском аболиционизме. Некоторые люди заявляют, что творческое ненасильственное веганское образование, которое мы предлагаем для смены этической парадигмы, не работает достаточно быстро, учитывая серьезность проблемы и разнообразные социальные, политические, экономические и экологические последствия эксплуатации животных.

Мы не сомневаемся в том, что использование животных представляет собой настоящую катастрофу во всех отношениях и является самым значительным фактором уничтожения нашей планеты. Но будет за гранью фантазии верить, что насилие, даже будь оно морально оправданным, с чем мы несогласны, окажется более эффективным способом решения столь экстренной проблемы.

Как мы уже отметили выше, большинство людей считает использование животных стандартной, «естественной» позицией. Насильственные действия *не могут* рассматриваться как-либо иначе, кроме как нападение на то, что считается большинством людей совершенно приемлемым и не вызывающим возражений (по крайней мере если выполняется «гуманно»).

Насильственные действия, которые неизбежно будут интерпретированы большинством людей в качестве патологии, не заставят их возмущаться использованием животных. Напротив, насилие лишь окажет услугу тем людям, которые хотят выставить любые попытки смены парадигмы, включая мирные и ненасильственные, в качестве части в целом патологической и неприемлемой этики. Призывы к насилию не только идут вразрез с ненасильственной этикой, но и препятствуют ее распространению.

Каков же ответ? Как мы уже говорили в обсуждении [Третьего Принципа](#): творческое и ненасильственное веганское образование.

Аболиционистское веганское образование может принимать множество форм. Но они должны быть ненасильственными и, разумеется, творческими, чтобы увлечь людей. Такое образование, как и любое образование, ставящее своей целью действительно радикальные изменения, это очень тяжелая работа. Но, в отличие от альтернатив, это *единственный* вариант изменить парадигму, способный привести к фундаментально иному способу решения основной этической проблемы.

Полное избежание причинения вреда невозможно

Часто можно услышать возражение: «Но даже если я перейду на веганство, я не смогу полностью избежать причинения вреда животным, поскольку практически везде содержатся побочные продукты их эксплуатации, а самих животных убивают в процессе производства круп». Это важное возражение, на которое стоит ответить в конце этой книги, поскольку оно позволяет нам подробнее обсудить ненасилие.

Да, побочные продукты эксплуатации животных содержатся во многих вещах, наш мир буквально построен из их тел. Причина, по которой эти побочные продукты столь распространены, заключается в том, что мы убиваем животных миллиардами, а потому побочные продукты дешевы и легкодоступны. Живи мы в веганском мире, эти продукты не были бы доступны, а потому мы бы использовали материалы неживотного происхождения.

Да, животные действительно погибают в процессе производства круп, но их будет погибать гораздо меньше, если мы будем есть растения напрямую вместо того, чтобы сперва скармливать их животным, которых мы затем съедим. Если бы мы все ели растения, их выращивание занимало бы значительно меньше земли, поскольку для производства одного килограмма мяса требуется много килограмм растений. А если бы мы все были аболиционистками и аболиционистами, тогда несомненно мы все были бы гораздо сильнее обеспокоены этими случайными и непредумышленными убийствами.

Но возражения о невозможности полного избежания причинения вреда требуют от нас признания неоспоримого факта: наши действия оказывают негативное влияние на других, будь то люди или другие животные. Последователи джайнизма, духовной традиции,

зародившейся в Индии, считают ключевой догмой своей традиции принцип *ахимсы* или ненасилия: жизнь в материальном мире неизбежно подразумевает причинение вреда другим существам. Это правда. Например, как бы сильно мы ни сокращали свое потребление, мы все равно будем потреблять продукты, производство которых подразумевает ненамеренное причинение вреда людям и другим животным. Даже если мы покупаем исключительно веганскую одежду по принципам честной торговли, эта одежда будет сшита людьми, некоторые из которых неизбежно получают травмы в процессе производства независимо от того, платят ли им достойную зарплату. Некоторые животные тоже неизбежно будут травмированы тем или иным аспектом производственного процесса.

Разумеется, неизбежность непредумышленного или случайного вреда не означает, что между ним и умышленным причинением вреда нет этической разницы. Например, когда мы строим дорогу, мы знаем, что на этой дороге неизбежно будут происходить аварии, в которых пострадают люди. Но это не означает, что между строительством дороги и намеренным убийством людей нет разницы. Критики веганства, которые приводят аргумент о том, что веганки и веганы не могут полностью избежать причинения непредумышленного вреда, по сути говорят о том, что если мы не можем полностью избежать причинения вреда, значит мы не должны отказываться от причинения того вреда, от которого можем отказаться. Если мы не можем полностью прекратить смерти в результате ДТП, значит убийство морально приемлемо. Очевидно, что в контексте людей с такой позицией никто не согласится.

Аболиционистский Подход не утверждает, что мы можем полностью избежать причинения вреда другим животным. Мы не можем. Но мы *можем* отказаться от участия в прямом причинении вреда и прекратить участвовать в институциональной эксплуатации животных. Мы можем отказаться от использования чувствующих существ исключительно в качестве собственности, вещей, ресурсов.

Однако даже если мы все перейдем на веганство и примем ненасильственную этику, некоторые люди и другие животные все равно будут страдать в результате наших действий, но этих случаев будет гораздо меньше. Мы должны серьезно относиться к любому причинению вреда, даже если оно не находится на этическом уровне

намеренного или предумышленного. Веганский мир неизбежно поспособствует созданию более креативных решений для сокращения этого вреда. А прямо сейчас огромная часть проблемы заключается в том, что многие люди хоть и заявляют о своей приверженности ненасилию в качестве основного этического или духовного принципа, лишь немногие из них задумываются о том, как этот принцип должен отражаться на их ежедневной жизни. В веганском мире все будет иначе.

Если вас волнует ненасилие, значит вы должны перейти на веганство. Мы можем отталкиваться от веганства в качестве этической основы, чтобы поступать бережно и осторожно и не причинять животным непредумышленного вреда. Например, нам следует водить автомобиль реже, а когда ведем, мы должны быть осторожны, чтобы не навредить животным (в том числе и людям). Нам следует задумываться о потреблении и стараться потреблять как можно меньше. В следующий раз, когда захотите купить что-то, спросите себя: «Мне это действительно нужно?» Мы должны понимать, что чем больше наш экологический след, тем сильнее непредумышленный вред, который мы наносим как людям, так и другим животным. Но если мы перейдем на веганство и будем поступать исходя из ненасильственных принципов, тогда мы сделаем гораздо больше, чем делали в прошлом или настоящем.

Мир, в котором мы все потребляем растения, в котором ни одному животному не причиняют вред ради наших целей, будет миром, в котором мы все будем здоровее — морально, физически и духовно.

Заключение

Основная мысль проста. Образование является единственным способом оказать серьезное влияние на проблему использования животных. Прежде всего мы сами должны перейти на веганство и отказаться от насилия в отношении животных в своих собственных жизнях, а затем мы должны распространять эту идею посредством творческого и ненасильственного образования. В отличие от альтернатив, аболиционистское веганское образование свершит революцию — революцию сердца.

В конечном итоге, это единственные революции, которые достигли своих целей.

Рекомендации для дальнейшего чтения

Эссе:

- [О насилии](#)
- [О насилии и вивисекции](#)

Заметка об Аболиционистском Подходе, этике, религии и духовности

Чтобы быть аболиционисткой, вам необязательно разделять некие духовные, религиозные или атеистические убеждения. Вы можете быть верующей или атеисткой. Это не важно.

Что важно:

(1) Вы испытываете этическую обеспокоенность другими животными и вы хотите поступать правильно. Эта этическая обеспокоенность или моральный импульс может происходить из любого источника, он может быть как духовным/религиозным, так и не-духовным/не-религиозным; и

(2) Вы согласны с логическим аргументом, согласно которому наша этическая обеспокоенность не должна ограничиваться лишь некоторыми животными, но должна распространяться на всех чувствующих существ, что означает, что мы должны отменить эксплуатацию животных, а не регулировать ее.

Этическая обеспокоенность, моральный импульс и логические аргументы в агитации за права животных

Если вы когда-либо занимались зоозащитной агитацией, то вы сталкивались с ситуацией, в которой вы приводите рациональные доводы, согласно которым эксплуатация животных не может быть морально оправдана, но в ответ слышите что-то вроде: «Да, весьма любопытно, но я считаю, что есть животных это нормально» или «Мне кажется, что твои слова совершенно логичны, но я слишком сильно люблю мороженное и сыр и все равно буду есть их».

Как такое может быть? Как люди могут отвергать рациональные и логичные аргументы?

Ответ прост: логика и рациональность необходимы для этического анализа. Но они не покажут вам полную картину. Всё несколько сложнее, чем логические умозаключения. Этика — о животных или о чем угодно — требует нечто большего, чем просто логика. Это нечто включает в себя два тесно связанных, но концептуально различных понятия: *этическая обеспокоенность* и *моральный импульс*, которые предшествуют нашим рациональным и логическим размышлениям.

В контексте этики в отношении животных это означает, что для согласия с аргументом, который приведет вас к выводу о том, что все чувствующие существа являются полноправными членами морального сообщества, и что мы должны отменить их эксплуатацию, а не регулировать ее, вы прежде должны иметь этическую обеспокоенность животными. Это не обязательно означает, что вам должны «нравиться» животные, или что вы должны «любить» их. Вам не нужно иметь целый дом спасенных животных или даже одно. Но вы должны быть согласны, что по крайней мере *некоторые* животные являются членами морального сообщества, что они личности с точки зрения этики, то есть мы несем перед ними прямые моральные обязательства.

И вы должны *хотеть* поступать в отношении животных этично. Вам нужен моральный импульс. Вам нужно *почувствовать* свои этические убеждения в виде желания поступать правильно. Только тогда логика и рациональность могут предоставить убедительные аргументы, согласно которым все чувствующие существа обладают моральным статусом, а их эксплуатация не может быть морально

оправдана.

Но если вам наплевать на животных и вы не хотите поступать справедливо, тогда никакие аргументы на свете ничего не изменят. Если вы считаете, что мы не должны животным вообще *ничего*, тогда вам будет просто неинтересно слушать аргументы о том, перед какими животными мы несем моральные обязательства, и что они от нас требуют.

Логика и рациональность: необходимы, но недостаточны

В книге «Introduction to Animal Rights: Your Child or the Dog?» я привожу ряд аргументов, основанных на логике и рациональности. Вот лишь один из них:

1. Причинение страданий чувствующему существу требует адекватного морального оправдания.
2. Удовольствие, развлечение и удобство не могут быть сочтены адекватными оправданиями причинения страданий какому-либо чувствующему существу.
3. Даже самое «гуманное» животноводство подразумевает убийство и причинение значительных страданий чувствующим существам.
4. За крайне редкими исключениями нашим лучшим (и единственным) оправданием для употребления продуктов животного происхождения в пищу является удовольствие, развлечение и удобство.
5. Следовательно, мы не можем оправдать употребление животных продуктов.

Очень логично. Но этот аргумент не сработает, если вы не согласитесь с первым высказыванием и не захотите действовать в соответствии с ним. Если вы считаете, что мы не обязаны искать какие-либо оправдания для причинения животным страданий, тогда мы не сможем даже начать говорить об этике в отношении животных. Логика и рациональность могут помочь нам установить, какие именно обязательства мы имеем перед другими животными, но логика и рациональность бесполезны, если человеку просто наплевать на животных и он отказывается признавать, что причинение им вреда

нуждается в оправдании.

Наука тоже бесполезна относительно первого высказывания. Невозможно «научно» доказать, что мы обязаны искать оправдание для причинения вреда чувствующим существам. Как известно любому первокурснику, изучающему философию, нельзя перейти от «есть» к «должен».

Почему же мы должны согласиться с первым высказыванием?

Я утверждаю, что оно является самоочевидной истиной. Все чувствующие существа имеют моральную значимость, и прежде, чем я окажу негативное воздействие на их интересы, я обязан найти оправдание для своего действия. Используя здесь слово «истина», я имею это в виду в том же смысле, в котором использую это слово, если скажу, что чашка на моем столе красная. Утверждение «Чашка красная» является истинным. Чашка на моем столе *действительно* красная. Аналогичным образом утверждение «Причинение страданий чувствующему существу требует адекватного морального оправдания» является истинным и отражает нашу моральную интуицию, согласно которой страдание — это плохо.

Утверждение во втором высказывании: «Удовольствие, развлечение и удобство не могут быть сочтены адекватными оправданиями причинения страданий какому-либо чувствующему существу», тоже является самоочевидной истиной, поскольку если достаточное оправдание будет включать в себя удовольствие, развлечение и удобство, тогда оно будет включать в себя вообще все. Подумайте об этом. Если мы скажем: «Нам необходимо достаточное оправдание для причинения ребенку вреда, но мы можем бить его просто ради удовольствия», тогда принцип необходимости оправдания причинения вреда станет совершенно бессмысленным.

Если строгий эмпирик попросит меня доказать эти высказывания научным экспериментом, я не смогу этого сделать. Ну и что? Это не делает их ложными. Может ли кто-то отрицать их истинность? Конечно. Но этот кто-то может отрицать и истинность высказывания о красной чашке. Мы можем быть скептичны относительно этических принципов, но мы можем быть скептичны относительно чего угодно. Как знать, действительно ли чашка красная? Может у меня галлюцинации? Может быть я не существую в том виде, в котором мне это кажется. Быть может я лишь мозг в банке, который стимулируется электродами так,

чтобы я видел красную чашку, которой на самом деле не существует.

Я не считаю, что в заявлении об истинности первого и второго высказывания есть что-то спорное. Я бы сказал, что большинство людей, если попросить их подумать об этом, согласятся с этой самоочевидностью. «Introduction to Animal Rights» как раз о том, что мы заявляем о своем согласии с этими высказываниями, но мыслим иррационально относительно значения этого этического правила. То есть проблема не в том, что мы не можем рационально доказать эти высказывания. Проблема в том, что мы хоть и заявляем о своем согласии с этической истинностью этого принципа, мы либо не имеем морального импульса и желания следовать своим собственным словам и убеждениям (и, как я объясню далее, я считаю, что это означает отсутствие у нас этической обеспокоенности), либо мы просто не думаем рационально о том, что этот принцип требует от нас на практике.

Садист Саймон и Майкл Вик

В «Introduction to Animal Rights» я придумал персонажа, Садиста Саймона, который обожает пытать собак паяльником. Мы все сочли бы такое поведение ужасным. Идея заключалась в том, чтобы продемонстрировать, что Саймон нарушает принцип, с которым мы все согласны: причинение страданий чувствующему существу требует адекватного морального оправдания, а удовольствие Саймона таковым не является. Далее я утверждаю, что наше признание этого морального принципа требует, чтобы мы включили в моральное сообщество не только собак, а всех чувствующих существ, что означает полную отмену их эксплуатации.

Недавно я привел те же самые аргументы в контексте реальных случаев причинения вреда животным, вроде случая с футболистом Майклом Виком, который принимал участие в организации собачьих боев, в связи с чем был привлечен к ответственности. Реакция на поступок Вика была колоссальной, все его осуждали. И это была не просто критика. Люди были в ярости. Почему? Ответ прост: он нарушил моральный принцип, с которым согласно подавляющее большинство людей. Мы считаем его моральной истиной. А учитывая согласие с этим принципом, логика и рациональность требуют, чтобы мы признали, что

поступок Вика ничем не отличается от любого другого причинения животным страданий без всякой на то необходимости. Это означает, что мы должны перейти на веганство и требовать положить конец использованию животных.

Если вы согласны с истинностью первого и второго высказывания относительно собак, и если вы хотите поступать этично в отношении этих животных (ни то, ни другое не является вопросами логики или рациональности), тогда можно использовать аналогии, чтобы показать, что между собаками, которых вы считаете членами морального сообщества, и другими чувствующими существами нет морально-релевантной разницы. Черед логики наступает лишь *после* того, как вы согласитесь с моральной значимостью по крайней мере некоторых животных. Мы можем использовать логику и рациональность, чтобы продемонстрировать неспособность реформ эксплуатации животных удовлетворить наши обязательства перед другими животными, учитывая их моральную значимость.

Но если вы не согласны с моральной значимостью животных, тогда аргументы об их использовании или обращении с ними, будь они основаны на теории прав животных, утилитаризме, этике добродетели или чем угодно еще, просто бессмысленны.

Как я утверждаю в «Introduction to Animal Rights», идея о равной неотъемлемой ценности ни в коей мере не является мистической или метафизической. Это логическое замечание, касающееся минимальных требований для членства в моральном сообществе, которое означает, что мы признаем за животными моральное право не быть используемыми в качестве вещей. Это означает отмену их эксплуатации. Но если мы изначально считаем, что животным не место в моральном сообществе, или если нас просто не волнует этика, тогда идея о равной неотъемлемой ценности просто бесполезна.

Мы все осуждаем человеческое рабство, поскольку понимаем, что оно подразумевает полное исключение рабов из морального сообщества. Оно унижает их до статуса вещей. Учитывая, что на уровне моральной интуиции мы все согласны с тем, что все люди должны состоять в моральном сообществе, то есть они должны рассматриваться как этические личности, а не вещи, значит мы, помимо прочих обязательств, должны отменить рабство. Аналогичным образом, если мы согласны с моральной ценностью животных, значит мы, помимо

прочих обязательств, должны отменить их статус в качестве собственности, в качестве вещей. Мы должны обращаться с ними как с этическими личностями. И это означает, что мы их больше не потребляем. Точка.

Но если мы не считаем, что животные имеют моральную ценность, а это невозможно «научно» или «объективно доказать», тогда логические аргументы о том, какие животные должны считаться этическими личностями, и какие мы имеем перед ними обязательства, оказываются бессмысленны.

Каков источник этической обеспокоенности?

А что, если человек не согласен с первым высказыванием? Что, если человек просто не считает животных членами морального сообщества? Можем ли мы доказать ошибочность его убеждений? Нет, конечно нет.

Изменение поведения требует некоторого *эмоционального* компонента. Чтобы быть открытыми логическому анализу в вопросе использования животных, вам прежде необходимо признать их членами морального сообщества и захотеть действовать в соответствии с этим убеждением. Это не вопрос логики или рациональности. Вы должны *почувствовать*, что поступки Садиста Саймона или Майкла Вика плохие.

Схожие мысли об этической обеспокоенности озвучивает профессор Гэри Стайнер, который обсуждает концепцию чувства родства с другими животными в книге «Animals and the Moral Community: Mental Life, Moral Status, and Kinship». Стайнер утверждает, что в качестве прелюдии к серьезному размышлению об этике в отношении животных нам необходима концепция родства или чувственной связи с ними.

Я согласен со Стайнером в том, что большинство из нас имеет склонность к чувству родства с другими животными. Его только надо пробудить. Нам надо осознать это чувство. Именно оно позволяет нам увидеть истинность первого высказывания. Осознание этого чувства может быть вызвано множеством факторов:

Отношения с животным-компаньоном.

Осознание взаимосвязи всей жизни или некоторого этического норматива вроде «золотого правила этики». Это осознание может иметь

духовный аспект, а может и не иметь.

Признание принципа ненасилия в качестве фундаментальной моральной истины. Опять же, это может иметь духовный аспект, а может и не иметь.

Осознание может происходить из религиозной перспективы, как это было у Франциска Ассизского.

Или оно может придти после посещения бойни.

Или после чтения поэзии или литературы.

Или в следствие некоторого эстетического опыта.

Короче, есть множество вариантов осознания своей этической обеспокоенности. Мы можем называть это этической обеспокоенностью о других животных или чувством родства с ними, но в любом случае необходимо понимать, что оно должно включать в себя моральный импульс, выраженный в желании следовать своим убеждениям, поступать в соответствии с признанием и уважением моральной ценности животных и родства с ними.

Если мы имеем этическую обеспокоенность или чувство родства, которые включают в себя моральный импульс и желание поступать справедливо, только тогда есть смысл говорить об использовании логики и рациональности для предоставления аргументов и конкретных выводов о том, на каких именно животных распространяется этика (по моему мнению, на всех чувствующих существ), и что именно их статус в качестве этических личностей требует от нас (по моему мнению, полной отмены их использования). В отсутствие этической обеспокоенности и морального импульса, выраженного в желании поступать в соответствии с признанием морального статуса животных, логика и рациональность будут пропущены мимо ушей.

Аболиционистский активизм

Если люди согласны с первым и вторым высказыванием (пожалуйста, помните, что в этом эссе я обсуждаю лишь один из множества аргументов, которые привожу в своих работах), тогда мы можем, используя логику и рациональность, объяснить, что они должны прекратить поедание, ношение и любое другое потребление всех продуктов животного происхождения, то есть перейти на веганство. Они должны требовать отмены эксплуатации животных, а не ее

регуляции.

Но когда мы занимаемся таким образовательным активизмом, мы редко прибегаем к логике и рациональности, чтобы убедить кого-то в истинности этих высказываний. Мы используем логику и рациональность, чтобы помочь людям увидеть, что их этическая обеспокоенность животными ведет к одним выводам (веганство и аболиционизм), а не к другим («сострадательное» потребление, «счастливые» животные продукты, регуляция эксплуатации, разделение мяса и молока или рыб и коров, и так далее).

Может ли кто-то сказать: «Меня волнуют животные и я согласен с твоим логическим анализом, но я слишком сильно люблю продукты животного происхождения, а потому буду продолжать есть их»? Конечно. Но такая ситуация не означает ошибочность логического или рационального анализа. Скорее всего эти люди на самом деле не верят в моральную значимость животных независимо от того, что они говорят. Здесь не хватает этической обеспокоенности.

Например, многие люди фетишизируют кошек и собак. На самом деле они не считают их членами морального сообщества. Они испытывают эстетическое удовольствие или возможно некоторого рода одержимость этими животными подобно тому, как некоторые люди реагируют на автомобили, одежду и другие *вещи*. Нам встречались многие эксцентричные люди, которые были одержимы собаками, но которые при этом ели всех других животных и которым было даже не интересно поговорить об этике. Этическая забота о животных — это не вопрос о том, «нравятся» они нам или нет; считаем мы их «милыми» или нет. Это вопрос этического прозрения, вопрос о том, видим ли мы их моральную значимость и хотим ли действовать в соответствии с этим озарением.

Можно сказать, что эти люди обладают этической обеспокоенностью, но им не хватает морального импульса. На мой взгляд, действительно иметь этическую обеспокоенность *значит* иметь моральный импульс. Чтобы лучше всего понять, во что люди *верят*, следует посмотреть, что они *делают*. Так что я хоть и считаю, что этическая обеспокоенность и моральный импульс могут быть разделены в целях объяснения, я думаю, что этическая обеспокоенность не существует без морального импульса.

Разумеется, в некоторых случаях люди признают моральную

ценность животных, но не соглашаются с аргументом, согласно которому все чувствующие существа являются полноправными членами морального сообщества.

Например, некоторые зоозащитники, вроде Питера Сингера, считают всех чувствующих существ членами морального сообщества, но полноправными лишь тех, которые обладают схожими с человеческими когнитивными способностями, а в особенности человекоподобным самосознанием. Сингер не соглашается с моим аргументом, согласно которому все чувствующие существа равны, поскольку они все ценят свою жизнь, даже если они не думают о своем существовании так, как это делают здоровые взрослые люди.

В других ситуациях люди соглашаются с моральной ценностью животных, но отказываются признать отмену их эксплуатации в качестве единственного рационального решения, соответствующего признанию этой ценности.

Буквально всё «зоозащитное движение», представленное крупными организациями новых велферистов, не соглашается со мной относительно структурных проблем реформ эксплуатации животных и необходимости веганства в качестве этической основы. Они заявляют, что реформы эксплуатации улучшают жизни животных сейчас и приводят к хорошим последствиям для животных в будущем. Я не согласен.

Иногда люди говорят, что признают животных в качестве членов морального сообщества, но при этом заявляют, что анализ, который мы применяем для оценки своих обязательств перед ними, может отличаться от анализа, который мы применяем для оценки обязательств перед людьми.

Например, некоторые утверждают, что нам не следует говорить о моральных правах или общеприменимых правилах, а вместо этого предлагают «этику заботы», которая учитывает все особенности каждой отдельной ситуации. Но они никогда не применили бы этику заботы к фундаментальным этическим вопросам, касающимся людей. Например, ни одна сторонница этики заботы не скажет, что этичность изнасилования зависит от «заботы» с которой оно было совершено в каждой отдельной ситуации. Изнасилование всегда аморально, поскольку нарушает *право* на личную неприкосновенность. Когда речь заходит о фундаментальных интересах животных, мы должны

использовать аналогичный анализ. Если мы скажем, что «заботы» достаточно, то проигнорируем критически важный аспект этического анализа: требование одинакового обращения в одинаковых ситуациях.

Во всех трех случаях нам нужно сосредоточиться на логике и рациональности, учитывая, что мы все согласны с моральной значимостью животных и хотим поступать правильно. Мы хотим понять, каковы наши моральные обязательства. Логика и рациональность важны для определения моральных обязательств именно потому, что мы уже считаем животных членами морального сообщества и имеем моральный импульс поступать правильно.

Но источник этой этической обеспокоенности и морального импульса в любом случае не имеет совершенно никакого значения.

Если люди испытывают этическую обеспокоенность животными, тогда не важно, чем будет вызван моральный импульс. Это могут быть отношения с животным-компаньоном, прочтение Святого Франциска или художественной литературы, вроде «Черного красавчика», или стихотворения, вроде «Эпитафии собаке» Байрона; эстетическое отвращение или вера в принцип ненасилия, золотое правило или взаимосвязь всего живого.

Важна лишь сама этическая обеспокоенность и жажда действовать в соответствии с ней. Важно признание истинности первого высказывания по крайней мере в отношении некоторых животных. Важно согласие с моральной истиной, согласно которой по крайней мере некоторые животные являются членами морального сообщества, то есть имеют моральную значимость. Важно согласие с необходимостью действовать в соответствии со своей обеспокоенностью. Когда люди *хотят* поступать правильно в отношении других животных и согласны с их моральной значимостью, тогда и только тогда мы можем использовать логику и рациональность, чтобы показать им, что их этическая обеспокоенность должна распространяться на всех животных и должна требовать не регуляции, а отмены их эксплуатации. Это означает, что они должны прекратить участвовать в эксплуатации животных. Наши аргументы о равенстве, аболиционизме и веганстве могут показаться людям убедительными или не очень, но без этической обеспокоенности другими животными они вообще не смогут их понять.

Идея о том, что этическая обеспокоенность или чувство родства не

могут быть результатом религиозных или духовных убеждений так же глупа, как заявление о том, что этическая обеспокоенность не может быть результатом отношений с животным-компаньоном в отсутствие религиозной или духовной традиции. Религиозные и духовные традиции становятся проблемой только в том случае, если ограничивают этическую обеспокоенность и препятствуют включению в моральное сообщество всех животных, если разрывают чувство родства, если призывают к насилию. И давайте не будем делать вид, словно секулярные идеи не могут ограничивать этическую обеспокоенность аналогичным образом. Могут, и это в равной степени неприемлемо.

Если честно, мне вообще все равно по какой причине люди считают других животных членами морального сообщества. Пусть это будут их религиозные, духовные, эстетические, агностические убеждения или что угодно.

Мне не важно, является ли чьим-то источником этической обеспокоенности прочтение «Нагорной проповеди» и убеждение в том, что Иисус говорил о всех существах, или это вдохновение от прочтения стихов Байрона, который был атеистом, или, как в моем случае, это посещение бойни и абсолютная убежденность в том, что принцип ненасилия не имеет смысла, если не распространяется на всех чувствующих существ. Именно тогда я понял, как следует применять моральную интуицию, согласно которой страдания — это плохо. Тогда я понял, что убийство и причинение страданий всегда нуждаются в достаточном оправдании.

Я не говорю о том, что нам следует использовать *источник* этической обеспокоенности в качестве *аргумента* за права животных. Это бессмысленно. Если для кого-то этим источником стало прочтение «Черного красавчика» в детстве, это не значит, что для защиты прав животных мы должны призывать людей читать эту книгу. На самом деле многие люди после ее прочтения не перешли на веганство. Но эта книга (и бесчисленное множество других книг и много чего еще) может послужить моральным импульсом для некоторых людей и сделать их восприимчивыми к рациональным аргументам, которые мы, как аболиционистки и аболиционисты, можем привести, чтобы помочь людям понять, что все чувствующие существа состоят в моральном сообществе, и что переход на веганство является единственным

последовательным решением, учитывая их этическую обеспокоенность. Но если у них изначально нет этой обеспокоенности, тогда они останутся невосприимчивы к нашим аргументам.

Я против использования в агитации шок-контента, вроде видео с боен. Вы можете возразить: «Почему? Разве они не могут стать источником этической обеспокоенности?» Демонстрация сцен жестокости может пробудить этическую обеспокоенность, но большинство людей, которые изначально собираются посмотреть подобное, уже обеспокоены животными и хотят разобраться, что им с этим делать. Опасность заключается в том, что эти сцены могут сосредоточить внимание людей на *условиях обращения* с животными, а не на самом по себе их *использовании*, особенно если они демонстрируются, как это обычно и бывает, в качестве откровенных или скрытых призывов к реформам эксплуатации. Это в первую очередь касается тех видео, которые демонстрируют «жестокое обращение» в промышленном животноводстве. Многие люди после просмотра таких фильмов остаются твердо убеждены, что решением проблемы являются «счастливые» продукты животного происхождения, семейные фермы, камеры видеонаблюдения на бойнях и вообще все что угодно, *кроме* веганства.

Если люди обладают этической обеспокоенностью и моральным импульсом, выраженным в желании поступать правильно по отношению к другим животным, тогда мы *можем* использовать рациональность, чтобы помочь им понять, что их этическая обеспокоенность должна распространяться на всех животных, а веганство и аболиционизм являются единственными логичными ответами на признание чувства, каким бы ни был его источник, что другие животные являются членами морального сообщества.

Но в отсутствие желания поступать справедливо, будет бессмысленно прибегать к логике для установления, что именно является справедливым.

Рекомендации для дальнейшего чтения

Книги:

- Gary Steiner, *Animals and the Moral Community: Mental Life, Moral*

Status, and Kinship (Columbia University Press, 2008).

Сноски

¹ Эта и последующие цитаты Бентама из его книги *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation* (New York: Hafner, 1948), at 310-11, n.1.

² Peter Singer, *Animal Liberation*, rev. ed. (New York: New York Review of Books, 1990); Peter Singer, *Practical Ethics*, 3d ed. (New York: Cambridge University Press, 2011).

³ Acharanga Sutra, 1.2.3.

⁴ Donald R. Griffin, *Animal Minds: Beyond Cognition to Consciousness* (Chicago: University of Chicago Press, 2001), at 274.

⁵ <https://www.peta.org/features/case-controlled-atmosphere-killing/>

⁶ Academy of Nutrition and Dietetics (<http://www.eatrightpro.org/resource/practice/position-and-practice-papers/position-papers/vegetarian-diets>); American Diabetes Association (<http://www.diabetes.org/food-and-fitness/food/planning-meals/meal-planning-for-vegetarians/>); American Heart Association; (http://www.heart.org/HEARTORG/GettingHealthy/NutritionCenter/VegetarianDiets_UCM_306032_Article.jsp); British Dietetic Association (<http://www.bda.uk.com/foodfacts/vegetarianfoodfacts.pdf>); British National Health Service (<http://www.nhs.uk/Livewell/Vegetarianhealth/Pages/Vegandiets.aspx>); British Nutrition Foundation (<http://www.nutrition.org.uk/publications/briefingpapers/vegetarian-nutrition>); Dietary Guidelines of the U.S. Department of Agriculture and U.S. Department of Health and Human Services (<http://health.gov/dietaryguidelines/2010/>); Dieticians Association of Australia (<http://daa.asn.au/for-the-public/smart-eating-for-you/nutrition-a-z/vegan-diets/>); Dieticians of Canada (<http://www.dietitians.ca/Your-Health/Nutrition-A-Z/Vegetarian-Diets/Eating-Guidelines-for-Vegans.aspx>); Heart and Stroke Foundation

(<http://www.heartandstroke.com/site/c.ikIQLcMWJtE/b.3484249/k.2F6C/Hea>
Kaiser Permanente
(<http://www.thepermanentejournal.org/issues/2013/spring/5117-nutrition.html>); Mayo Clinic (<http://www.mayoclinic.org/healthy-lifestyle/nutrition-and-healthy-eating/in-depth/vegetarian-diet/art-20046446>);
National Institutes for Health
(<https://www.nlm.nih.gov/medlineplus/vegetariandiet.html>); University of
California (Los Angeles) Medical Center
(http://www.dining.ucla.edu/housing_site/dining/SNAC_pdf/Vegetarianism.pdf);
University of Pennsylvania School of Medicine
(http://www.pennmedicine.org/encyclopedia/em_DisplayArticle.aspx?gcid=002465&); University of Pittsburgh Medical Center
(<http://www.upmc.com/health-library/Pages/HealthwiseIndex.aspx?qid=abq2485>).

⁷ <http://www.abolitionistapproach.com/vegan-elitism-ronnie-lee-on-ordinary-people>

⁸ <http://www.abolitionistapproach.com/peter-singer-oh-my-god-these-vegans>

⁹ <http://www.abolitionistapproach.com/animal-welfare-regulation-happy-exploitation-and-speciesism>

¹⁰ <http://dailypitchfork.org/?p=625>

¹¹ <http://veganpublishers.com/animal-advocacy-and-the-scientific-method-the-humane-research-council-study/>;

<http://veganpublishers.com/pseudoscience/>; и

<http://veganpublishers.com/effectiveness>

Пожалуйста, обратите внимание, что мы хоть и находим эмпирический анализ Тафта полезным, но считаем ошибочным его концептуальный анализ, кроме того, он и Vegan Publishers поддерживают некоторые весьма сомнительные и спесишистские позиции.

¹² <http://veganpublishers.com/advocacy>

¹³ Paola Cavalieri and Peter Singer, eds., *The Great Ape Project: Equality beyond Humanity* (Fourth Estate, 1993) 5.

¹⁴ <http://archive.indystar.com/article/20090308/entertainment/903080313/Inter>
Peter-Singer

¹⁵ Peter Singer, *Practical Ethics* 3d ed. (Cambridge University Press, 2011)
119, 122.

¹⁶ Tom Regan, *The Case for Animal Rights* (University of California Press,
1983) 324.